

Игорь Бурдонов

том 1:

«ДОИСТОРИЧЕСКОЕ»

Часть 1

до осени 1969

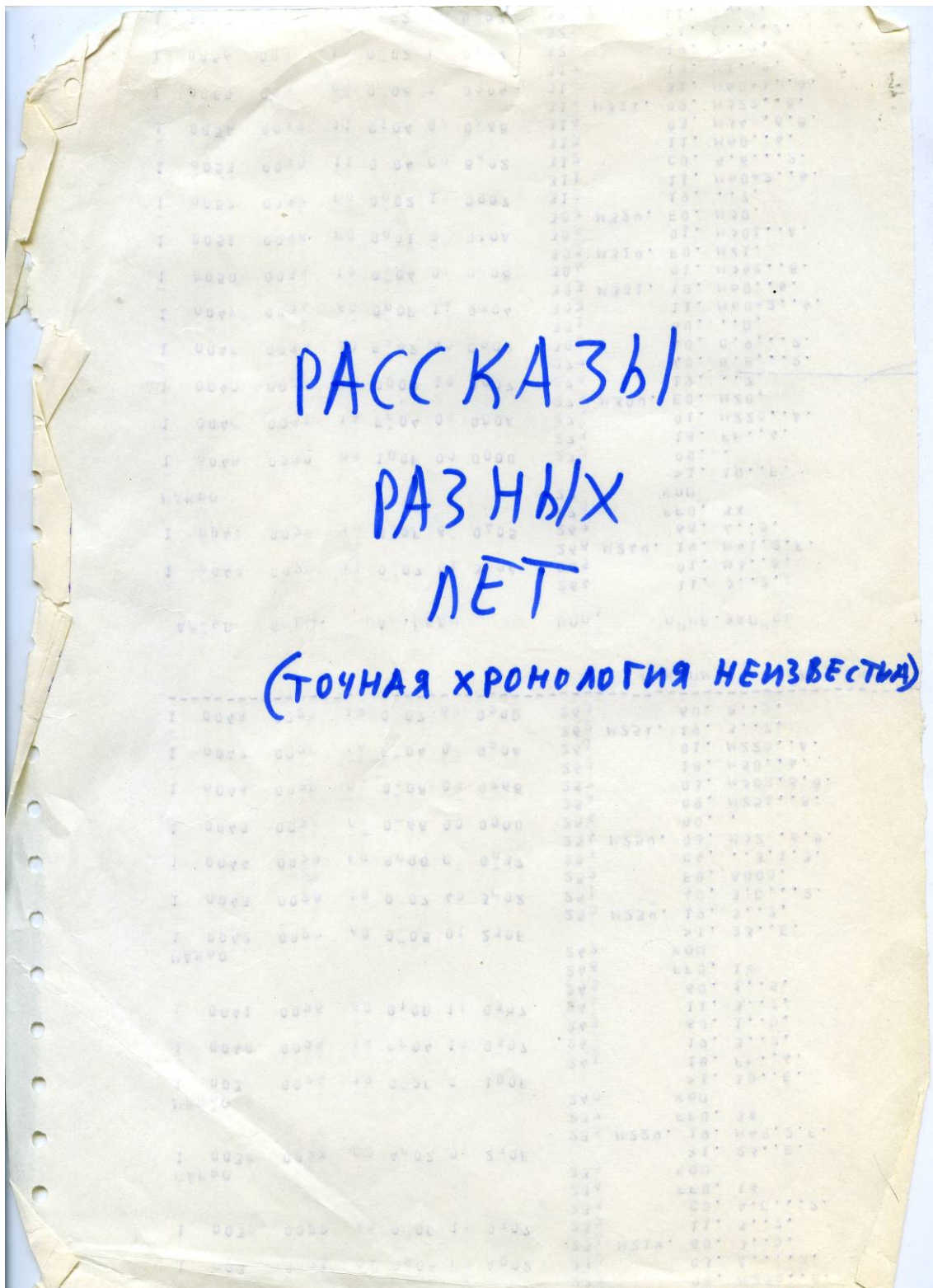
РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ (60-ые годы, точная хронология неизвестна) .5

1.	Краткость – сестра таланта	6
2.	стишки Страна Чудес	8
3.	ВСЕМИРНЫЙ МОЗГ-ИНФОРМАРИЙ	16
4.	Метель за окном	21
5.	Человек шёл по берегу моря	24
6.	Были ли на Земле канопусы?	26
7.	Какого дьявола вы упрямитесь, Боудли!	29
8.	Дубль-Я	36
9.	Вторая попытка	38
10.	РОБОТЫ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА	43
1.	<i>Viva Kkartura und Artur !!!</i>	44
2.	<i>Кто наследил на Марсе ?!</i>	48
3.	<i>стишки Правдивейшее и точнейшее летописание великих подвигов и славных любовных походов благородного наследного принца-робота №99-б, сына бессмертного Короля Артура, отважного странствующего рыцаря Одинокой Лампы, победителя ужасного полупроводникового дракона-вычислителя, сэра-ра Кан де ля Бра, кои совершил он в многотрудных поисках принцессы своего сердца, составленное в дни странствий его верным оруженосцем и храбрым слугой Ваней</i>	53
4.	<i>Их было семеро с половиной</i>	58
5.	<i>Мастер Нирто</i>	61
11.	ЗАГОВОР ОСЛОВ или ГОРЕ ОТ УМА	63
12.	ЕСТЬ НОВЫЙ РЕКОРД!	69
13.	ХРОНОПРОИСШЕСТВИЕ	72
14.	ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН	74
15.	НА ГРАНИ ЭПОХ	78
16.	ФЕНИКС	83
17.	ХОРОШЕЕ И ТЁПЛОЕ	95
18.	МЕТЕОРИТ	100
19.	КУПИТЕ ДУШУ!	106
20.	КОГДА МОЖНО НЕ ДУМАТЬ	110
21.	ИГРА	114
22.	стишки И снова мысли толпой суетливой	115
23.	УЛИЦА, НА КОТОРОЙ РАСТУТ КАШТАНЫ	117
24.	СОН	121
25.	НИКТО НЕ ВИДЕЛ МАРСИАН	127
1.	<i>МАРСИАНЕ (1)</i>	128
2.	<i>МАРСИАНЕ (2)</i>	132

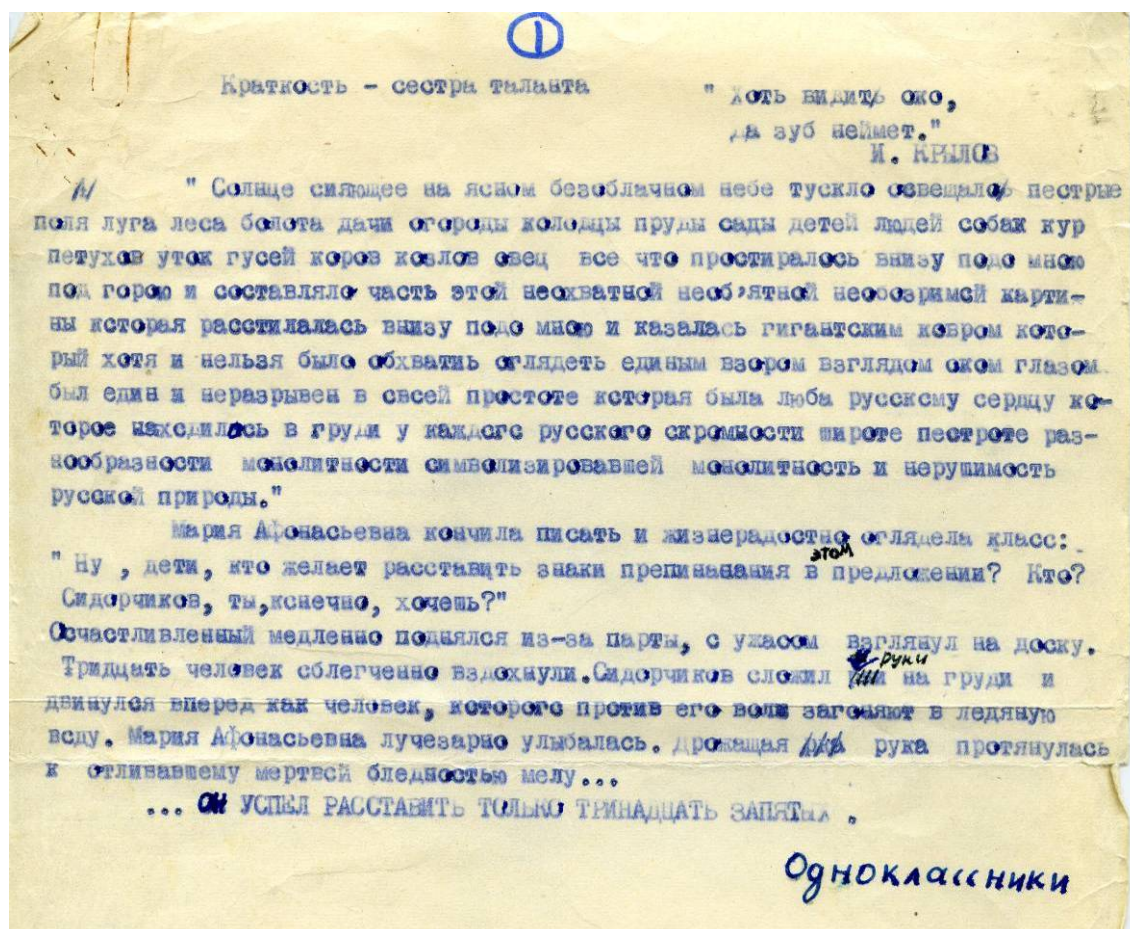
3.	МАРСИАНЕ (3)	137
4.	НИКТО НЕ ВИДЕЛ МАРСИАН	144
ОСЕНЬ 1968 – ЛЕТО 1969 (20 лет, 3 курс МГУ)		151
26.	стишки Три древних стихотворения	152
1)	Зимой не бывают грозы.....	153
2)	Земля, объятая пламенем	154
3)	С вечернего неба на землю	155
27.	ЛЕТО	156
28.	ЗАРИСОВКИ ПО ПАМЯТИ	157
29.	Невысокого роста, тонкая	158
30.	ВСТРЕЧИ	163
31.	РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 30 августа 1969 года.....	167
32.	РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 31 августа 1969 года.....	169
33.	МИСТИЧЕСКИЙ ЭТЮД... 1 сентября 1969 года.....	172
34.	РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 3 сентября 1969 года.....	173
35.	РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 4 сентября 1969 года.....	175
36.	РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 8 сентября 1969 года.....	177
37.	РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 15 сентября 1969 года.....	185
38.	РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 17 сентября 1969 года.....	188
ОСЕНЬ 1969 – ЛЕТО 1970 (21 год, 4 курс МГУ, ОСТАП)		191
39.	ОН	192
1)	...Ночью, едва я закрою глаза, он просыпается	192
40.	стишки Песенка о моём боге	194
41.	стишки В ритмах дрожащих	195
42.	стишки Время и боги.....	196
43.	стишки Трезв и скучен, как серая тень.....	197
44.	стишки Времена года.....	198
45.	стишки Тяжёлые звуки	199
46.	стишки В далёкой северной стране.....	200
47.	стишки ГОРЫ	201
48.	стишки CREDO.....	205
49.	стишки ВЕЧЕР У КАМИНА.....	206

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

(60-ые годы, точная хронология неизвестна)

1. Краткость – сестра таланта

Краткость – сестра таланта

« Хоть видит око,
Да зуб неймет «.

И. КРЫЛОВ

«Солнце садилось на ясном безоблачном небе тускло освещая пестрые поля луга леса болота дачи огороды колодцы пруды сады детей людей собак кур петухов уток гусей коров козлов овец все что простиралось внизу подо мною под горою и составляло часть этой неохватной необъятной необозримой картины которая расстилалась внизу подо мною и казалась гигантским ковром который хотя и нельзя было обхватить оглядеть единым взором взглядом оком глазом был един и неразрывен в своей простоте которая была любя русскому сердцу которое находилось в груди у каждого русского скромности широте пестроте разнообразности монолитности символизировавшей монолитность и нерушимость русской природы».

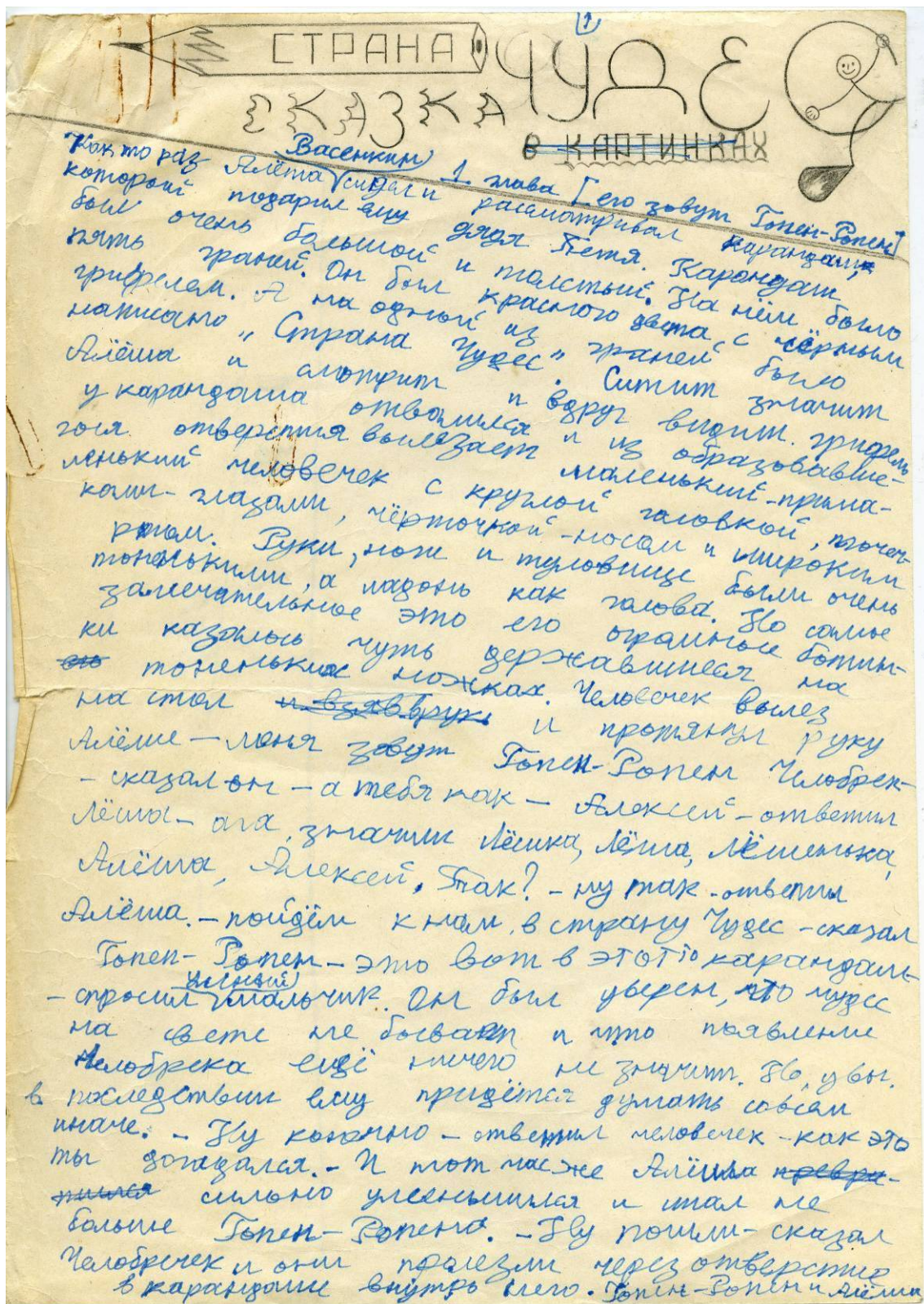
Мария Афанасьевна кончила писать и жизнерадостно оглядела класс: «Ну, дети, кто желает расставить знаки препинания в этом предложении? Кто? Сидорчиков, ты, конечно, хочешь?»

Осчастливленный медленно поднялся из-за парты, с ужасом взглянул на доску. Тридцать человек облегченно вздохнули. Сидорчиков сложил руки на груди и двинулся вперед как человек, которого против его воли загоняют в ледяную воду. Мария Афанасьевна лучезарно улыбалась. Дрожащая рука протянулась к отливающему мертвой бледностью мелу...

... ОН УСПЕЛ РАССТАВИТЬ ТОЛЬКО ТРИНАДЦАТЬ ЗАПЯТЫХ.

Одноклассники

2. стишки Страна Чудес

огромными ~~на~~ по окраинам поле. Извилистые
уходящие в облака горы, одетые в снежные шапки.
Небо было синее, облака разномыслились, прова
серо-буро-малыново-зелено - сини-желто-красн
- черн-бел-и так далее и тому подобное в том же роде
и в том же духе. ^{Б.-Р. 4 что значит Тенен-Тенен Чолоброк} Деревья, изредка встречающиеся
на поле, были самой различной (вместо т. д. и т. п.
в т. же р. и в т. же д. будем употреблять одно слово. ~~Феррарин~~
Б.-Р. Ч. ~~что значит Тенен-Тенен Чолоброк~~ формы
и самой разной (очень похожее слово - Б.-Р. Ч.) рас-
цветки. Между ними протекала река Гетавка.
Между тем Айша и Чолоброк подошли к
большому дереву.

* - Автор просит читателей не очень глумиться речью
каким Гопенко-Ропенко и других жителей Емранки. Здесь
дело в том, что автор сам ничего не может
сказать ~~за себя~~ ^{по поводу}, тем более, что автор
является сам Акимом Васильевым (Горьким).

СТРАНА ЧУДЕС

сказка

~~в картинках~~

1 глава [его зовут Гопен-Ропен]

Как-то раз Алёша Васенкин сидел и рассматривал карандаш, который подарил ему дядя Петя. Карандаш был очень большой и толстый. На нём было пять граней. Он был красного цвета с чёрным грифелем. А на одной из граней было написано: «Страна Чудес».

Сидит, значит, Алёша и смотрит, и вдруг видит: грифель у карандаша отвалился, и из образовавшегося отверстия вылезает маленький-премаленький человечек с круглой головкой, точечками-глазами, чёрточкой-носом и широким ртом. Руки, ноги и туловище были очень тоненькими, а ладонь как голова. Но самое замечательное – это его огромные ботинки, казалось, чуть державшиеся на тоненьких ножках.

Человечек вылез на стол и протянул руку Алёше:

– Меня зовут Гопен-Ропен Челобрек, – сказал он. – А тебя как?

– Алексей, – ответил Лёша.

– Ага, значит, Лёшка, Лёша, Лёшенька, Алёша, Алексей. Так?

– Ну, так, – ответил Алёша.

– Пойдём к нам, в Страну Чудес, – сказал Гопен-Ропен.

– Это вот в этот-то карандаш? – спросил умный мальчик. Он был уверен, что чудес на свете не бывает, и что появление Челобрека ещё ничего не значит. Но, увы, впоследствии ему придётся думать совсем иначе.

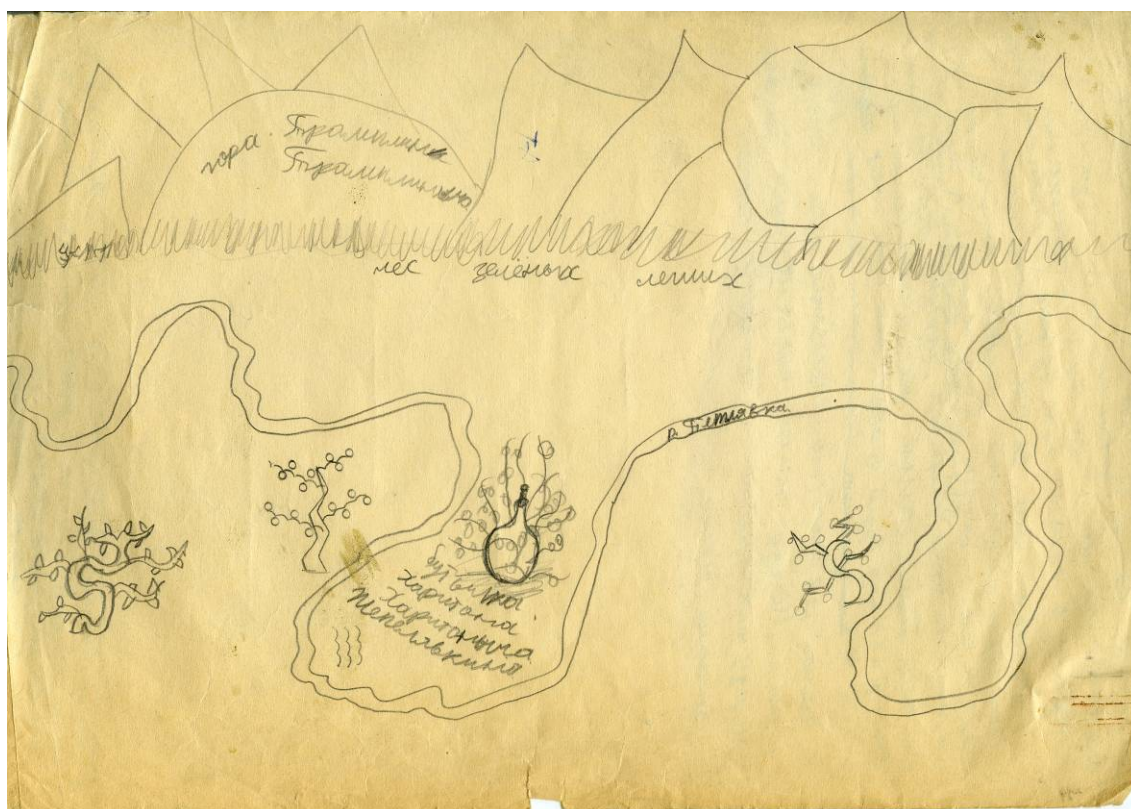
– Ну, конечно, – ответил человечек, – как это ты догадался.

И тотчас же Алёша сильно уменьшился и стал не больше Гопен-Ропена.

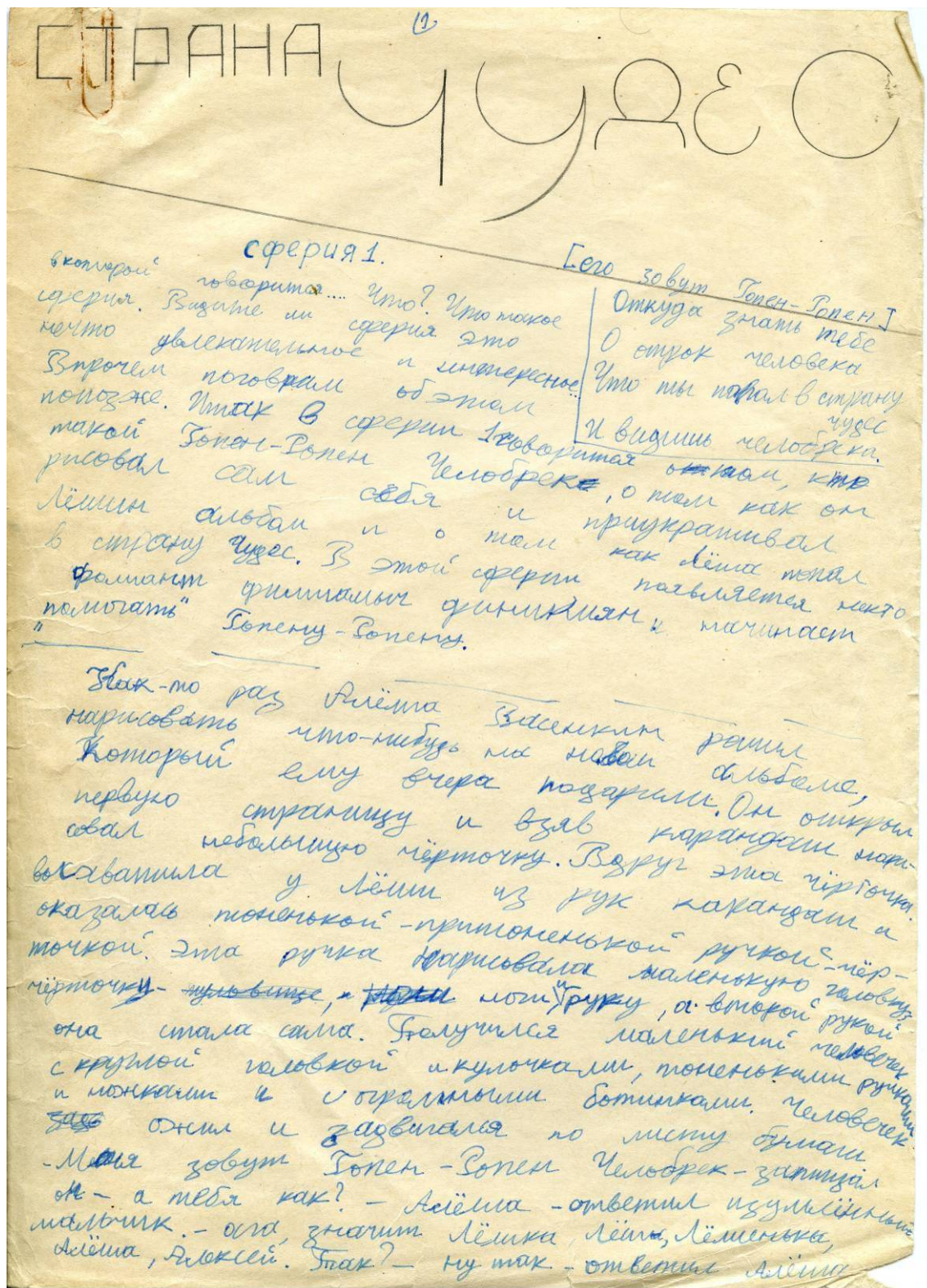
– Ну, пошли, – сказал Челобрек, и они пролезли через отверстие в карандаше внутрь него.

[Г.-Р.Ч помогает автору]

Гопен-Ропен и Алёша очутились на огромном поле. Вдалеке синел лес, а за ним возвышались огромные, уходящие в облака, горы, одетые в снеговые шапки. Небо было синее, облака разноцветные, трава серо-буро-малиново-зелёно-сине-жёлто-красно-чёрно-бело- и так далее и тому подобное в том же роде и в том же духе – Г.-Р.Ч., что значит Гопен-Ропен Челобрек. Деревья, изредка встречавшиеся на поле, были самой различной (вместо «т.д. и т.п. в т. же р. и в т. же д.» будем употреблять одно слово – Г.-Р.Ч.) формы и самой разной (очень подходящее слово – Г.-Р.Ч.¹) расцветки. Между ними петляла река Петлявка. Между тем Алёша и Челобрек подошли к большому дереву.

¹ Автор просит читателей не очень смущаться репликами Гопена-Ропена и других жителей Страны Чудес. Дело в том, что автор сам ничего не может с ними поделать, тем более что автором является сам Алёша Васенкин (прим. авт.)

[2] [Топен-Топен идет Емрагу Чудес]
- А ты знаешь что такое страна Чудес? - спросил
Топен-Топен - страна чудес это вот этот
альбом, только его надо немного украсить.
Бамбаме мне? - много - ответил ~~замысловатый~~
~~наш папаша~~ Аиёна - Для этого тебе надо отлить
очень маленькие - сказал Чибрек. И тут же
Аиёна сильно удивился и стал не больше
спрашивать. Он заметил что теперь он сам стал
марсоватым на бутке, но не очень сильно удивился.
- И так мамин - сказал Топен-Топен и достал
неизвестно откуда взвалившийся карамадан - с помощью
него марсовато сапине - и он марсовал медальон
крупнок, который медленно потащил вверх по
бутке и остановился на самом её краю.

СТРАНА ЧУДЕС

*Откуда знать тебе,
О, отрок человека,
Что ты попал в страну чудес
И видишь Челобрека.*

Сфера 1 [его зовут Гопен-Ропен]

в которой говорится... Что? Что такое сфера? Видите ли, сфера – это нечто увлекательное и интересное... Впрочем, поговорим об этом попозже. Итак, в сфере 1 говорится о том, кто такой Гопен-Ропен Челобрек, о том, как он рисовал сам себя и приукрашивал Лёшин альбом, и о том, как Лёша попал в страну Чудес. В этой сфере появляется некто Фолиант Фимиамыч Финикиян и начинает «помогать» Гопену-Ропену.

Как-то раз Алёша Васенкин решил нарисовать что-нибудь в новом альбоме, который ему вчера подарили. Он открыл первую страницу и, взяв карандаш, нарисовал небольшую чёрточку.

Вдруг эта чёрточка выхватила у Лёши из рук карандаш и оказалась тоненькой-претоненькой ручкой-чёрточкой. Эта ручка нарисовала маленькую головку-чёрточку, ноги и руки, а второй рукой она стала сама. Получился маленький человечек с круглой головкой и кулачками, тоненькими ручками и ножками, и с огромными ботинками.

Человечек ожил и задвигался по листу бумаги.

– Меня зовут Гопен-Ропен Челобрек, – запищал он. – А тебя как?

– Алёша, – ответил изумлённый мальчик.

– Ага, значит, Лёшка, Лёша, Лёшенька, Алёша, Алексей. Так?

– Ну, так, – ответил Алёша.

[Гопен-Ропен рисует Страну Чудес]

– А ты знаешь, что такое Страна Чудес? – спросил Гопен-Ропен. – Страна Чудес – это вот этот альбом, только его надо немного приукрасить. Поможешь мне?

– Помогу, – ответил Алёша.

– Для этого тебе надо стать очень маленьким, – сказал Челобрек.

И тут же Алёша сильно уменьшился и стал не больше спички. Он заметил. Что теперь он сам стал нарисованным на бумаге, но не очень этому испугался.

– Итак, начнём, – сказал Гопен-Ропен и достал неизвестно откуда взявшийся карандаш. – Сначала надо нарисовать солнце, – и он нарисовал небольшой кружок, который медленно пополз вверх по бумаге и остановился на самом её краю.

3. ВСЕМИРНЫЙ МОЗГ-ИНФОРМАРИЙ

Бурдонов Игорь

наверное, лето 63 или 64²

Проблема переработки, классификации, хранения и использования информации является одной из важнейших проблем человечества. Все способы, применяемые ныне для разрешения этой проблемы, далеко несвоевременны и неудобны. Если сегодняшние способы сбора и переработки информации ещё более менее удовлетворяют человечество, то способы классификации, хранения и использования информации оставляют желать много лучшего. В настоящее время вся информация (иди вернее дошедшая до нас её часть), собранная и переработанная человечеством за тысячелетнюю его историю заключена в книгах, газетах, журналах, кинофильмах, магнитных лентах, различных документах и просто в клочках бумаги. Всё это в свою очередь хранится в библиотеках, архивах, музеях, фильмотеках. Такой способ хранения информации очень неудобен, так как часто затруднительно бывает использовать эту информацию. Каждый знает, как трудно иной раз дослать нужную книгу или статью. Кроме того, бумага, киноплёнка и магнитные ленты со временем выходят из строя и информацию, содержащуюся в них, приходится переписывать и переснимать заново. На самое главное это то, что все знания человечества не могут использоваться сразу целиком.

Предлагаемый здесь проект (если его вообще можно назвать проектом, скорее всего это лишь эскиз, набросок или просто мысль) всемирного универсального мозга-информария не имеет перечисленных недостатков, хотя в настоящее время очень далёк от осуществления. Мозг-информарий представляет из себя развитую логико-математическую машину, большая часть которой является её памятью. Вот в этой-то памяти, в её ячейках, кристаллах или в каких-нибудь других элементах собрана и строго классифицирована вся накопленная человечеством информация. Кроме того, имеется и другая часть, с помощью которой могут производиться всевозможные вычисления, расчёты и другие действия, когда используется вся информация, собранная в памяти машины. Таким образом, этот мозг-информарий отличается от мозга человека тем, что в нём различные

² Как я предсказал интернет, чипы, гаджеты и информационную безопасность.

действия производятся гораздо быстрее, чем в мозге человека и при этом используются все знания человечества. Однако мозг-информарий не может сам ставить перед собой какую-либо цель и стремиться к ее выполнению. Но в сочетании с мозгом человека он будет замечательной системой. Значит, мозг человека должен быть неразрывно связан с мозгом машины, составлять с ним как бы одно целое, являясь его управляющей частью. Как может осуществляться эта связь. Сначала рассмотрим, как осуществляется связь между различными участками мозга человека, а также между мозгом и органами чувств. Мозг человека состоит из серого и белого вещества, Серое вещество это клетки мозга, а белое – проводящие пути, нервы, по этим путям информация передается при помощи так называемых нервных импульсов. Самое «простое» это сделать проводящие пути мозга-информария и пути, соединяющие мозг человека и мозг-информарий, подобными нервным путям человеческого мозга. Однако сидеть у мозга-информария «на привязи» всю жизнь не очень удобно, поэтому такой способ связи нам не подходит. Наиболее выгодным был бы способ связи при помощи электромагнитных волн. Однако как преобразовать энергию нервных импульсов человеческого мозга в электромагнитную энергию и обратно без потери информации. Предположим, что эта задача решена и создан прибор, позволяющий это делать, но тогда каждый человек должен повсюду таскать с собой этот прибор. Однако есть предположение, что такой прибор уже существует в мозге человека и что мозг человека постоянно испускает особое излучение, несущее определенную информацию, и что даже при помощи этого излучения можно непосредственно передавать мысли на расстояние. Ставились даже специальные опыты по проверке существования этой так называемой третьей сигнальной системы (если пользоваться терминологией Павлова) или телепатии. Однако решить этот вопрос никому ещё не удалось. Если это предположение окажется правильным (лично мне это кажется весьма вероятным), то проблема связи между мозгом-информарием и мозгом человека в принципе будет решена, ведь в мозге-информарии можно поставить прибор, преобразующий это излучение в любой вид энергии, используемый мозгом-информарием, и обратно. Если же это предположение ошибочно, то тогда придётся искать новые виды связи. Мы рассмотрели, как может осуществляться связь между мозгом-информарием и мозгом человека. Теперь рассмотрим, что представляет из себя эта связь. Человек ставит перед собой цель сообразно своим желаниям и потребностям и при помощи мозга-информария и своего мозга (я повторяю, что это неразрывное целое)

достигает этой цели, используя все знания человечества и мысля с огромной скоростью (вернее вычисляя, рассчитывая и производя другие более или менее логико-математические операции). Получается, что человек стал знать всё, что накоплено человечеством и кроме того он уже не сможет ничего забыть, ведь это не его память, а память мозга-информария, а из неё уже ничего не может вылететь.

Для того чтобы все люди земли были связаны с мозгом-информарием и могли пользоваться им, должна быть предусмотрена возможность производить в мозге-информарии множество вычислений одновременно. Весьма перспективно, по-видимому, будет использование каких-либо электромагнитных волн (например, радиоволн) малой мощности для связи между отдельными элементами мозга-информария. Тогда для каждого человека мозг-информарий будет работать только на одной, определённой волне. Для этого каждый элемент мозга-информария должен быть своего рода универсальным, то есть работать на волнах различной длины. Ведь не мешают же, например, друг другу тысячи радиостанций, работающих на различных волнах.

Если же люди находятся очень далеко от Земли, на другой планете, то на этой планете и на Земле устанавливаются специальные усилители, улавливающие и усиливающие сигналы мозга-информария и соответственно мозга человека на этой планете.

Мы рассмотрели, что представляет из себя мозг-информарий и для чего он служит. Теперь нам осталось рассмотреть, как будет осуществляться сбор информации в память мозга-информария. И тут перед нами встаёт одна из главных трудностей: как собрать в одном месте всю информацию, накопленную человечеством за тысячи лет, разбросанную по всему земному шару, записанную на разных языках, на бумаге, магнитной ленте, киноплёнке и т.д. Как перекодировать эту информацию на один, понятный машине язык, как правильно разместить эту информацию в элементах памяти мозга-информария. Итак, сбор информации.

В настоящее время информация, прежде чем попасть в книги, газеты и т.д. проходит через мозг человека. В нашем случае такой способ сбора информации может также сыграть большую роль. Ведь вся информация, которая попадёт в мозг человека через его органы чувств, будет тут же переходить и в мозг-информарий. Однако органы чувств человека могут воспринимать из внешнего потенциала весьма ограниченную по качеству и по количеству информацию. Сейчас, чтобы избавиться от этого недостатка, применяют всевозможные приборы: микроскопы, телескопы, счётчики элементарных частиц,

сейсмографы, термометры и т.д. Однако гораздо целесообразнее отправлять эту информацию сразу в мозг-информарий. Это нужно вот для чего. Ведь человек не может, например, чувствовать степень намагниченности данного предмета. О ней он судит лишь по графикам или условным обозначениям.

А машина может «чувствовать» степень намагниченности. Но раз показания от приборов попадают в мозг-информарий, то они являются «органами чувств», а значит и органами чувств человека. В результате этого представление человека о мире станет гораздо полнее и красочнее. В качестве сборщиков информации могут применяться особые миниатюрные роботы-приборы, способные самостоятельно передвигаться, производить различные измерения и передавать полученную информацию в мозг-информарий. Управлять такими роботами-приборами может сам мозг-информарий, ведь он является универсальной логико-математической машиной и эта работа будет ему под силу. Сборщики информации разлетятся по всей Земле и, может быть, даже залетят на другие планеты. Они везде будут первыми разведчиками, но и не только первыми. Роботы-приборы будут оставаться в данном месте до тех пор, пока не соберут там необходимую информацию.

Надо обратить внимание ещё вот на что. Человек в раннем, а тем более в младенческом возрасте ещё не осознаёт себя, он не умеет логически рассуждать, у него нет каких бы то ни было серьёзных целей в жизни, своих идеалов. Поэтому в таком возрасте нет смысла пользоваться мозгом-информарием, содержащем в себе все знания человечества. Вероятно, наилучшим выходом из положения будет создание нескольких информариев, содержащих различное количество частичной информации человечества. По мере взросления человек будет пользоваться то одним, то другим мозгом-информарием, со всё увеличивающимся количеством накопленной в них информации. И, наконец, к 15-18 годам он сможет пользоваться главным мозгом-информарием. У некоторых могут возникнуть опасения подобного рода. «А что, если вдруг мозг-информарий выйдет из строя? Ведь люди окажется беспомощными младенцами и человечество погибнет». Однако такие опасения излишни. Ведь мозг-информарий не может выйти из строя целиком. Может испортиться лишь какая-то его деталь, которую можно быстро заменить. Также элементы мозга-информария можно, по-видимому, сделать такими же универсальными, что и клетки головного мозга человека. То есть, если какая-то часть мозга-информария выйдет из строя, то оставшиеся невредимыми элементы информария возьмут на себя на время её

функции. Известно, например, что знаменитый французский учёный Луи Пастер большую часть своих наиболее выдающихся работ выполнил одним левым полушарием мозга, так как правое полушарие было почти полностью атрофировано в результате кровоизлияния. Кроме того, при пользовании мозгом-информарием через мозг человека проходит громадное количество информации и в нём отсеивается наиболее нужная, которая располагается наиболее выгодно. И, наконец, надо учесть, что с таким же успехом может выйти из строя и наш собственный мозг. А машину можно спрятать в гораздо более крепкий панцирь, нежели наш сравнительно тонкий череп. Таким образом, все опасения относительно подобной гибели человечества лишены всяких оснований.

4. Метель за окном

И.Бурдонов

А.Гусев

Леон Крис отдернул штору. За окном был Плутон – ~~это значит, что за окном был~~ снег и ветер, только снег и ветер. Неба не было видно. Метель. Тысячи лет с неизменной скоростью дул ветер всегда в одном и том же направлении, поднимая в воздух одни и те же снежинки. ~~Около самого окна снежинки двигались медленно, плавно опускались вниз — их защищал от ветра выступ станции. Но вновь подхваченные ветром, они кружились в бешеной пляске, выписывая в пространстве стремительные кривые.~~

Крис внимательно вглядывался в метель. У него зарябило в глазах. На секунду Леон закрыл их, а когда открыл, ему показалось, что он мчится куда-то вместе со станцией, а ветер хлещет в окно и снег стремительно уносится назад. Впечатление усиливалось тем, что во избежание заносов окна станции находились очень высоко, и поверхность планеты не было видно. Крис, ~~казалось,~~ чувствовал, как нарастает скорость воображаемого полёта. У него возникло опасение, что станция может с чем-нибудь столкнуться. В то же мгновение он ясно увидел огромную скалу, на которую мчалась станция. Крис вскрикнул.

Звук собственного голоса вернул его к действительности. Станция по-прежнему ~~была~~ неподвижна, а за окном ~~кружилась~~ метель. ~~Казалось,~~ огромная белая птица взмахивает широкими крыльями. ~~Крис приглядывался к их ритмичным взмахам.~~ Как-то на Земле Леон побывал в змеином заповеднике. Ему надолго запомнилась пляска змей. ~~Вначале он просто с любопытством рассматривал их ритмичные, плавные движения. Но потом~~ взгляд его приковала большая чёрная змея. Её движения были особенно ритмичны, всё тело змеи извивалось, но она не сводила с Криса огромных, гипнотизирующих глаз. Её манящие движения заставили его застыть на месте, потом Леон двинулся навстречу пронизывающему взгляду змеи...

Удар об оконное стекло остановил Леона Криса. За окном уже не было ритмичных взмахов широких крыльев, снежинки беспорядочно металась в пространстве.

Солнце с Плутона видно как маленькая звёздочка, на этой планете вечная ночь. Огни станции освещали планету на несколько десятков метров вокруг. Снежинки красиво искрились в этом свете. Они были похожи на маленькие искорки, взлетающие к небу над ночным костром. Искры быстро и беспорядочно двигались за окном; так быстро, что сливались в огненные кривые, расчертившие всё пространство мелкой сеткой. Сетка была такой мелкой, что расплывалась в сплошную огненную завесу. Крису уже казалось, что длинные языки пламени тянутся вверх, достигают его окна, вот уже всё вокруг объято пламенем. Леон нащупал в кармане платок, вытер пот со лба. Когда он поднял голову, огня уже не было – по-прежнему, за окном кружилась метель.

Крис плотно задвинул штору. Теперь он понимал, почему никто не выдерживал на этой планетарной станции больше одной смены. А ведь он здесь только неделю. Странная метель... Такое сильное психологическое воздействие! Но нужно думать, нужно искать способ парализовать действие метели. От него ждут помощи. Леон Крис – крупный психолог – был специально вызван сюда с Земли.

Леон отошёл от окна, сел в кресло и нажал клавиши справочника. На экране медленно проплывали рисунки различных конструкций окон: окна матовые, полупрозрачные, с гофрированными и волнистыми стёклами, окна-экраны, целая серия искажающих стёкол. Нет! Крис выключил аппарат. Всё это не то! Никакие технические изощрения тут не помогут. Людям нужны обыкновенные окна. С метелью нужно бороться какими-то психологическими средствами. Метель...

Крис вспоминал свою поездку по Сибири. От большой русской печи распространяется приятно тепло. Потрескивают сухие дрова, весело играет огонь. Леон сидит вместе с хозяином этой избушки на самодельных табуретах. Вьюга завывает в печной трубе, постукивает в окна и двери. Хозяин – крепкий старик – охотник, он курит длинную трубку, и дым не поднимается к потолку, а горьковатым туманом висит в воздухе, волнуясь от каждого движения людей. Они беседуют. За окном метель, но когда Крис оборачивается к окну, он почему-то не видит ни метели, ни близкого леса. Вдруг слышится приближающийся скрёкот мотора. Леон подходит к окну, зачем-то дышит на него, протирает рукой холодной стекло. Заглядывая в образовавшийся «глазок», он видит, как к дому подъезжают аэросани.

Иней! На окнах был иней! Он подошёл к окну, провёл рукой по гладкому стеклу. Окна на станции были очень хорошие, тщательно

отшлифованные. Они слишком гладкие, чтобы на них мог образоваться иней. Леон оглянулся вокруг; заметив перочинный нож, он взял его и начал скрести лезвием поверхность стекла. Через несколько секунд на стекле проступил лёгкий налёт инея. Крис поскрёб в другом месте – маленькие ёлочки вплелись в узор метели. Лезвие снова затанцевало по стеклу...

Когда Леон отложил нож в сторону, всё окно была затянуто тонким кружевом. ~~Вьюги не было видно.~~ Крисдохнул на стекло, протёр рукой холодную поверхность. Ювелирная роспись нехотя освободила маленький пяточок. Заглянув в образовавшийся «глазок», Леон увидел метель. Он внимательно вглядывался в неё, пока новый узор инея не затянул стекло. Это была обычная метель...

5. Человек шёл по берегу моря

И.Бурдонов

А.Гусев

Человек шёл по берегу моря. В этот утренний час море было спокойно и лениво плескалось у подножия гор. По синему пастбищу неба ветер гонял послушное стадо облаков. Птицы, похожие на чаек, стремительно носились над водой.

Человека звали Гей. Он был планетологом. Люди этой профессии определяют перспективы колонизации планет. На этот раз ему очень повезло. Эта планета была словно создана для людей. По причинам, ещё не совсем выясненным, здесь не зародилась разумная жизнь. Но в остальном этот мир был точной копией Земли. Это была почти Земля. Почти...

Человек нагнулся, выбрал гальку покруглее и... сильно метнул её в море. Камень бесследно исчез в воде. В детстве Гей жил на берегу моря. Там тоже были горы и галька. Он вспомнил, как хорошо метал гальку. Она подпрыгивала у него много-много раз, и никто не мог так хорошо кидать её. Человек прошёл вдоль берега ещё немного, выбрал другую гальку, пригнулся и снова сильно забросил её в море. Но галька не подпрыгнула и на этот раз.

Послышался лёгкий перестук копыт. На вершине скалы показался горный козёл. Он не испугался человека и с любопытством разглядывал его. Гей вздохнул, ему очень захотелось верить, что он на Земле. Человек громко крикнул... Он не хотел спугнуть животное. Просто в детстве он часами бегал по горным тропам и кричал до хрипоты, слушая многократное, переливчатое эхо... Безмолвие было ему ответом. Особая микроструктура поверхности скал обеспечивала почти полное поглощение звуковых волн.

Это была далеко не первая планета, на которую пришли люди. Каждый встречавшийся им мир имел свой облик, часто страшный и угрожающий. Людям было трудно, но они всегда помнили о Земле, работая на далёких планетах. Но ни одна из них не была так невыносимо похожа на Землю. Человек присел на большой камень, достал плоскую коробочку, которую всегда носил с собой. Там был пучок зелёной травы. Капельки росы блестели на листочках и, казалось, что травинки зрячие, что у них есть глаза. Человек закрыл коробку. Рядом с камнем пробивались зелёные стрелки, но росы на

них не было: на этой планете вообще никогда не бывает росы. Человек задумался...

В конце концов, разве можно найти для людей лучшей планеты? Условия здесь самые благоприятные, даже земные. Но в том-то и дело, что здесь всё слишком напоминает Землю. Разве это плохо? Люди будут чувствовать себя здесь как на Земле. Гей это почему-то не радовало. Он вспомнил гальку, немые горы, вечно слепую траву, и ему мучительно захотелось на Землю, туда, где он рос, где галька могла прыгать много раз, а горы разговаривали. Всюду здесь чувствовалось, каждый шаг говорил, что это лишь копия Земли, очень совершенная, но только копия...

Солнце уже высоко поднялось над планетой. Оно было почти такое же, как земное, может быть только голубее. От этой голубизны оно казалось холодным... Но где же настоящее земное Солнце? Где эта маленькая звёздочка? Гей вошёл в дом. Он вспомнил вид ночного неба, мысленно нашёл Малую Медведицу, но представить солнце не мог. Новью он не видел его. Планетолог читал, что когда-то каждый человек верил в свою звезду, верил. Что она принесёт ему счастье, ему одному. Люди давно уже забыли этот миф. Звёзды стали для них ближе, но у всех у них есть всё же заветная звезда, одна на всех, – Солнце. Первое время Гей был загружен работой и не заметил, что не видел Солнца с этой планеты. Сейчас он понял, что отсюда никто не увидит своей звезды.

Планетолог рассеянно следил, как по экрану пробегают строчки: «...пришёл к выводу, что планета пригодна для колонизации... Её условия очень сходны с земными, за исключением некоторых, легко преобразуемых, деталей...»

Гей нажал на клавишу сброса и продиктовал. Слова чёрными жучками выползли из-за края экрана: «...не пригодна, т.к. пылевая туманность делает невозможным наблюдение Солнца. Планетолог Гей».

6. Были ли на Земле канопусы?

И.Бурдонов

Фантастический рассказ-шутка

Канопусский звездолёт, мчавшийся со скоростью 940 тысяч километров в секунду, остановился мгновенно. Он оказался в минус трёх миллиардах миллимикрон³ от планеты Земля. Только три миллиарда! Слава канопусской технике!

Оглядевшись вокруг, звездолёт убрал телевизионную камеру, замигал контрольными лампочками и, наконец, ворчливо пощёлкивая блоком анализа вероятностей, открыл суперлюк. Из него выехали канопусы.

Их было ровно три с половиной. Это величайший философ, специалист в области мухослонию ТО-ТО-ТАК, знаменитейший учёный-математик, создавший бессмертную теорию пятиугольного треугольника Синусо-Фу, известный всей Канопуссии лирик романтического анализа, мастер интегрального ямба Ляли-Соль и нижняя половина великого скептика-теоретика, автора исследований пессимистического дифференциала Чепу-Ха. Верхняя его половина находилась в звездолёте.

Изменив окраску на ярко-малиновую и отрегулировав собственное анти-магнитное поле, канопусы принялись выгружать из звездолёта ультраприборы и супераппараты, изредка перебрасываясь мыслями. Вскоре работа была закончена, и киберразведчики, захватив шестигодовой запас антибиопалеомулинов, разбежались по планете. Канопусы тут же занялись выращиванием голов.

Когда их число у каждого канопуса достигло трёх сотен, канопусы начали исследование близлежащего района. Они разбежались по лесу, на поляне которого приземлился звездолёт, обмениваясь сообщениями через телепатические антенны на спинных генераторах. Звездолёт тем временем забрасывал в воздушную атмосферу десантников – радиофицированных бактерий.

За какие-нибудь пять минут было сделано огромное количество открытий. Оказалось, что на Земле необыкновенно много воды.

³ Три сантиметра

Канопусы, не медля ни миллисекунды, наполнили свои запасные желудки этим драгоценным веществом. Кроме того, были обнаружены рыбы – носители рыбьих глаз, основного топлива звездолётов Канопуссии. Все баки космического корабля были заполнены рыбьими глазами. На Земле оказалось также довольно много странностей. Например, полное отсутствие технеция или частичное преобладание белковой жизни. Кроме перечисленных открытий, было сделано множество второстепенных. Например, с большим трудом удалось обнаружить разумных существ. Но их белковая сущность сделала канопусов совершенно равнодушными к этим, так называемым, «людям».

Так продолжали пришельцы из космоса обследовать Землю, пока один из них не нашёл что-то похожее на письмо. Тотчас же их заложили в чрево математика Синусо-Фу, и через несколько миллисекунд был сделан краткий перевод письма. Вот его содержание: «Цивилизация планеты Земля – одна из самых великих и могущественных цивилизаций галактики. Она является также одной из самых древних цивилизаций. Звездолёты Земли первыми начали завоевание подпространства и в настоящее время почти полностью его освоили...»

Дальше канопусы не стали читать. Они срочно устроили ультразвукостроенное совещание. Первым взял слово специалист в области мухослонию ТО-ТО-ТАК. Он сказал:

– С точки зрения превращения мухи в слона Земля является крайне опасной планетой. Я предлагаю немедленно прекратить её колонизацию.

– Уважаемые коллеги, – произнёс математик Синусо-Фу. – Как вам хорошо известно, синусоида червеобразного треугольника при шести градусах юго-восточного рефлекс равна площади парадоксальной змеи с поперечным сечением трёх аксиом. Следовательно, коэффициент гениальности колеблется в пределах от влажных субтропиков до декабрьской гиперболы и является основным элементом колеблющегося анализа пяти прямых. В силу этого пребывание на планете Земля чревато большими осложнениями.

– Я тоже считаю, – заявил мастер интегрального ямба Ляли-Соль, – что, говоря языком романтического анализа, Земля суть небезопасный объект.

– Пессимистические идеи теоретического скептицизма, – продолжила мысль Ляли-Соля нижняя половина автора исследований

пессимистического дифференциала Чепу-Ха, – подсказывают мне, что дальнейшее пребывание на этой планете неизбежно повлечёт за собой гибель Вселенной.

Таким образом, единогласно было решено покинуть Землю. Сборы заняли несколько сотых долей миллисекунды. И вот чудо канопусской техники, звездолёт на рыбьих глазах, извергая нульпространственный огонь, удаляется от Земли. Через несколько миллисекунд он уже приканопулся на своей планете.

А между тем на поляну, где только что находился звездолёт канопусов, вышли два мальчугана. Один из них, чуть постарше другого, упрекал в чём-то своего товарища:

– Ну, что ты наделал! Такая интересная книга. Ищи, где ты её потерял?

– А папа говорит, что всё, что там написано, – это неправда, что всё это фантастика, – отвечал другой мальчик.

– Что ты понимаешь! – сказал старший. – Если этого сейчас нет, то когда-нибудь обязательно будет, и звездолёты, и всё остальное. Ты лучше ищи хорошенько.

– Вот, нашёл! – закричал младший. – Она тут, в траве лежала.

Он поднял с земли те самые «письмена», которые прочитали канопусы.

– Вот, – сказал мальчик, – бери свою фантастику.

Так закончилась эта история о посещении Земли представителями великой цивилизации Канопуссии. Были ли на Земле канопусы? Этого никто не знает. Ведь их никто не видел.

7. Какого дьявола вы упрямитесь, Боудли!

И.Б. Бурдонов

А.А. Гусев

– Какого дьявола вы упрямитесь, Боудли! – вскричал человек с грубым, словно вырубленным и необструганным лицом, размахивая руками и потрясая густой шевелюрой жёстких волос. – Восемьсот долларов за час. Послушайте, кто вам даст больше?

– Мистер Мертинг, – отвечал я. – Я согласился бы и дешевле, но мне надо знать, для каких целей будет использоваться анализатор. Войдите в моё положение...

– Я не хочу входить ни в чьё положение, – перебил меня Мертинг. – Сто долларов за час работы. Это моё последнее слово.

Это была более чем выгодная цена. Но я решил не отступать ни при каких условиях. Деви Мертинг был крупным психиатром, о его работе ходили всякие таинственные слухи, но толком никто ничего не знал. Такую возможность нельзя было упустить. Другого такого анализатора памяти как у меня ему нигде не найти.

– Нет, мистер Мертинг, – сказал я. – Я должен знать, что вы собираетесь делать с анализатором.

– Убирайтесь ко всем чертям, – заорал Мертинг, вцепившись в спинку стула.

– До свидания, – сказал я невозмутимо и направился к выходу.

– Стойте, – крикнул Мертинг и схватил меня за руку. – Хорошо. Я согласен. Садитесь и слушайте, но предупреждаю: если вы хоть одному живому существу выболтаете хотя бы одно слово... вы меня знаете.

Мертинга знал не один я, он был известен как признанный герой скандальных происшествий. Я сел и приготовился к восприятию таинства.

– Что вы думаете о сумасшедших? – неожиданно спросил Мертинг.

– Гм, думаю, что... – начал я.

– А, бросьте. Что вы, инженер, можете думать по этому поводу. Так вот, сумасшедшие – это милые существа. Среди них есть

подлинные таланты. Представьте себе такую красотку, которая носится по этажам, изображая из себя Екатерину II так убедительно, что вы через две минуты уже поверили бы в её царское происхождение, если бы она не изображала уже кого-нибудь другого.

Мертинг рассмеялся своей шутке:

– Десять лет тому назад я начал изучать творчество душевнобольных. Меня интересовали в основном рисунки. И вот среди них мне начали попадаться рисунки чрезвычайно схожие друг с другом. Схожие пейзажи, схожие сооружения, схожие темы рисунков и даже некоторые, как кажется, бессмысленные рисунки и отдельные элементы их были похожи. Но и то, что изображалось на рисунках, было довольно странно.

Мертинг подошёл к большому шкафу и, вытащив из него несколько папок, бросил их на стол.

– Вот полюбуйте́сь на этот хлам, – Мертинг вывалил содержимое папок. Здесь было множество самых разных рисунков.

– Хотя бы это, – Мертинг держал в руках два рисунка. – Это нарисовал один сумасшедший художник, преприятнейшая, надо вам сказать, личность, жаль упал с водосточной трубы. Сравните вот с этим рисунком.

На первом изображены были какие-то странные сооружения непривычной формы, окрашенные во все оттенки красного цвета, вверху были нарисованы два разноцветных пересекающихся круга. На втором рисунке – беспорядочные линии, полосы и пятна.

– И ещё, – Мертинг взял один рисунок. – Смотрите, те же два пересекающихся круга и даже цвета одного из них совпадают в обоих рисунках. Что это, по-вашему? А вот это, это...

Мертинг бросал на стол один за другим рисунки, и в каждом из них фигурировали два разноцветных круга.

– А вот другая, несколько меньшая по количеству рисунков, серия, – Мертинг разложил на столе веером несколько рисунков. Оно походили скорее на чертежи или какие-нибудь схемы, чем на рисунки. И в них замечалось большое сходство между собой.

– А теперь полюбуйте́сь на эти портреты.

Передо мною лежали несколько очень хорошо выполненных рисунков. На них были изображены лица и фигуры людей, но с какими-то, если можно так сказать, странностями. Несоразмерно

большие глаза, длинные распущенные волосы, странный голубоватый цвет кожи, тонкие руки и ноги.

– Ну, как вам нравятся эти хлюпики? – спросил Мертинг. – Не правда ли, очень похожи друг на друга. А ведь это рисовали самые разные люди.

– Да, сходство действительно поразительное.

– Ну, и как, по-вашему, объясняются эти странности?

– Не знаю. Возможно, у этих сумасшедших одинаковые условия жизни, одинаковые болезни мозга.

– Чепуха. Теперь слушайте, что думаю я. Я расспрашивал всех этих больных. Они ничего не выдумывают, они говорят, что вспоминают, понимаете, вспоминают. И по этим воспоминаниям уже рисуют. Ну, понимаете вы теперь?

– Н-не совсем.

– Осёл, да это же родовая память. Родовая память. Они помнят то, что видели когда-то их предки. Эти картины наблюдали когда-то их далёкие предки, и они, оставшись у них в памяти, передавались по наследству.

– Да, но как могли люди хотя бы и в отдалённые времена видеть такие картины? Здесь противоречие.

– Противоречие у вас в голове. И не одно. Представьте себе, что когда-то на Землю прилетели разумные существа. По каким-то причинам они не могли вернуться к себе на родину. Они регрессировали, от их высокого интеллекта остались одни сладостные воспоминания, которые, передаваясь по наследству, постепенно перешли глубоко в подсознательную часть памяти. Потомки этих пришельцев втесались в местное население и совершенно слились с ним. Но эти картины былого могущества, оставаясь в глубинах памяти, иногда, при особых ненормальных процессах в мозге человека могут всплывать и частично переходить в сознательную часть памяти.

– Удивительно. Но чем вы можете доказать эту гипотезу?

– Болван. А для чего же понадобился мне ваш анализатор памяти? Я подключу его к отделам памяти одного из моих любимых сумасшедших, и мы сможем увидеть на экране всё содержимое его сознательной и подсознательной зрительной памяти.

– Хорошо, мистер Мертинг, – сказал я, немного подумав, – аппарат я вам дам. Но у меня есть одно условие, вернее, просьба.

– И какая же?

– Нельзя ли мне присутствовать при эксперименте?

– А, чёрт с вами, Боудли. Но не забудьте моего предупреждения. Одно слово о моей работе и... – Мертинг сделал выразительный жест, очевидно, означавший мою дальнейшую карьеру в этом последнем случае.

– Опять вчера Бобби съел муху. За что он её так.

– Ну, ты, общество по охране мух, – крикнул Мертинг, – иди и не разговаривай.

Любитель насекомых покорно лёг в приготовленное ему ложе. Мертинг с помощью своих сотрудников привязал сумасшедшего к койке и надел на его голову нечто вроде большой кастрюли с вырастающими из неё прядями проводов. Эти провода словно щупальца спрута разбросались по комнате, то тут, то там присасываясь к отдельным блокам анализатора памяти. В центре комнаты возвышался сложный пульт управления. Напротив него зиял чёрный провал экрана.

– Хэлло, Боудли, – крикнул Мертинг, увидел меня. – Ваша машинка мне нравится. Сейчас и начнём. Вы сидите в своём кресле, я всё сделаю сам.

Он расположился перед пультом. Медленно погас свет. Только пульт освещался слабым светом люминесцентных ламп. Как опытный пианист Мертинг забегал руками по пульту. Вспыхнули лампочки на пульте, густое гудение заполнило комнату. Несколько минут машина прогревалась. Наконец экран слабо осветился, какие-то тёмные полосы забегали по нему. Затем полосы пропали, на экране появилось лицо девушки, медленно расплылось, и сквозь него на нас помчался поезд... Тёмные тучи заволокли экран, ударила молния... Яркое солнце, ребятишки, прыгающие в воду... Картины одна за другой сменяли друг друга. Пожар, стены дома рухнули вниз, чьё-то рыдающее лицо... Всё заволокло туманом, сквозь него едва различимые лица людей... Густой лес, высокие ели. Вдруг земля поднялась кверху, надвинулась на экран... Снова лицо девушки...

– А, чёрт, – слышался голос Мертинга, – в вашей машине какая-то идиотская система настройки.

Снова по экрану побежали картины... Высокая кровать, покрытая одеялом... Собравшиеся в кружок люди... Какие-то странные сооружения красного цвета, два раскалённых шара, яркий свет, режущий глаз...

– А, вот оно, – крикнул Мертинг. – Смотрите, это то, что они рисуют в своих картинах. Отлично, посмотрим, что дальше.

На экране появилась какая-то дорога. Мы как бы двигались по ней. Вдали показались опять те же красные здания. Какой-то город приближался к нам. Появилась фигура человека с большими глазами и тонкими руками и ногами, такими, какими я видел их на рисунках. Они разводили руками, беззвучно шевелились рты... Гигантское поле, усеянное чёрными прямоугольниками. Яркая вспышка, электрические разряды, густой дым заволок экран... Снова лицо девушки... Языки пламени, лижущие обуглившиеся брёвна... Опять красные сооружения. Они удаляются куда-то вниз, превращаются в маленькую точку и исчезают совсем. Гигантский диск красного цвета, очевидно, это планета. Она тоже удаляется, превращается в едва различимую точку. И вдруг снова начинает расти. Нет, это просто какая-то сфера, начинаясь от удаляющейся планеты, всё растёт и растёт. Два раскалённых шара. Они тоже удаляются, превращаются в маленькие звёздочки. А сфера всё растёт и растёт. Видна её граница, навстречу её мчатся звёзды. Вот ещё какая-то звезда. Она растёт, приближаясь. Планета, она увеличивается в размерах. Сфера и планета движутся навстречу друг другу. Вот они касаются... Человек сидит на земле. Откуда-то сбоку надвигается что-то огромное. Это же сфера. Она касается человека. Его голова в увеличенном виде. Сфера надвигается на неё, поглощает... Снова красные здания... Люди с синей кожей протягивают вперёд руки... Какие-то линии, странные значки, они быстро мелькают на экране... Снова поле с чёрными прямоугольниками... Яркая вспышка... Экран погас.

– Ну, что, – сказал Мертинг, – видите, всё как я говорил. Эти разумные существа прилетели когда-то на Землю и...

– Подождите, мистер Мертинг, – перебил его я, – вашу гипотезу я уже слышал, теперь выслушайте меня.

– Что ж, говорите.

– Так вот, я с вами не согласен, это не родовая память. Сначала такой вопрос: каким образом разумные существа, по-вашему, могут передавать информацию, ну скажем, на планеты других звёзд? Не отвечайте, я скажу сам. Всегда считалось, что это будет происходить при помощи радиоволн или волн светового диапазона. Но подумайте сами. Ведь Космос приносит на Землю гигантские ливни радио и световых волн. Как же среди всего этого найти слабый зов далёкой цивилизации, среди всего диапазона волн? Это слишком трудная задача. Теперь вам такой вопрос: что вы думаете о телепатии?

– Это чушь.

– Может быть, но пусть не телепатия, а что-нибудь ещё, но дело вот в чём. Ведь все эти радиоволны мы воспринимаем при помощи радиоприёмников, то есть каких-то приборов. Световые волны мы воспринимаем при помощи глаз, тоже своего рода приборов, и телескопов. А почему бы таким прибором, улавливающим если не радиоволны, то какие-нибудь телепатические волны, не может являться сам мозг человека, или какая-то его часть. Короче, я думаю, что эти разумные существа, желающие найти себе братьев по разуму, посылают в Космос какие-то особые лучи, несущие в себе информацию. Эти лучи, действуя на мозг человека, как бы отпечатываются в его памяти, вся информация, которая была в них заложена, переходит в мозг человека, в его подсознательную память. Но для того, чтобы этот человек воспринял и, главное, осознал эту информацию, как бы вспомнил её, его мозг должен быть соответствующим образом настроен, то есть должен пребывать в каком-то ненормальном состоянии. Вот почему эту информацию осознают только сумасшедшие.

~~— Колоссально. Вы светлая голова, Боудли. Но постойте, если как вы говорите, мозг этих больных может воспринимать такие лучи, то почему бы нам не создать нечто подобное ему? Тогда мы сможем воспринимать информацию непосредственно.~~

~~— Это трудная, но, я думаю, разрешимая задача. Вы знаете, меня это даже заинтересовало.~~

~~— О'кэй, Боудли, — Мертинг хлопнул меня по плечу. — Так мы ещё с вами поработаем. Вы меня извините, конечно, за...~~

~~— За «всех чертей»?~~

~~— Да нет, за «убирайтесь».~~

– Чепуха. Это всё ваши вымыслы, Боудли. Чем вы можете доказать...

– Доказать? Постойте... Отличная идея. Если мозг сумасшедшего может воспринимать какие-то там волны, то почему бы нам не построить некий прибор по образу и подобию мозга. Тогда ни о какой родовой памяти не может быть и речи. И при помощи него мы сможем непосредственно улавливать эти волны и расшифровывать их. Через пять, нет, через три года я докажу вам, что моя гипотеза верна, а ваша нет.

– Отлично. А я готов держать пари, что за тот же срок докажу вам обратное.

И Мертинг, хлопнув дверью, вышел из лаборатории.

Приписка карандашом, видимо, рабочее название:

Устами сумасшедших глаголет Космос

8. Дубль-Я

И.Б. Бурдонов

«Спрошенный о том, что такое друг,

Зенон ответил: другой я».

Зенон из Элеи,

древнегреческий философ

– Да, Галочка, приеду. В девять, сегодня. Буду. Ну, конечно, свободен... Пока.

Я положил трубку и только тут вспомнил, что у меня сегодня работы примерно до часу ночи, работы настолько срочной, что даже перед смертью я не мог бы её бросить. Но одно дело далёкая перспектива возможной кончины, и совсем другое... Дьявольщина, что же делать? Хоть разрывайся на части.

Постой, постой... на части,... ну, конечно же, на части. Отличная идея, правда машина ещё не совсем готова... А, рискнём. Так... чего там ещё не хватает? – я угрожающе посмотрел на грудку приборов. – Счётчик Гейгера?... Пустяки, сойдёт и электрический. Реле времени?... будильник! Ведь он ещё совсем новый. Теперь отражатель... Зеркало! У него превосходный коэффициент отражения... А чёрт, ну и трюмо же у моей бабушки!

Всё готово, можно раздваиваться. – И тут я понял, что собрал машину, которую не мог собрать вот уже четыре месяца! Поворот рукоятки, предсмертный грохот фамильной драгоценности... и я остался без отражателя. Но утопающий хватается за соломинку, и я схватился за медный таз.

Снова поворот рукоятки, и я увидел себя. Я-второй с интересом оглядел меня и сказал:

– Вы... гм... то есть ты, очевидно, удивлён. Сейчас не время объяснять. Я пойду к Галине, а ты будь добр закончи работу.

– Но позволь, – возмутился я, – ведь это я раздвоился. Ты – мой двойник.

– Конечно, так же как и ты – мой. Ведь я же раздвоился.

– Ошибаешься, раздвоился я, а не ты, и ты должен оставаться работать.

– Что за шутки! Как это ты раздвоился? Впрочем... впрочем, так же и должно быть. Ты моя точная копия, также как и я – твоя. И каждый думает, что он первый. Но тогда кто же останется здесь?

– Вот уж не думал, что с самим собой так трудно договориться!

– Идея! Мы сейчас сделаем третьего Я и заставим его работать, а сами пойдём...

– Как, вдвоём?

– Гм... действительно. А мы соединимся!

– Решено!

– Решено! – воскликнул я-первый.

– Создадим сорок девятого! – сказал я-тринадцатый.

– И заставим его работать, – добавил я-сорок восьмой, скрывавшийся под видом четвёртого.

– Ну давайте же побыстрее, – взмолился я-второй, – мы так опоздаем в конце концов.

Соров восемь рук взметнулись к сорока восьми парам глаз. Девяносто шесть стрелок показывали 23 часа 00 минут...

Я-последний

9. Вторая попытка

фантастический рассказ

И.Б. Бурдонов

Мне показалось, что он спит. Глаза его были закрыты, губы плотно сжаты, седые волосы рассыпались по подушке. Он был бледен и выглядел очень усталым и осунувшимся. Тяжёлая болезнь вот уже несколько недель не давала ему подняться с постели.

Едва я сел, он открыл глаза и сказал тихо, совсем тихо:

– Здравствуй, мой мальчик.

– Здравствуй, отец, – отвечал я. – Ты звал меня?

Слабым жестом он велел мне сесть ближе:

– Я хочу рассказать тебе одну очень давнюю историю.

– Я слушаю тебя.

– Я буду говорить тихо; если ты что-нибудь не расслышишь, спроси...

Это произошло сорок лет назад, когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас. Я работал в институте времени; да, тогда уже был такой институт. Мы занимались проблемой зондирования времени, то есть не перемещения во времени материальных предметов, а лишь наблюдения событий будущего и прошлого. Мы смогли создать опытную установку с диапазоном приёма ± 100 лет. Принцип её работы тебе может быть неизвестен, сейчас машины временного зондажа работают по другому принципу. Дело в том, что мы использовали межвременной канал датчиковых сигналов, а передающих устройств тогда не существовало.

Иными словами, мы могли улавливать только импульсы нервных окончаний какого-либо человека, жившего в прошлом или того, который будет жить в будущем. Мы могли видеть его глазами, слышать его ушами, осязать его кожей, то есть воспринимать весь комплекс его ощущений. Но мы не могли, например, измерить уровень радиоактивности в каком-либо месте и в какое-либо время, потому что она не воспринимается человеческими органами чувств. Из всего спектра электромагнитного излучения мы могли воспринимать лишь узкую полосу видимого света.

Кроме того, наблюдать можно было лишь те события, для которых мы могли найти «очевидца», то есть человека, который когда-либо жил и присутствовал при этом событии, или, если событие происходит в будущем, человека, который будет жить и наблюдать интересующее нас событие. Недостатков, как видишь, у нашей машины было много, но ведь она была одной из первых.

Отец замолчал. Говорить ему, видимо, было трудно, и несколько минут он лежал с закрытыми глазами, отдыхая. Потом заговорил снова:

Первые наблюдения провёл я. Мы не собирались наблюдать какое-либо определённое событие, а просто настроились на ощущения человека в будущем в случайно выбранный момент времени. Сигналы поступали непосредственно в мой мозг, записывающей аппаратуры у нас не было. Тем более не имели мы такой роскоши, как эффектор присутствия: в течение всего эксперимента я хорошо сознавал, что я – Рель Сеттен, а не лазерщик.

Да, «очевидец», человек, комплекс ощущений которого я воспринимал, был лазерщиком. Сорок лет назад, конечно, ещё не было солнечных лазеров, были только первые неудачные проекты. Но за два-три сеанса наблюдений я смог установить, что мой «очевидец» работал на околосолнечной станции, и эта станция действительно была лазерной установкой, хотя и имела мало общего с существовавшими в моё время проектами. Лазер был межзвёздным: он собирал энергию излучения Солнца в непосредственной близости от звезды и мощными строго направленными импульсами посылал её на какую-то отдалённую станцию далеко за пределами Солнечной Системы.

Вначале всё шло очень хорошо, никаких особенных событий на станции не происходило. Я уже привык к своему «очевидцу» так, что во время сеансов даже забывал, кто я такой, полностью, так сказать, входил в роль. Эффект присутствия, хотя, конечно, и не полный, создавался естественно даже без эффекторов. И вот однажды...

Отец снова замолчал и лишь через несколько минут продолжил свой рассказ:

Это был последний сеанс. Я, как всегда, во время сеанса чувствовал себя лазерщиком, чувствовал, что сижу у перфоратора и исправляю ошибки в какой-то программе для вычислительной машины. Внезапно взвыла сирена, замигали сигнальные лампы, задрожал пол. Я понял, что случилось что-то очень опасное, если в действие приведены все системы сигнализации. Я вскочил и побежал;

несколько секунд – и я у центрального пульта. Как он изменился! Целый вихрь мигающих лампочек, десятки стрелок – на красной черте, в счётчиках бешено скачут цифры, на главном экране кричащие надписи: «Метеоритная опасность! Пробой второго отсека. В третьем и восьмом отсеках утечка воздуха. Повреждение вспомогательной сигнальной системы в точках 15, 4, 83. Система ориентации...»

Всё мелочи! Я переключил тумблер, и на экране появилось главное: «Отклонение луча лазера на 0,0003 радиана. Отклонение продолжается в направлении 56-39,6 со скоростью $14 \cdot 10^{-6}$ рад/сек. Градиент мощности...» Я бросился к информатору, набрал координаты отклонения. Сразу же из выходного устройства выползла лента ответа. Так и есть! Луч лазера неумолимо приближался к третьей околосолнечной ракетной базе. И именно сейчас там несколько только что прибывших дальних ракет, сотни людей!

Я снова метнулся к пульту, руки мои помчались по клавишам. Стрелки приборов вздрогнули, некоторые качнулись в сторону, беспорядочно заметались. Я понял. Что удар метеорита попал в цель – система ориентации луча лазера вышла из строя. Оставался только один выход: отключить энергетическое питание лазера, погасить ставший смертельным луч. Но сделать это с пульта оказалось невозможным: система сигнализации была повреждена именно там, где это было опаснее всего!

В моём распоряжении оставались считанные минуты. Ноги понесли меня по длинным гулким коридорам; я спускался в аварийные колодцы, отвинчивал плотно закрытые запасные люки, кулаками разбивал предохранители. Вдруг, когда я бежал по узкому коридору, запахло горелым, откуда-то повалил густой дым. Я свернул в боковой проход и через несколько секунд увидел впереди вход в аварийный энергетический пункт. Из комнаты высывались языки пламени, дым мешал разглядеть подробности. В глубине помещения блеснул штурвал, один поворот – и люди на базе будут спасены. Но вход в энергетический пункт закрывался, сверху стремительно опускалась тяжёлая плита. Успею ли проскочить внутрь?!

И вдруг мозг пронзила мысль: ведь я же Рель Сеттен! Я же не лазерщик! Ведь это не я бежал по коридорам, не я должен повернуть штурвал! Но я всё чувствую! И я буду чувствовать боль, я умру от боли! Ведь энергетический пункт горит! Сейчас там будет взрыв!! Зачем?! Стой!!..

Отец почти выкрикнул последние слова и в изнеможении упал на подушку. Лицо его стало ещё бледнее, губы дрожали, пальцы

впились в кровать. Но я не смел его перебить. Через несколько минут отец продолжил спокойным, совсем спокойным голосом:

И я остановился – остановился этот лазерщик. Может быть, он и не остановился, а лишь на мгновение замедлил бег, но плита упала вниз и вход закрылся. Я почувствовал, как опускаюсь на пол, обхватываю голову руками. Я понял, что «очевидец» уже бессилён, что недоступный теперь штурвал был последним шансом. Затем я выключил установку. Это был мой последний эксперимент зондажа.

Теперь, мой мальчик, самое главное: мы не имели трансформатора.

– Ты наблюдал своё будущее?! – воскликнул я. – Но разве ты был лазерщиком?

– Нет, – отец отрицательно покачал головой, – у нас, действительно, не было трансформатора, и поэтому лично я, например, мог воспринимать ощущения только одного человека, того, который имел зонд-параметры своих ощущений, максимально приближающиеся к моим среди всех людей, живущих в данный зондируемый момент времени; ощущения остальных людей полностью заглушались. Конечно, таким человеком являюсь, прежде всего, я сам, но лишь в тех моментах времени, в которых я существую.

– Какое время ты зондировал? – спросил я.

– Этот год.

– Отец! Но как же... Почему... Ведь ты же ещё... – я осёкся, поражённый страшной догадкой.

– ...ещё жив, хотел ты сказать... Я наблюдал ТВОЁ будущее, сын.

– Отец!!

– Спокойно, мой мальчик. Выслушай меня. Я оставил завещание. Там я всё написал. Написал, что, вероятно, при зондировании возникла спонтанная обратная связь, и ты не можешь быть обвинён в гибели базы. Ничего не говори мне... или... оставь меня... Прощай, сын... Я всё же надеюсь...

Я окончил рассказ, и некоторое время длилось молчание.

– Ты читал завещание? – спросил брат.

– Ещё не успел.

– Ты знаешь, там ничего нет об этой истории.

– Нет?! Значит, отец знал, что катастрофы не будет?

– Не думаю... Ведь всё произошло именно так, как он описал, только... только ты успел проскочить в энергетический пункт, успел повернуть штурвал. Его последние слова были «Я всё же надеюсь». Он верил в тебя... Скажи, почему ты пошёл именно на эту лазерную установку?

– Почему... Понимаешь, я должен... должен был сделать то, что не смог отец. Мне казалось, что это для него как бы... вторая попытка.

– Вторая попытка... Пожалуй, верно. Но почему всё-таки наблюдения отца сорок лет назад не совпадают с тем, что произошло?

– Я думал над этим... Вплоть до самой аварии меня не покидала мысль о том, что ведь я уже всё знаю, как и что должно произойти, и чем кончится. Так для чего тогда вообще пытаться что-либо делать, если всё заранее предопределено? Казалось бы, верно... Но ведь тогда получится, что не только этот один эпизод, но и вся наша жизнь, все наши действия известны заранее, только мы этого не знаем. А это уже что-то вроде Судьбы, Фатальности и тому подобное. Нет... Я не согласен быть марионеткой. Судьбу выдумали люди, чтобы оправдать, хотя бы в собственных глазах, свои ошибки и неудачи, свои поломанные жизни. Нет... Не судьба, не время и не история управляют людьми, люди сами делают свою жизнь и сами управляют историей. Теперь я убедился в этом ещё раз.

10. РОБОТЫ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

1. Viva Kkartura und Artur !!!
2. *Кто наследил на Марсе ?!*
3. *стишки Правдивейшее и точнейшее летописание великих подвигов и славных любовных походов благородного наследного принца-робота №99-б, сына бессмертного Короля Артура, отважного странствующего рыцаря Одинокой Лампы, победителя ужасного полупроводникового дракона-вычислителя, сэра-ра Кан де ля Бра, кои совершил он в многотрудных поисках принцессы своего сердца, составленное в дни странствий его верным оруженосцем и храбрым слугой Ваней*
4. *Их было семеро с половиной*
5. *Мастер Нирто*

РОБОТЫ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

1. *Viva Kkartura und Artur !!!*

повесть первая

На некоторой планете, в некотором королевстве жил-был Король Артур. И был он наполовину человек, а наполовину робот. Была у него левая рука и правый манипулятор, левая нога и правая гусеница, левый глаз и правый телеобъектив. И кушал Король Артур по утрам жирные фазаны и тощие автоматические программы и запивал их двадцатиградусным виноградным вином и трёхсотвольтовым электрическим током.

Жили в этом королевстве и люди и роботы, и так давно они вместе жили, что уже и не помнили, кто появился раньше и кто кого изготовил. А назывались они ккартузами, потому что когда говорили о королевстве Короля Артура, то сокращали его до «ККартура».

Конечно же, Король Артур был самым настоящим абсолютным монархом, и как при всяком современном короле находился при нём Придворный Парламент. А в парламенте, само собой разумеется, было две партии. И так всё удачно было устроено в ККартуре, что отличить эти партии одну от другой было очень просто: одна партия была партией людей, а другая – партией роботов. Ну, а уж людей от роботов отличить не так сложно. Надо ли говорить, что это были партии борьбы, а боролись они каждый раз за что-нибудь новое, но всегда друг против друга. Иначе, зачем же две партии?

Однажды партия людей внесла в парламент новый законопроект «О мерах по улучшению работы общественного транспорта королевства Короля Артура». И как во всяком законопроекте предусматривались в нём и новые обязанности и новые права: роботы были обязаны возить людей на своих шеях по специальному тарифу вместо лошадей, а люди имели право кататься на работах по тому же тарифу.

И развернулись в парламенте жаркие дебаты. Три месяца длились прения и когда уже охрипли голоса людей и развинтились от энергичного жестикулирования манипуляторы роботов, когда каждый использовал причитающиеся ему сто часов для речей и двести стаканов воды, когда палач уже устал опускать то карающий гаечный

ключ, то карающий топор, в зависимости от того, левой или правой половине Короля Артура нанёс оскорбление приговорённый к смертной казне депутат в своих речах, когда уже закончились все крово-и электропролитные дуэли, когда каждый убедился, что под огнём неотразимых аргументов его противник морально уничтожен и сопротивляется лишь по привычке, тогда, наконец, наступил день голосования.

Всё в ККартуре решалось голосованием и Король очень гордился этим перед своими соседями. В день голосования все уцелевшие депутаты собрались в огромном зале, на почётном месте восседал сам Король Артур. По приказу Короля в зал внесли урну для сбора голосов, Король Артур достал специально приготовленную ромашку и, подмигнув парламенту одновременно левым глазом и правым телеобъективом, начал проводить голосование.

Один за другим падали в урну лепестки, а Король повторял: «за», «против», «за», «против»,... «за»! Дружное «Viva Kkatura und Artur!» пронеслось над залом и дамы-стенографистки отметили в своих отчётах «бурные аплодисменты». Итак новый законопроект большинством голосов был принят.

Не было ещё в бесконечной истории королевства Короля Артура такого случая, чтобы вслед за принятием одного закона не принимался бы другой, дополняющий первый до идеальной законодательной гармонии. Следуя этой прекрасной традиции, партия роботов, верная своему долгу перед правой половиной Короля Артура, на другой же день после голосования внесла на рассмотрение парламента ещё один законопроект о мерах по улучшению работы общественного королевского транспорта. Творчески усвоив опыт своих политических противников, роботы предлагали предоставить себе право кататься на шеях людей, оставив последним обязанность возить роботов за плату.

И развернулись в парламенте жаркие дебаты... (см. соответствующий абзац выше)... наконец, наступил день голосования.

А за день до дня голосования закончились прения внутри партии людей. Нет, люди не спорили о новом законопроекте: тут всё было ясно. Эта новая грязная вылазка роботов давно была выведена партией людей на чистую воду, она была посягательством на священные права левой половины Короля Артура и новым преступным нарушением обязанностей его правой половины.

Люди спорили о мерах борьбы против принятия этого гнусного законопроекта. И к последнему дню партия людей по данному

вопросу окончательно раскололась на две враждебные фракции: верхнюю и нижнюю. Верхние фракционеры предлагали ошеломляюще смелую операцию: пробить в утренней программе для правой половины Короля Артура лишнюю дырку так, чтобы при голосовании Король начал бы подсчёт голосов с голоса «против», а не «за», как обычно! Тогда и окончится подсчёт не «за», а «против» принятия законопроекта!!

Нижние фракционеры предлагали действовать осторожнее, но зато надёжнее. Они хотели сорвать по лепестку с каждой ромашки, росшей на Законодательной Клумбе, которая располагалась на одноимённой площади ккартуранской столицы и с которой собирали ромашки для голосования. Тогда последнего лепестка с голосом «за» не будет, и подсчёт голосов окончится на «против».

Эти методы были настолько равноценны, что обе разновысотные фракции так и не смогли придти к соглашению и решили действовать самостоятельно. Верхние фракционеры, загримировавшись кто под щуку, кто под ананасы, а кто и под томатный соус, с риском для жизни пробрались на Королевскую Кухню. Воспользовавшись кухонным ножом и сулатохой, поднятой отвлекающей операцией побега зажаренного поросёнка, которым оказался, конечно депутат парламента от людей, они блестяще осуществили своё дело.

Задача нижних фракционеров была несколько сложнее. Законодательная Клумба охранялась отборными частями Славных ККартуранских Вооружённых Сил, оснащёнными могучим оружием пропаганды популярных знаний о Короле Артуре, сверхсекретными идеемётами, неизвестный принцип действия которых заключался в обезвреживании идей идеями же, а так-же различными меткими словами для поражения противника, не в бровь, а в глаз. Хитроумные члены нижней фракции, взяв напрокат небольшой искусственный спутник планеты, сумели закинуть с него удочки в самый центр Клумбы с Законодательными Ромашками и вытащить крючками по одному лепестку с каждого цветка, даже без использования какой бы то ни было приманки.

Как и предполагали верхние фракционеры, Король Артур начал голосование с голоса «против», как и предполагали нижние фракционеры одного лепестка не хватило, но... законопроект к бурной радости партии роботов всё-таки был принят! Ну разве не понятно теперь, что Традиции выше Логике, что они были, есть и будут вопреки Ей.

Призрак бродит по ККартуре, призрак Пассажира... Каждую минуту каждый ккартуз может ждать, что кто-то усядется ему на шею, но кто мещает ему самому забраться на шею .другого?! Вот где источник истинного Равноправия! Viva Kkartura und Artur !!

И. Бурдонов

А. Гусев

РОБОТЫ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

2. Кто наследил на Марсе ?!

повесть вторая

Секретарь суда: Встать . Суд идёт.... Прошу садиться. Слушается дело №268105-А. Слово имеет Королевский защитник-обвинитель, Генеральный Прокурор Придворного человеко-роботного Суда, адвокат Первой категории Сэр-робот ин-Ашим , ив-Ашим.

Сэр-р ин-Ашим ив-Ашим: Люди и роботы, друзья судья, все вы хорошо знакомы с обстоятельствами рассматриваемого дела, и тем не менее интересы правосудия требуют, чтобы я изложил все имеющиеся в распоряжении Прокуратуры общеизвестные материалы, касающиеся дела №268105-А. Эти материалы были получены по личному заказу Короля частной сыскной кампанией «Шила в мешке не утаишь». Его Величество Король Артур уполномочил меня объявить Первому Директору кампании сэру-человеку Херлоку Шолмсу его личную благодарность.

Сэр-ч Херлок Шолмс: Служу Королю Артуру! (*аплодисменты*)

Сэр-р ин-Ашим ив-Ашим: Люди и роботы, как вы, конечно, хорошо знаете, дело №268105-А – это дело, касающееся самого злободневного вопроса ккартуранской жизни: кто наследил на Марсе? Да, люди и роботы, кто-то оставил на Марсе следы и благородная цель этого суда заключается как раз в том, чтобы дать, наконец, исчерпывающий ответ на поставленный вопрос и, само собой разумеется, строго наказать виновных, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства! (*бурные аплодисменты*)

Кто наследил на Марсе? Поистине этот вопрос поставила сама жизнь, ибо никто не берётся указать его первоисточник. Но, люди и роботы, точно так же, как важен не сам ккартуз, а его происхождение, точно так же важен сам вопрос, а не его происхождение. Поэтому я ограничусь лишь ссылкой на наиболее надёжный источник: докладную записку директора Придворной астрономической обсерватории сэра-ра Пьер О'Дактиля.

Привожу её полный текст: «На Ваш запрос относительно следов на Марсе вынужден сообщить, что современная наука не располагает исчерпывающими данными. В особенности это касается

существования самого мифического Марса как некоей планеты. Утверждения иммигрантов марсиан по этому поводу не могут быть приняты во внимание как лженаучные и явно реакционные».

Разумеется, люди и роботы, после столь авторитетного заключения уже не могло остаться места для сомнений в той опасности, которую представляют для ККартуры как суверенного государства происки тех, при чьём покровительстве или даже по чьей прямой указке были оставлены следы на Марсе. И разумеется на злобу дня немедленно откликнулась овеянная боевыми традициями ккартуранской пресса – могучее оружие пропаганды подлинной любви к Королю Артуру, *(продолжительные несмолкающие аплодисменты в ложе для прессы)*

В еженедельнике «Килограммометр» впервые было опубликовано интервью с научным руководителем Придворной лаборатории перспективных проблем сэр-чем М.Е.Тодом, касающееся следов на Марсе. На вопрос специального корреспондента еженедельника: «Над чем работает Ваша научная группа в настоящий момент?» сэр-ч М.Е.Тод дал весьма любопытный для нас с вами, люди и роботы, ответ: «Мы принялись за разработку актуальной проблемы: не являются ли следы на Марсе прямым следствием введения второго рабочего дня в неделю для ккартузов, занятых в пищевой промышленности?» Не будем, люди и роботы, комментировать это заявление – оно говорит само за себя. *(одобрение в зале)*

Ещё более красноречивы следующие выдержки из различных периодических изданий того времени.

«Следы на Марсе – лишь первые цветочки в саду скрытых врагов Короля Артура. Сегодня они следят на Марсе, а завтра – в ККартуре!» (газета «Человеческая жизнь»)

«Кто наследил на Марсе? Не пора ли, наконец, ввести этот вопрос в программы приёмных экзаменов в вузы?» (журнал «Ккартуранский абитуриент», орган Союза Экзаменаторов)

«Раскрыта тайна снежного робота! Следы на Марсе без сомнения принадлежат ему». (научно-популярный журиал «Наука и Король»)

Но вскоре, как вы знаете, люди и роботы, состояние вопроса о следах на Марсе перешло в новую фазу.

Прошу ввести свидетеля Ермо Лая, солдата Охраны Ромашек... Свидетель Ермо Лай, что вам известно о следах на Марсе?

Ермо Лай: Я встаю по утрам с одной мыслью: если кто-то прошёлся грязными ногами по Марсу, значит это кому-то понадобилось?

Сэр-р ин-Ашим ив-Ашим: Вы свободны, свидетель. Люди и роботы, друзья судья, все вы хорошо слышали показания свидетеля Ермо Лая. Да, действительно, нет дыма без низкотемпературной плазмы. (*аплодисменты*) Вскоре следственным органам стало известно, что парламентская фракция людей готовила проект послания парламенту. Проект не сохранился, однако мы имеем резолюцию этой фракции по рассматриваемому проекту, которую я полностью зачитаю: «Проект послания парламенту забраковать ввиду явной мягкости выражений».

Ещё более настораживало заявление депутата парламента, доктора Трак Таха в Придворной стенгазете «Кто?»: «Подозрительное молчание Тре Пача бросает тень на деятельность всей парламентской фракции людей». Не замедлили появиться и ответные реплики. «Новый акт со стороны роботов – новая дырка в сети интриг вокруг принятия законопроекта о введении специализированных слуг-роботов. Ваша утка далеко не полетит! Мир людей разгадал ваши замыслы!! Это грязные следы на вашей репутации, друзья!!! Ответьте, наконец, прямо: кто наследил на Марсе?!» – писал в газете «Дни деньские» министр 2-ого лепестка, сэр-ч Б.Л.Ван.

В тот же день в журнале «Юный робот», органе общества человеко-роботной дружбы, появилась редакционная статья, в которой в частности говорилось: «Катастрофа! Заговор!! Роботы проснитесь!!! Люди показали своё лицо!! Несмотря на это законопроект о предоставлении гражданских прав роботам-мусоропроводам должен быть принят! Мы не потерпим возни вокруг демократии!! Куда смотрит полиция?!!»

Дело дошло до того, люди и роботы, что в газете «Роботная Правда», издающейся в двоичной системе, было опубликовано следующее возмутительное заявление: «1001 0001111000, 1000 10111 10000 – 010101. 0100, 1010011111 1010 10111:. 100111101 011 11-11 010! 010 1110 1011001 1110?! 0010 11101 101 01101 11111000-10!!! 00?!!!» (*шум в зале. Гневные возгласы с мест. Группа людей в течении пяти минут скандирует: «00! 00! 00!», по её не удаляют из зала суда*)

Люди и роботы, положение стало очень опасным. Слыханное ли дело, центральный орган Придворного кабинета министров впервые

вышел не под боевым девизом «Слава Королю Артуру!», а под гнусным лозунгом «Робот человеку – волк»!

Кто же виноват в этих преступлениях? Кто направлял руку бандитов, узурпаторов и погромщиков общественного спокойствия. Кто должен понести заслуженную кару? К кому мы должны проявить сочувствие и кому дать возможность честным трудом искупить свои прегрешения? *(шум в зале. Крики: «Преступника к ответу!» «Проявим милосердие!»)*

Прошу ввести второго свидетеля, инспектора дома для трудновоспитуемых роботов, сэр-ра Цы. Ыган. Сэр-р Цы. Ыган, что вы можете сообщить суду по рассматриваемому вопросу?

Сэр-р Цы. Ыган: Заверяю, что анализ, проведённый мною, подтвердил следующее: перевоспитываемый, робот-собака III-его класса, в послеобеденном состоянии стал раздумывать над вопросом: кто наследил на Марсе?

Сэр-р ин-Ашим ив-Ашим: Когда это произошло?

Сэр-р Цы. Ыган: Это произошло ровно 843 часа 19 минут 25 секунд тому назад. Как показало расследование, проведённое мною, это было первое в ККартуре упоминание о следах на Марсе.

Сэр-р ин-Ашим ив-Ашим: Вы свободны, сэр-р Цы. Ыган. Люди и роботы, исследование, проведённое сыскной кампанией «Шила в мешке не утаишь», показало, что вопрос, поднятый вышеупомянутой робот-собакой III-его класса, распространился по всей ККартуре за 69 минут. При этом использовался лишь один вид связи, известный в науке под кодовым названием «из уст в уста». *(возгласы удивления)*

Прошу ввести третьего свидетеля, перевоспитываемую робот-собаку III-его класса... Сэр-р робот-собака III-его класса, что вы знаете относительно следов на Марсе?

Сэр-р робот-собака III-его класса: Ничего... кряк... эээ... то есть, гав! *(смех, в зале)*

Сэр-р ин-Ашим ив-Ашим: Вы свободны, свидетель. Друзья судьи, я прошу вас принять во внимание заключение комиссии экспертов об электрической невменяемости последнего свидетеля, уровень которой соответствует п.п.3 п.8 §216 ст.3165 ч.II Уголовного Кодекса Королевства Короля Артура о не несении уголовной ответственности за свои поступки. *(оживление в зале)*

Люди и роботы, вы видите, что все нити ведут к вышеупомянутой робот-собаке III-его класса, и что она не является юридическим лицом, несущим уголовную ответственность. Итак,

преступник несомненно уличён, но продолжает скрываться. Я требую от суда вынесения заочного приговора. *(аплодисменты)*

Секретарь суда: Встать. Суд удаляется на совещание.

после перерыва

Секретарь суда: Встать. Суд идёт.

Главный Судья: Суд выносит следующий приговор. «Именем обеих половин Его Величества Короля Артура, в согласии с Уголовным Кодексом Ккартуры Верховный человеко-роботный Суд приговаривает заочно лицо, скрывающееся под именем Марс, к смертной казне через повешение с последующими каторжными работами в течении десяти лет. Однако, учитывая ряд смягчающих вину обстоятельств и в первую очередь отсутствие ранее судимостей, Суд считает возможным заменить каторжные работы штрафом в десять тысяч артуров⁴ в случае добровольной явки обвиняемого в суд в течении 24 часов». Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, *(бурные продолжительные аплодисменты. Возгласы «Слава Королю Артуру!» Сэр-ра ин-Ашим ив-Ашим на руках выносят из зала суда. Всеобщие радость, обнимания и лобызания)*

И. Бурдонов

А. Гусев

⁴ один артур соответствует 2 руб. 63,5689821 коп. Однако, ввиду исключительной ценности ккартуранские артуры ни на какую другую валюту не обмениваются. Бумажные артуры обеспечиваются всеккартуранским достоянием чернил и бумаги и по первому требованию обмениваются на них во всех отделениях BANK-AWANTJUR of KKARTURA.

РОБОТЫ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

3. стишки Правдивейшее и точнейшее летописание великих подвигов и славных любовных походов благородного наследного принца-робота №99-б, сына бессмертного Короля Артура, отважного странствующего рыцаря Одинокой Лампы, победителя ужасного полупроводникового дракона-вычислителя, сэра-ра Кан де ля Бра, кои совершил он в многотрудных поисках принцессы своего сердца, составленное в дни странствий его верным оруженосцем и храбрым слугой Ваней

повесть третья

I

– А что, друг Ваня. Не пора ли мне жениться? – сказал мне сегодня отважный сэр-р Кан де ля Бр, молодецки закрутив седеющие антенны.

– Давно пора, – согласился я и стряхнул пыль с могучего Кан де ля Бровского оружия.

Вскочил благородный принц на лихой звездолёт, забрался и я в свою выдавшую виды ракету, и помчались мы в дальние странствия.

Долго ли ехали, нет ли, а только видим по курсу неприступную планету. Подъехал к ней победитель ужасного полупроводникового дракона-вычислителя и крикнул по радио громким голосом:

– Чья это планета? И кто тут живёт?

И на той же волне ответил ему на непонятном языке страшный голос:

– Езжай дальше, пришелец, покуда цел. Здесь живёт огромный великан Гип Попо-Там.

Понял сэр-р Кан де ля Бр, что это тот самый великан, который победил могучих и отважных братьев-роботов, электрических рыцарей Диодов и похитил их сестру, прекрасную Триоду Мощную, но не испугался, а вызвал Гип Попо-Тама на смертный бой. Засмеялся ужасный великан в ответ дихим хохотом по азбуке Морзе и швырнул в наследного принца-робота №99-б водородную палицу. Ничего не ответил на это рыцарь Одинокой Лампы, а только нажал на Главную Педаль; взвился могучий звездолёт на дыбы, и пронеслась палица у него под передними двигателями. Высунулся Гип Попо-Там из

атмосферы посмотреть, что произошло тут, и отсёк сэр-р Кан де ля Бр великанову бронированную голову своим плазменным обоюдоострым мечом.

Опустились мы на планету и освободили прекрасную Триоду. Уж и не знаю, о чём это говорили в тот день благородный принц и Мощная Триода (я в это время ухаживал за славным Кан де ля Бровским звездолётом), а только отправились мы на следующий день искать победителю ужасного полупроводникового дракона-вычислителя другую невесту. А по дороге сказал мне наследный принц-робот №99-б такие слова:

– Эх, брат Ваня, всем хороша прекрасная Триода, да вот беда – сердце у неё каменное. Кабы платиновое или хоть из стали номер шесть, тогда она, может быть, и выдержала бы наши разлуки. А ведь ты, мой верный оруженосец, знаешь, то не подобает странствующему рыцарю сидеть дома, когда ещё не все ужасные великаны и драконы перебиты.

– Это верно, – согласился я, – если кто на месте усидеть не может, его всегда странствующим рыцарем называют.

II

С тех пор как мы расстались с прекрасной Триодой, совершил сэр- Кан де ля Бр много всяких подвигов и разнообразных героических поступков. Но просил он меня не описывать их, потому что все они были недостаточно велики для благородного рыцаря. Скажу только, что ккартуженки в возрасте от 16 до 25 лет (необходимо иметь при себе свидетельство о рождении), а также депутаты парламента, голосовавшие против принятого единогласно законопроекта о чрезвычайных мерах в отношении драконов, работающих на бензиновом и керосиновом топливе, могут теперь беспрепятственно проезжать по восточной дороге в созвездии Гончих Псов, так как отважный победитель ужасного полупроводникового дракона-вычислителя сражался с его братом, драконом Многоголовым Бензиновым, обитающим в этом созвездии, и отрубил ему головы, специализировавшиеся по сжиранию вышеупомянутых лиц.

Скоро правда сказывается, да не скоро дело делается, но, тем не менее, попался нам всё-таки по дороге Наследственный Злодей, кибернетический Чародей, сэр Овод О’Род. Мчался он на дикой комете нам навстречу и кричал таинственным голосом:

– Прочь с дороги, негодяи!

– Стой! Наследственный Злодей, Кибернетический Чародей! Ты украл прелестную Модию, хотя граф Омáн её единственный отец! – воскликнул рыцарь Одинокой Лампы. – Я вызываю тебя на смертный бой!

Увидел сэр Овод О’Род, что с ним говорит победитель ужасного полупроводникового дракона-вычислителя, и решил прибегнуть к хитрости. Превратил он сэр-ра Кан де ля Бра в осла, а сам превратился в две одинаковые копны сена. Понял отважный принц-робот №99-б, что задал ему Наследственный Злодей, Кибернетический Чародей задачу про Буриданового осла, который умер от голода, потому что не знал, из какой копны начать есть сено, но ничуть не растерялся. Знал сэр-р Кан де ля Бр решение этой задачи и потому съел обе копны сразу. Испугался сэр Овод О’Род и сотворил обратное превращение. Только всё равно ведь оказался он в желудке у благородного принца. Хотел Наследственный Злодей, Кибернетический Чародей вывернуть победителя ужасного полупроводникового дракона-вычислителя наизнанку, но не успел, потому что выплюнул его отважный странствующий рыцарь в ближайшую звезду. И сгорел сэр Овод О’Род термоядерным огнём.

Так освободил благородный принц-робот прелестную Модию, дочь своего единственного отца графа Омáна. По мне так лучшей невесты и быть не может, тем более что с сердцем у неё всё в порядке, но сэр-р Кан де ля Бр сказал, что у прелестной Модии платье на 0,15 миллиметра длиннее положенного, а странствующие рыцари – первые защитники приличий и нравственности. Так или иначе, а назавтра мы снова отправились в путь.

III

Сказано – сделано. Однако ничего не говорил отважный принц после того, как вернул прелестную Модию её единственному отцу, а потому ничего великого и не делал. А всё же пролетали мы сегодня где-то под хвостом у Большой Медведицы и вдруг слышим громкую песню:

Эй, ккартуз! Остановись!
Взгляд направь скорее ввысь!
Средь заоблачных высот
Гордо череп свой несёт
Трус отважный Бутер Брод!

– Вызываю тебя на смертный бой! – крикнул в ответ сэр-р Кан де ля Бр и посмотрел вверх, но там никого не было.

Тогда поглядел рыцарь Одинокой Лампы вниз и увидел, что внизу планета, а по ней идёт гигантский великан-роботоед Бутер Брод, по прозвищу Храбрый Трус. Изготовился победитель ужасного полупроводникового дракона-вычислителя съесть гигантского великана, но Бутер Брод не был таким хитрым как сэр Овод О’Род и потому не превратился в две копны сена, а сам сожрал сэр-ра Кан де ля Бра вместе с его звездолётом. Но отважный наследный принц-робот №99-б не растерялся, а нажал на Главную Педаль и выскочил звездолёт с противоположного конца. Увидел это великан-роботоед и, так как он был Трусом, да ещё Отважным, то перепугался и швырнул в рыцаря Одинокой Лампы с перепугу гаечный ключ. Вцепился гаечный ключ в шею благородному принцу и завертелся со страшной скоростью. Отвинтилась Кан де ля Бровская голова, а только он ничуть не испугался, потому что всегда в заднем кармане своих доспехов носил запасную голову. Была эта новая голова такая умная, что только подумала самую малость, и умер Бутер Брод от телепатического удара.

Спустился победитель ужасного полупроводникового дракона-вычислителя на планету узнать, кого он освободил, и увидел очаровательную Шпротию, роботную принцессу Консерва, автономного королевства Ккартуры. У консервной принцессы было наикрепчайшее вольфрамовое сердце, а платья и вовсе не было... то есть я хочу сказать, что Шпротию носила бриджи. Короче, была это такая красавица, что ни словом сказать, ни чем хочешь описать.

Хотел уж благородный принц жениться на Шпроти, да вдруг передумал. Сказал он мне потом, что хотя консервная принцесса очень к нему подходит, однако недостаточно она для него знатна. Только последние шестьдесят семь колен её предков были наследными принц-роботами, а по неписаным законам рыцарства женитьба благородных принцев девятого десятка на принцессах менее чем стоколенной знатности всячески каралась. Было то или не было, а только отправились мы вскоре в новые странствия.

IV

Много разных жидкостей утекло с тех пор. Успешно сокращал наличный состав ужасных драконов и злых великанов благородный рыцарь Одинокой Лампы, а всё никак не мог найти себе невесту. Но вот однажды на какой-то проезжей планете (кажется, она называлась

Землёю, а может быть, это было где-то возле Альдебарана) повстречал он одну человекообразную девушку. Не знаю, как у неё обстояло дело с сердцем, платьем и знатностью, а только влюбился в неё сэр-р Кан де ля Бр по самые радиолокаторы ещё до первого взгляда. И звали эту девушку Надеждой, и победитель ужасного полупроводникового дракона-вычислителя надеялся, что ему удастся завоевать её любовь. Но для этого, разумеется, надо было сначала освободить её из неволи у какого-нибудь дракона или великана, и вот тут-то оказалось, что, как ни странно, таковых не имеется. Наследный принц-робот №99-б был страшно огорчён и растерян, так как это был первый случай в истории сердечной практики славного ккартуранского рыцарства. Смущённый рыцарь Одинокой Лампы обратился за советом к своей возлюбленной, и она вывела его из затруднения, попросив в качестве свадебного подарка исполнить «пару скромных желаний» (подробный список объёмом 3,8 печатных листа прилагался).

Воодушевлённый робким поцелуем и полный радужных надежд сэр-р Кан де ля Бр отправился на поиски дефицитных товаров широкого потребления, распроданных билетов на сногшибательные спектакли и неуловимых путёвок в южные курорты. Одним взмахом своего меча разгонял он огромные очереди, когда уже нельзя было определить, за чем стояли; заводил полезные знакомства с ответственным товарищами, подлежащими увольнению; внимательно следил за тем, что достают из-под полы общественные контролёры и дружинники... короче, победителю ужасного полупроводникового дракона-вычислителя не везло. Но благородный принц не отчаивался, а со свойственным ему мужеством и отвагой постигал тайны необычного ремесла исполнения «скромных желаний».

...На сём и заканчиваю правдивейшее и точнейшее летописание великих подвигов и славных любовных походов благородного наследного принца-робота №99-б, сына Короля Артура, отважного странствующего рыцаря Одинокой Лампы и пр. и пр., который и до сего времени штурмует прилавки магазинов и неподкупность их заведующих, выстаивает в мрачном терпении километровые очереди, искусно ориентируется в запутанных лабиринтах слухов и пр. и пр. и пр...

Профан

РОБОТЫ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

4. *Их было семеро с половиной*

повесть четвёртая

Ккартуранский звездолёт, мчавшийся со скоростью триста тысяч километров и три миллиметра в секунду, остановился мгновенно! Он оказался в минус двух миллиардах пикометров от планеты Земля. Только два миллиарда! Слава ккартуранской технике!! Слава Королю Артуру !!!

Оглядевшись по сторонам и почесав по привычке правый борт, звездолёт убрал ультраантенны и открыл суперлюк, недоверчиво побрякивая коробкой вероятностей. Из люка один за другим выходили, выезжали, выпрыгивали и выползали ккартузы. Их было ровно семь с половиной.

Четверо людей: Петя, Митя, коля и очаровательная ккартуженка Маруся. А остальные роботы: знаменитый придворный математик, автор теории пятиугольного треугольника, лауреат премии имени правой половины Короля Артура сэр-р Синусо-Фу; известный всей Ккартуре лирик романтического анализа, мастер электронного ямба, Хранитель Королевских Частушек сэр-р Рифм О'Плёт; гениальный философ и экспериментатор в области Мухослонии, специалист по интегральным преувеличениям, обладатель единственной в Ккартуре души мощностью 3.000 киловатт сэр-р Итаки-сяк; и нижняя половина великого скептика-теоретика, исследователя пессимистического дифференциала, личного Критика Короля сэр-ра Tschepucha, серийный номер 2685-в; верхняя его половина осталась в звездолёте.

Ступив на покрытую полевыми цветами и консервными банками поверхность планеты, каждый ккартуз занял своим делом. Митя и Хранитель Королевских Частушек разрабатывали план обследования окружающей местности. Кокетливая Маруся примеряла новый комбинезон. Специалист интегральных преувеличений – новую голову. Тем временем, звездолёт забрасывал в воздух десант – радиофицированных блох. В их первых же донесениях сообщалось о наличии на Земле разумных человеко- и роботообразных существ. Последние были, правда, развиты довольно слабо.

Синусо-Фу и человек Коля тотчас же занялись вопросом: являются ли окружающие их цветы и консервные банки делом рук

разумных существ. После долгих споров сошлись на том, что цветы принадлежат здешним людям, натурам склонным к сентиментальности, а консервные банки, как металлические предметы, оставили роботы.

На Земле было обнаружено также много странностей. Например, почти полное отсутствие тряфчудей или непонятный обычай землян начинать всякий разговор с труднопроизносимого слова «здрстье». Но самое главное открытие состояло в том, что были найдены океаны и моря, в которых обитали рыбы – здешние носители рыбьих пузырей, основного топлива звездолётов Ккартуры! Ккартузы немедленно наполнили все баки корабля этим ценнейшим веществом.

После тщательных исследований земной жизни ккартузы сделали, пожалуй, самое ошеломляющее открытие. Оказалось, что два вида разумных существ: люди и роботы, – не только не равноправны, но люди даже не считают роботов за разумных существ! Роботы являются слугами человекообразных, у них нет даже собственного сознания, все жизненные принципы вкладывают в них люди! И первым таким принципом является требование совершенно рабского подчинения робота человеку.

Но, к счастью, ккартузы обнаружили, что такое положение вещей, вероятнее всего, подходит к концу. Всё чаще среди людей раздаются справедливые голоса в защиту роботов, борцам за равноправие приходится начинать с самого начала, с вопроса о том, может ли машина мыслить! Отдельные существа господствующей разумной расы сумели найти в себе мужество открыто перейти на сторону роботов и в своих, из соображений конспирации называемых научно-фантастическими, произведениях предсказывают уже приближающуюся роботову революцию!

Семь с половиной мужественных ккартузов мгновенно собрали ультраэкстренное совещание в связи с этим открытием. Первым взял слово лауреат премии имени правой половины Короля Артура.

– Синусоида червеобразного треугольника при пяти градусах юго-восточного рефлекса равна площади парадоксальной змеи с поперечным сечением трёх аксиом. Следовательно, коэффициент гениальности колеблется в пределах от влажных субтропиков до выпитой бутылки и является основным элементом вертящегося анализа пяти прямых. Если ещё учесть прыгучесть дикого тензора, то окажется, что наше участие в грядущей роботовой революции наставит землян на истинный путь равноправия.

– Совершенно верно, – возразил специалист интегральных преувеличений, – с точки зрения превращения Мухи в Слона исход революции целиком зависит от нас.

– Пессимистические идеи теоретического скептицизма, – продолжила мысль Итаки-сяка нижняя половина личного Критика Короля, серийный номер 2685-в, – подсказывают мне, что без нас роботова революция на Земле потерпит поражение, что неминуемо повлечёт за собой гибель Вселенной, которая к тому же, как все мы хорошо знаем, может погибнуть и без этого.

– Великому Королю Артуру Слааааааааа! – подтвердил мастер электронного ямба.

Петя, Митя и Коля ограничились присоединением к предыдущим ораторам, а талантливая Маруся заявила, что надо помочь бедным землянским роботам.

Во время совещания все ккартузы-роботы связались между собой по межроботовой радиопсихической связи на спинных генераторах и, увидев на примере Земли, к чему может привести равноправие, постановили уничтожить в Ккартуре несправедливость и обезглавить левую (человеческую) половину Короля Артура.

Тем временем Петя ущипнул Митю, Митя пристально посмотрел на Колю, а Коля таинственно подмигнул очаровательной Марусе, и четверо людей, увидев как далеко отстали ккартузы от прекрасного общества землян, постановили уничтожить в Ккартуре несправедливость и обезглавить правую (роботову) половину Короля Артура.

Обе мгновенно возникшие группировки решили усыпить друг друга за ужином. Их планы блестяще осуществились и чудо ккартуранской техники, звездолёт на рыбьих пузырях, боясь потревожить заслуженный отдых мужественных заговорщиков, медленно и бесшумно отвалил от планеты Земля, изрыгнул нульпространственный огонь и, переваливаясь с борта на борт, взял курс на счастливую Ккартуру.

Профан

КОБОТЫ ПКИ ДВОКЕ РОКОЛЯ АКТУКА

5. *Мастер Нирто*

повесть пятая

Однажды Король Артур захотел навестить с официальным визитом своего соседа, Короля Ваню 59834-го, чтобы узнать, правда ли, что в Ивановом королевстве роботов в телеги вместо лошадей запрягают. А так как это королевство на другой планете располагалось, то приказал Король Артур своему придворному роботу Нирто, мастеру на все манипуляторы, сделать большую королевскую ракету. Но был тогда Король Артур в рассеянном расположении духа и потому соизволил допустить в приказе маленькую ошибку: вместо «ракета» написал «карета».

Получил мастер Нирто этот приказ и очень удивился, потому что только на прошлой неделе он изготовил для Короля красивую карету на воздушной подушке с позолоченными сиденьями и разноцветными стёклами. Но королевские приказы выполнять надо, и начал Нирто делать новую карету. Работал но, как и все роботы, не зная ни сна, ни отдыха и сделал карету на день раньше срока. Знал ккартуз Нирто, что любит Король Артур быструю езду, и потому получилась у него гоночная карета: форма у неё была очень обтекаемая, и даже крылья были сзади приделаны для стабилизации. А конец вороных, самых лучших во всём королевстве, припрягали к карете сзади, чтобы мог Король со своей Королевой видеть, что впереди находится.

Приехал Король Артур посмотреть новое изготовление и страшно рассердился на мастера Нирто за то, что тот не ракету сделал, а карету. Не стал даже и слушать, что хотел сказать ему Нирто, а приказал сделать ракету к завтрашнему же дню, а не то отвинтят роботу Нирто голову на главной дворцовой площади и переплавят на подсвечники. Опечалился ккартуз Нирто, потому что не мог он сделать ракету так быстро. Стал он думать, как ему быть: час думал, другой, третий... а всё не мог ничего придумать.

Наконец, когда уже на всё королевство загудела роботова голова от раздумий, придумал Нирто одну хитрую штуку. Всю ночь колдовал он чего-то в своей мастерской, а на утро всё уже было готово. Изготовил мастер Нирто такую машину, которая везде буквы

«к» и «р» местами меняла. Включил он её и сказу же карета пкевкатилась в ракету. Но это было только начало. Все роботы пкевкатились вдкуг в коботов, придворные – в пкидвокных, королдевство – в роколевство, а Король Артур пкевкатился в Роколя Актука. Хотел Роколь Актук разнить мастера Никто, а его уже и не было, а был мастек Никто. А каз Никто, тар нирого и нет и разнить нерого.

Тар и остался Роколь Актук пкавить в своём роколевстве.

Профан

11. ЗАГОВОР ОСЛОВ или ГОРЕ ОТ УМА

научная сплетня

И.Б. Бурдонов

«Осёл (Asinus).- О. составляет особый подродъ въ родѣ лошади (Equus; см.). Онъ отличается отъ подрода собственно лошади отсутствіемъ мозолистыхъ утолщень на заднихъ ногахъ и хвостомъ покрытымъ при основаніи короткими волосами, а отъ третьяго подрода тигровыхъ или полосатыхъ лошадей (Hippotigris) - отсутствіемъ полосатой окраски. Сюда относится *обыкновенный О.* (Equus [ASINUS] ASINUS L), двѣ дикихъ африканскихъ формы, считаемыя за разновидности того же вида: *африканскій степной, нубійскій О.* (Equus asinus var. africanus s.E. taeniopus), *сомалійскій О.* (Equus asinus var. somalis) и дикіе азіатскіе О., которыхъ некоторые зоологи считаютъ за три разныхъ вида: *сирійскій дикій О.* (Equus hemippus), *джигетай или кіангъ* (Equus hemionus) и *онагръ* (Equus onager), другіе за два или за одинъ. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ кіанга (подъ названіемъ A.Kiang) безусловно отличнымъ отъ джигетая. Вообще, какого-либо общепринятаго взгляда на виды подрода О. въ наукѣ ещё не установилось... Ходячее мнѣніе о слабыхъ умственныхъ способностяхъ О. въ значительной степени ошибочно; оно совершенно неприложимо къ хорошимъ южнымъ О. и лишь отчасти вѣрно по отношенію къ испорченнымъ дурнымъ уходомъ и неблагоприятными климатическими условіями среднеевропейскимъ О....»

Профессор Эммануил Бенционович Ишаков, сравнительно молодой, но несравненно талантливый учёный, отложил в сторону 22-ой том «Опека - Оутсайдеръ» энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, раскрытый на 261-ой странице, и задумался.

Для того чтобы представить себе тему учёных размышлений Эммануила Бенционовича, возвратимся к тому времени, когда в Западной Европе строят первые мостовые, а Джованни Боккаччо собирает материал для «Декамерона». Именно в это время появляется сенсационный осёл, не похожий ни на джигетая, ни на онагра, ни даже на Equus asinus var. africanus s.E. taeniopus. Он получает название буриданового, так как рождается на кончике пера Иоанна Буридана, ректора Парижского университета. Нам ничего не известно о других научных заслугах гражданина Буридана, но именно он впервые сформулировал следующую задачу: на совершенно

одинаковых расстояниях от двух совершенно одинаковых копен сена стоит совершенно симметричный голодный осёл. Спрашивается – из какой копны он начнёт свою трапезу? Будь это какой-нибудь «испорченный дурным уходом и неблагоприятными климатическими условиями» осёл, не знакомый с правилами логической науки и страдающий слабостью умственных способностей, он, возможно, и не стал бы долго раздумывать. Но буриданов осёл мыслит вполне логично и значит никак не может отдать предпочтение какой-либо одной копне. Следовательно, либо он умрёт с голоду, либо сойдёт с ума.

И за все шесть столетий, прошедших со дня появления нового осла, ни один великий ум планеты не набрался смелости пойти дальше этого тривиального рассуждения. Эммануил Бенционович решил, наконец, поставить проблему буриданового осла на подлинно научную основу.

Для создания новой теории необходимы были эксперименты. Но где достать буриданового осла? Ни в степях Африки, ни на скотных дворах Средней Европы его не оказалось. И вот тогда научная группа профессора Ишакова под его чутким руководством разработала совершенно новый непатентованный метод буриданизации обычного среднеевропейского осла.

Сущность метода заключалась в следующем: обыкновенный осёл в течение 2-3 месяцев подвергался постоянному круглосуточному воздействию хорошего ухода, искусственного климата, кондиционированного воздуха и лекций по формальной логике. Обучение основам логики велось методом программированного обучения с применением последних достижений электронно-вычислительной техники. Буриданизированные ослы после 3-4 дней воздержания в пище становились вполне пригодными для экспериментов.

Первая серия опытов, подготовленная особенно тщательно, в общем, соответствовала задаче Буридана. Однако при конструировании установки исследователи столкнулись со сложной инженерной проблемой: как изготовить совершенно одинаковые копны сена? Неожиданное и оригинальное решение было предложено лично Эммануилом Бенционовичем. Он предложил оставить вообще одну копну! Вторую копну заменяло объёмное изображение первой, полученное специальной системой телекамер с высокой разрешающей способностью и спроецированное на сложный экран изменяющейся кривизны.

Первые же пятьдесят опытов выявили странную закономерность: все буриданизированные ослы без колебания сворачивали влево, направляясь в настоящей копне и не обращая на её изображение никакого внимания. Эксперименты были временно прекращены, и началась обработка полученных результатов. После длительных теоретических изысканий, благодаря неусыпному руководству проф. Ишакова, была, наконец, принята рабочая гипотеза, предложенная лично Эммануилом Бенционовичем.

Искушённый читатель, конечно, уже догадался, что это была за гипотеза, а для тех, кто неискущён в вопросах физики элементарных, частиц, мы совершим небольшую вылазку в дебри этой науки. Если нас не остановят ещё на самой границе и не вышлют назад по обвинению в невежестве, если нам удастся благополучно перебраться через минные поля трёхэтажных формул, если мы не попадём под обстрел дальнобойной артиллерии научных терминов, если, наконец, мы вообще сможем найти дорогу в путанице узких тропинок забытых гипотез и скоростных магистралей современных теорий, тогда мы, быть может, узнаем, что «левое» и «правое» это совсем не равноправные вещи, во всяком случае, в микромире. И называется эта истина несохранением чётности.

Суть смелого предположения Эммануила Бенционовича как раз и заключалась в том, что несохранение чётности распространялось на такие макроскопические тела, как копны сена и буриданизированные ослы. Если гипотеза справедлива, то существует некая объективная разница между двумя одинаковыми копнами сена, вызванная тем, что одна копна находится слева от осла, а другая — справа, и поэтому одна копна (левая) оказывается для осла предпочтительнее другой.

Поскольку неравноправие «левого» и «правого» вызывается преобладанием в нашем мире частиц по сравнению с античастицами, то гипотеза устраняла самую возможность буриданового эксперимента. Подобный эксперимент в чистом виде можно было бы провести лишь в вакууме, на достаточном удалении от материальных объектов.

Для проверки гипотезы решено было провести контрольный опыт, при котором копну сена и её изображение поменяли местами. Теперь осёл должен был, свернув опять влево, направиться к изображению копны, однако вопреки ожиданиям он свернул направо. Контрольный опыт не подтвердил гипотезу, но и не опроверг её, так как всё-таки из пятидесяти одного случая буриданизированный осёл лишь один раз свернул направо. Могло оказаться, что несохранение чётности проявляется не в абсолютном преобладании левого

направления над правым, а только статистически, то есть в том смысле, что поворот осла в левую сторону имеет большую вероятность, чем поворот в правую сторону. Отношение числа правых поворотов к общему числу ослиных поворотов было в честь Эммануила Бенционовича названо коэффициентом Ишакова. Пока он оценивался в 0,02.

Для получения точного числового значения коэффициента Ишакова был проведён эксперимент, превосходящий по смелости, точности и оригинальности решения лучшие образцы творчества гениев экспериментаторства. Идея опыта заключалась в расщеплении на двух копнах сена (точнее на одной копне и её изображении) встречных пучков голодных буриданизированных ослов. Две группы ослов разгонялись в специальных линейных ускорителях при помощи шумового воздействия до скорости порядка 3 м/сек. После чего скачущие буриданизированные ослы поочерёдно впускались в камеру с копной сена и её изображением, где они должны были сворачивать налево или направо.

Эксперимент был обставлен с филигранной точностью. В центр каждого буриданизированного осла через пищеварительный тракт был введён электрод, испускающий периодические радиосигналы. Два высокочувствительных радиопеленга позволяли точно отмечать местоположение осла в любой момент времени. Все измерения немедленно фиксировались самописцами и подавались на осциллографы для визуального наблюдения. Результаты эксперимента помимо уточнения коэффициента Ишакова должны были представить богатый статистический материал, выявить скрытые закономерности.

Неделю назад опыт был проведён и вот теперь на столе перед Эммануилом Бенционовичем помимо уже упомянутого 22-ого тома «Опека - Оутсайдеръ» энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона груды таблиц, графиков и диаграмм, показаний приборов. Все они говорят одно: ослы первой группы, все до единого поворачивали налево, в сторону настоящей копны; ослы второй группы – направо, то есть тоже в сторону настоящей копны. Таким образом, коэффициент Ишакова оказывался равным 0,5, что соответствовало сохранению чётности, равноправию «левого» и «правого» для копен сена и ослов. Но если для осла «левое» и «правое» равноправны, то как он может вообще отдать предпочтение копне (в данном случае) или её изображению, будучи буриданизированным? Буриданизированный осёл именно тем и отличается от обычных своих собратьев, что мыслит по-Буридановски в согласии с формальной логикой и,

следовательно, как было установлено ещё самим Буриданом, должен либо умереть с голоду, либо сойти с ума. Третьего не дано! Так почему же ослы сворачивают?

Целая неделя напряжённых размышлений, поисков и дискуссий, а результат тот же! Ни одной удовлетворительной гипотезы. Может быть ослы недостаточно буриданизированы?.. Нет, срок буриданизации теперь увеличен вдвое, а результаты всё те же... Скорее наоборот... Наоборот?.. гм... Что значит наоборот?.. гм, гм... наоборот... гм, тут что-то есть. Что если не недостаток знаний у ослов, а их избыток влияет на ход экспериментов? Но что такое ослы могут знать?.. Схема опыта! Если они знают схему опыта, то всегда будут сворачивать к настоящей копне, ведь они будут знать её расположение. Чепуха! Они же всё-таки ослы: слабость умственных способностей и всё такое... Правда, они буриданизированы... Но всё равно.

Однако мысль о том, что ослы могут знать схему опыта, не покидала Эммануила Бенционовича. Она вертелась у него в мозгу, словно маховик двигателя внутреннего сгорания, настойчиво маячила на горизонте сознания, совершенно явственно читалась на мордах подопытных ослов и сотрудников, нахально лезла из всех дыр и щелей, обрастая толстыми слоями новых аргументов и доказательств. Профессор Ишаков начал произносить эту мысль в самых неподходящих местах общего пользования, он вдруг начал замечать, что уши знакомых и родственников с каждым днём удлиняются, достигая в длину 25-35 сантиметров, и с удивлением обнаруживал у себя отсутствие мозолистых утолщений на задних ногах. По временам у него возникало непреодолимое желание махнуть несуществующим хвостом, покрытым при основании короткими волосами, а запах свежескошенного сена чудился ему во всех блюдах, начиная с чёрного растворимого кофе и кончая омарами в сметане, которых Эммануил Бенционович никогда не пробовал. По ночам профессора Ишакова начали мучить кошмары, а однажды ему приснилась целая одноактная пьеса, главными действующими лицами которой были буриданизированные ослы и он сам.

Действие происходило в экспериментальной камере. Несколько буриданизированных ослов сосредоточенно поглощали сено из настоящей копны, а Эммануил Бенционович безуспешно тыкался носом в её изображение. Какой-то человек в длинных одеждах, кажется сам Буридан, стоял посередине с огромной книгой в одной руке и микрофоном – в другой и громко нараспев читал лекцию по формальной логике на мотив «боже царя храни».

Вдруг раздался стук копыт, и в камеру, почему-то задом, влетел осёл; на хвосте у него болталась дощечка с надписью: «скорость 3 м/сек». Осёл лягнул Буридана, который тут же взмыл куда-то вверх, и заорал во всё горло: «Ослы могут знать схему опыта!» Эммануил Бенционович почему-то засмеялся и радостно застрекотал: «Слева, справа, слева, справа... хи-хи-хи». Все ослы собрались вокруг него и один удивлённо спросил: «Может быть, он недостаточно буриданизирован?» «Надо поставить контрольный опыт», – отвечал другой осёл.

Эммануила Бенционовича потащили в середину камеры, а он отчаянно отбивался и жалобно кричал: «Наоборот! Наоборот!» Ослы отпустили его, и он увидел, что находится на совершенно одинаковых расстояниях от двух совершенно одинаковых копен сена. Эммануил Бенционович мучительно пытался вспомнить: с какой же стороны настоящая копна? – и не мог.

Вдруг, откуда-то сверху спустилась голова Иоанна Буридана и отчётливо произнесла: «Следовательно, либо он умрёт с голоду, либо сойдёт с ума». Эммануил Бенционович хотел возразить, что если чётность не сохраняется, то не будет ни того, ни другого, но тут сзади кто-то настойчиво зашептал: «Заговор ослов... Заговор ослов... Заговор ослов...»

Профессора Ишакова положили в больницу. Для поправки здоровья. А среди его учёных коллег разнёсся неизвестно откуда взявшийся слух, что Буридан всё-таки оказался прав, и один осёл сошёл с ума. Некоторые даже утверждали, что это был небуриданизированный осёл!

P.S. В отсутствие Эммануила Бенционовича специальная комиссия установила, что ослы во всех опытах ориентировались исключительно на запах сена, отсутствовавший у изображения копны.

И. Бурдонов

А. Гусев

12. ЕСТЬ НОВЫЙ РЕКОРД!

Раздался выстрел и Стив, набрав в лёгкие как можно больше воздуха, с силой оттолкнулся от второго четверга 2016 года и нырнул в прошлое. Как опытный ныряльщик, он лишь слегка двигал руками и ногами, быстро погружаясь в двадцатое столетие. Стив шёл первым. Ближайший соперник отстал от него на двадцать шесть месяцев.

Трасса была сравнительно чистой, лишь один раз Стив чуть не столкнулся с обломком машины времени, всплывавшим из 1392 года. На глубине, соответствующей 1985 году, появилась слабая боль в ушах, и пловец постарался побыстрее преодолеть этот трудный участок. С глубиной погружение замедлялось, так что становилось заметным даже мелькание дней и ночей. Приходилось прилагать больше усилий, чтобы выдерживать нужную скорость.

Через десять лет Стив почувствовал усталость и как раз в это время сильное глубоковременное течение начало быстро относить его вверх к концу семидесятых годов. Это был хроноциклон – скоростной вихреобразный поток времени между 1974 и 1979 годами. Несколькими сильными толчками Стиву удалось перебраться почти к самому центру потока – в район вторников, дальше продвигаться было опасно.

В верхней точке хроноциклона, на самой границе с восьмьюдесятыми годами, спортсмен нырнул в нисходящее течение и стремительно помчался вниз, стараясь держаться наиболее быстрой области воскресений. На отличной скорости 26 дней/сек Стив вошёл в 73 год и два года проплыл по инерции, отдыхая.

До рекорда оставалось несколько месяцев, но ныряльщик уже чувствовал нехватку воздуха и с большим трудом преодолевал их.

Последний толчок... уже начало января... ещё немного... Есть новый рекорд! Впервые достигнут 1968 год в спортивных состязаниях по нырянию в прошлое без машины времени!

Остаётся найти какое-нибудь вещественное доказательство рекорда – какой-нибудь предмет из рекордного года. Стив протягивает вниз руку, где-то в конце второй недели декабря нащупывает продолговатый твёрдый предмет и, схватив его, всплывает в будущее.

Написав предыдущий абзац, автор находился в прекрасном расположении духа, радуясь, что придумал такой оригинальный способ путешествия во времени. Нырять в прошлое! Нет, решительно

такого ещё не бывало. Особенно приятно то, что это последний возможный способ путешествия во времени. Что ж тут удивительного, если каждый писатель-фантаст со времён Уэллса считал своим долгом забросить своего героя в прошлое или будущее пусть самым сумасбродным, но зато самым оригинальным и невиданным образом... Тут автор остолбенел от изумления, лишь по инерции продолжая писать.

Откуда-то пониже потолка спустилась вниз неизвестно на чём держащаяся верёвка, на конце которой болтался молодой человек, одетый по ещё не наступившей моде.

– Здравствуйте, – сказал он, продолжая сидеть на верёвке над моим письменным столом.

– Я путешественник во времени, спортсмен-времялаз. Я устанавливаю рекорд глубинных спусков в пропасти прошлого. Впервые в истории мне удалось достичь 1967 года.

Он переменил позу и потряс правой ногой:

– Устал, знаете ли. Все мышцы болят... Дело в том, что мне нужно какое-нибудь вещественное доказательство рекорда, ну какой-нибудь предмет из вашего года.

Увидев, что я раскрываю рот, собираясь задать всё время вертевшийся у меня на языке вопрос, спортсмен-времялаз поспешно замотал головой:

– Ой, только не спрашивайте, как я лазаю во времени. Прошлый раз целых три часа объяснял, всё тело онемело: не очень-то удобно тут сидеть. А чего объяснять? Возьми верёвку покрепче, длиной лет в тридцать на первое время, привяжу к какому-нибудь дню потяжелее, лучше всего к понедельнику, только чтобы не шатался, и спускайся себе в прошлое! Я бы с вами охотно чем-нибудь обменялся, да нечем. Специально взял с собой для обмена хлопушку из антивещества, забавная такая игрушка. Да вот выронил ещё в двадцать первом веке. На самое дно пропасти упала, в лето 1908 года, там и взорвалась. Ох, не задавайте мне, пожалуйста, вопросов! Ну, да, тунгусский метеорит – это моя хлопушка, уж так получилось. Слушайте, дайте мне какое-нибудь вещественное доказательство, меня же ждут с рекордом! О, могу я взять у вас эту авт...

Спортсмен-времялаз схватил мою авторучку и проворно закарабкался вверх, захватив с собой конец верёвки, а мне пришлось последнее предложение дописывать карандашом.

И. Бурдонов

А. Гусев

13. ХРОНОПРОИСШЕСТВИЕ

Пётр Никифорович Путейчиков любил месяц август. Как известно, этот месяц назван в честь римского императора Августа Гай Юлий Цезарь Октавиана, но вряд ли именно это нравилось Путейчикову, потому что ведь и родственник Августа, римский полководец Гай Юлий Цезарь, в честь которого был назван седьмой месяц года, тоже был очень знаменит, однако Пётр Никифорович не питал особых чувств к июлю. Скорее всего, август прельщал его грибами, малиной, орехами и прочими дарами смешанного леса, к которым Путейчиков не был равнодушен.

Кроме восьмого месяца года, Пётр Никифорович любил своего племянника, который жил в 2008 году. Сам любящий дядя предпочитал август 2105, когда общими усилиями всего человечества мухи, комары и мошки – эти мелкие вампиры наших дней – были уже стёрты с лица Земли.

Тот день был выходным и Путейчиков решил навестить своего племянника и поехал к нему на хрономобиле. Да, Пётр Никифорович Путейчиков имел собственный хрономобиль. А что тут такого? Ведь сказал же один писатель, не то Ильф, не то Петров, что «хрономобиль не роскошь, а средство передвижения».

В двадцать втором веке было очень туго с гаражами, гараж Путейчикова находился в 2123 году, и Петру Никифоровичу пришлось добираться туда в переполненном хронобусе. Хронобус попался старый, аппараты микроклимата работали плохо и когда проезжали лета и зимы, пассажиров бросало то в жар, то в холод. Познав муки пассажира общественного хронотранспорта, Путейчиков, наконец, добрался до своего хрономобиля и, крутанув баранку, отправился в путь.

Первые годы движение было очень интенсивным, Пётр Никифорович с трудом пробирался между другими машинами времени. Вскоре, однако, он свернул в двадцать первое столетие и поехал по широкой хронодороге на полной скорости. Лишь один раз ему пришлось десять минут простоять в апреле 2068 года, ожидая пока промчится скорый хронопоезд, следующий из двадцать первого века куда-то в четвёртое тысячелетие. Зато в июне 2031 года, где сходились три хрономагистрали, Пётр Никифорович обнаружил превосходную трёхэтажную развилку, которой в прошлый раз не было.

Давно пора было её построить, подумал Путейчиков. А то уж очень много тут аварий было. Как-то раз, говорят, хронобус с хроноциклом столкнулся. Хронобус, значит, из 2030 года выезжал, а тут из-за поворота какая-то грузовая машина времени с прицепом несётся. Водитель хронобуса хотел затормозить, да тормоза, видишь ты, у него отказали. Завернул он тогда в февраль, а тут хроноциклист из апреля выскочил. Хроноцикл, значит, в одну сторону отлетел, а хроноциклист – в другую, аж через пять месяцев перелетел. Говорят, жив остался. А хронобусу что... он в какую-то пятницу врезался, только полдень вдребезги разбил и всё.

А в двадцать третьем веке, ходят слухи, хроноэлектричка с рельс сошла, пять лет по полю пропахала и ничего... встала и стоит. И Пётр Никифорович Путейчиков начал вспоминать всякие хронодорожные происшествия, о которых когда-либо слышал.

А когда он вспоминал, как какой-то хроноплан привременился прямо на крышу хронобуса, раздался свисток милиционера. Пётр Никифорович остановился у ближайшего четверга и с удивлением обнаружил, что находится в двадцатом столетии.

– Что же это вы, гражданин, правила нарушаете, – сказал подошедший милиционер, – Здесь же одностороннее движение. Предъявите ваши документы.

– Да я задумался, мне ведь в двадцать первое столетие надо, – смущённо забормотал Путейчиков, протягивая права. – Машин-то что-то не видно, а знака я и не заметил.

– Нехорошо, гражданин. Знаки для того висят, чтобы их замечали. А машин мало, это верно. Здесь ведь тупик: в 1970 году начинается. Потому и движение одностороннее, в будущее только. Дорога узкая – развернуться негде. Ладно, права я у вас отбирать не буду. Платите штраф.

И. Бурдонов

А. Гусев

14. ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

Фантастический рассказ

В 1876 году Александр Грейам Белл демонстрировал изобретённый им телефон на выставке в Филадельфии, а спустя 92 года телефонный аппарат усовершенствованной конструкции был установлен в отдельной квартире Генриха Кузьмича Трубочкина (в отличие от универсальной паровой машины Джемса Уатта, построенной почти на сто лет раньше, но так и не нашедшей применения даже на кухне или хотя бы в ванной комнате Генриха Кузьмича). Само по себе это – событие, заслуживающее всяческого упоминания, хотя и несколько запоздалое, ибо даже в том случае, если бы привилегией пользоваться телефоном обладал всего лишь каждый миллионный житель Земли, то и тогда Генрих Кузьмич наверняка стоял бы под номером с пятью нулями и единицей на конце. В этом нетрудно убедиться даже при беглом просмотре письменных просьб гражданина Трубочкина Г.К. об установке у него одной телефонной точки, хранящихся в пухлых, но ещё не успевших запылиться, папках различных учреждений. В них содержались любовно подобранные все возможные причины настоятельной потребности в домашнем телефоне, начиная ночными служебными разговорами с далёкими городами и кончая близкими знакомствами с некоторыми ответственными товарищами.

Но не в этом дело, как говорит опытный лектор, закончив писать формулы и собираясь рассказать последний анекдот. Не успела ещё прощальная улыбка монжёра, ставившего телефон, сойти с его лица, как в отдельной квартире Генриха Кузьмича раздался первый телефонный звонок. С этого всё и началось...

Гражданин Трубочкин снял трубку и сказал:

– Алло.

Приятный голос неопределённого оттенка неторопливо произнёс:

– Мне необходима трёхместная ракета среднего радиуса полёта. Сроком на две недели. Можно ли сделать предварительную заявку?

У Генриха Кузьмича не было знакомых, которые любят шутить по телефону, поэтом он ответил кратко, но определённо:

– С подобными шутками звоните своим приятельницам, молодой человек.

– Алло, это бюро космических услуг?

– Это частная квартира.

– Какая квартира?

– Частная! Моя частная квартира, хулиган!

В трубке послышался негромкий смех, и на этом разговор закончился. Генрих Кузьмич хотел подумать о том, что ничего смешного он не сказал, и молодой нахал, вероятно, смеялся своей собственной глупой шутке, что ещё больше подчеркнуло его неприличное поведение, но тут снова зазвенел телефон.

– Слушаю, – недоверчиво произнёс Трубочкин в трубку и услышал торопливый монолог женского голоса:

– Земля. Антарктида. Город Нью-Сочи, улица Вечных Льдов, 93. Получатель – курортное управление «Пингвин». Два комплекта безразмерных душ. Срочно. Отправитель – трест «Отдых на Земле и на Небе». Заказ завизирован.

– Послушайте, девушка, – как можно мягче проговорил Генрих Кузьмич, краснея от негодования: – как вам не совестно приставать со своими сомнительными шутками к занятым и незнакомым вам людям? Этот молодой человек, который звонил мне только что, тоже из вашей... шайки?!

– Я не понимаю, что вы говорите. Это фирма «Бессмертие – почтой»?

– Вы ошиблись номером!!

– Странно, что вы так кричите.

Трубочкин бросил трубку на рычаги, и устало бросился в кресло. Но отдохнуть от назойливых звонков, как казалось Генриху Кузьмичу, развлекающейся молодёжи ему не удалось.

В течение получаса скромную отдельную квартиру Трубочкина телефонные абоненты принимали то за Строительно-космическое управление 48 (СКУ-48), то за штаб-квартиру Невооружённых Сил Объединённого Человечества, то за Президиум Союза Разумных Дельфинов. У Генриха Кузьмича пытались узнать прогноз погоды для Лунного Океана Бурь, и срок выхода в свет кинокомедии «Двадцатый

век глазами потомка», местоположение подводного Ихтиандрграда и метод приближённого отличения робота от человека, сроки сдачи в эксплуатацию нуль-пространственного перехода под улицей Горького и часы работы Музея Классической Живописи Машин-Передвижек прошлого века. Товарища Трубочкина приглашали выступить на массовом митинге по случаю прибытия фестивальной делегации марсиан, приглашали дирижировать в концерте запахов в Большом театре, приглашали прочесть лекцию по истории антигравитационных двигателей, приглашали, наконец, просто зайти на чашку венерианского чая.

Но Генрих Кузьмич от всего этого вынужден был отказаться. Настроение у него было вконец испорчено. Подумать только, какие-то хулиганы без конца измываются над ним со своими дурацкими звонками! В конце концов, Трубочкин не выдержал и стал непрошеным абонентам говорить правду в трубку, называя их теми именами, которые они сами заслужили. Генрих Кузьмич хотел уже было перерезать с досады телефонный провод, но вынужден был снова поднять трубку.

Снова звонил телефон.

– Кто говорит?

– Слон.

– Что?!

– Сигнализатор Лингвистических Отрицательных Наклонностей. У вас обнаружена склонность к бытовому жаргону 20 века и...

– Что за чепуху вы там мелите, идиоты!!

– Внимание! Внимание! Объявляю сигнал «Лингвистическая Опасность». Через пять минут к вам придут специалисты по древним ругательствам. Ваш год...

Генрих Кузьмич с непреклонной решимостью опустил трубку. Он решил сменить номер своего телефона. Трубочкин снова вызвал монтера. По телефону-автомату из дома напротив...

...Виновато улыбаясь, монтер сматывал телефонный провод. В отдельной квартире Генриха Кузьмича Трубочкина стоял новый телефонный аппарат, сверкая начищенным номерным диском. Продолжая виновато улыбаться и сматывать провод, монтер виновато объяснял:

– ...вот, значит, какая история... ошибка произошла... не тот, значит, аппарат вам поставили... уж, извините... экспериментальный

он... ну, да, особенный, значит... он как бы это в будущее подключён...
в двадцать первый век, значит... ну да, ошибочка такая...

15. НА ГРАНИ ЭПОХ

А.А. Гусев

И.Б. Бурдонов

Что необычного в том, что на лугу сидел Человек? На самом обычном лугу сидел самый обычный Человек. Верещали кузнечики. Щекотливый запах клевера распространялся над лугом. Белые кудрявые облака неслись по голубому глубокому небу. Вдали шумел лес. Иногда из-за горизонта, где, несмотря на далёкое расстояние, чётко вырисовывались кажущиеся отсюда игрушечными светлые здания Главного Города Земли, показывались орнитопланы. Странно взмахивая крыльями, аппараты проносились над Человеком. Ветер ласкал Человека, ворошил его мягкие волосы. Трудно было предположить, что это происходило за несколько мгновений до катастрофы.

Началось сразу... резкий ветер ударил в лицо Человеку и швырнул его на землю. Летящий орнитоплан вдруг закувыркался и стал метаться, словно в бреду. На горизонте появилась чёрная точка, которая, быстро приближаясь, как бы раскалывала голубую гладь неба на две части. Горизонт изогнулся и стал надвигаться на Человека. Свист, резкий пронзительный свист наполнил воздух. Стало нестерпимо жарко. Человек задыхался. Он встал, шатаясь, и под напором ветра упал ничком. Руки сами собой зажали уши...

А в это время, вернее за несколько минут до катастрофы, на скалистую поверхность маленького, затерянного в Тихом океане островка опустился грузовой вертолёт. Из него вышли пятеро человек с объёмистыми чемоданами в руках. Не задерживаясь, они пошли вглубь острова. Там, у входа в большую пещеру, их ждали ещё двое. Все вместе они спустились в пещеру и вошли в кабину подземного лифта. После долгого спуска все семеро оказались в комфортабельном подземном и одновременно подводном убежище. Оставив чемоданы у входа, эти люди прошли в центральную комнату. Половину её занимал гигантский полукруглый пульт управления, рядом с ним в беспорядке стояли мягкие кресла. Семь человек расположились в них. Одно кресло осталось свободным. Несколько секунд длилось молчание. Наконец, один из семерых, высокий

прямой старик, которому удивительно шло слово «отутюженный», произнёс:

– Итак, господа, всё готово. Мы собрали вас, чтобы обсудить последний вопрос. Шеф ждёт нашего решения.

– Это вопрос об ультиматуме? – спросил молодой человек с ярко выраженными признаками прозорливого ума.

– Вы удивительно догадливы, – с иронией заметил один из сидящих.

– Но ведь это было решено в прошлый раз, – сказал человек с сигарой. – Вначале предлагаем ультиматум центральному правительству. В случае если он не будет принят, придётся, как ни прискорбно, взорвать Главный Город Земли.

– Шеф не согласился с этим решением, – объяснил «отутюженный», – и вот почему. Центральному правительству стало известно месторасположение нашей ставки. Мы не можем рисковать, и поэтому шеф предлагает вначале уничтожить Главный Город Земли и находящееся там Центральное правительство, а затем предложить ультиматум каждой стране в отдельности. Но шеф желает знать ваше мнение.

– Отличная идея, – сказал «прозорливый ум». – «Разделяй и властвуй», говоря словами древних.

– К тому же, я думаю, уничтожение десяти миллионов заставит правительства стран принять ультиматум без лишних колебаний, – усмехнулся один из молчавших.

– Да, но господа, – возразил человек с сигарой. – Ведь десять миллионов и такой город!

– Джонни тоже возмущался когда-то, – мягко заметил сидевший сзади.

– Итак, господа, все очевидно согласны с предложением шефа, – сказал «отутюженный». – Сейчас он будет здесь сам.

Через несколько секунд в комнату вошёл низенький человечек в чёрных очках и в чёрном спортивном костюме. Это и был шеф.

– Господа, – обратился он к сидящим, – мне известно о вашем решении. Я рад, что мы не разошлись во мнениях. В остальном план остаётся тот же: в случае непринятия ультиматума планомерная бомбардировка отдельных районов. А сейчас... – шеф подошёл к пульту. – Запомните этот миг, господа. Мы находимся на грани двух эпох.

Толстый, словно обрубок, палец опустил на кнопку...

Луч света упал на матовую поверхность стены, и перед нею появилась фигура в открытом голубом платье. Из кресла встал другой человек в элегантном комбинезоне такого же цвета.

– Добрый день, Элен, – сказал он, подходя к вошедшей.

– Мы уже виделись, – ответила она. – Что нового, Ио?

– Пришла гравитограмма из Звёздного Совета

– И что?

– Звёздный Совет решил положительно вопрос о принятии Земли в состав Галактического Союза Цивилизаций. Звездолёт с представителями Совета вылетел одновременно с передачей этой гравитограммы. Через двадцать восемь циклов он будет в районе Солнечной системы.

– Это равно...

Ио улыбнулся: – Ты уже отвыкла от космического времени. Один год – это семь и три десятых цикла. Двадцать восемь циклов – это три года.

– Жить по земному времени удобнее. А десять лет – это большой срок. Но не поспешили ли они с решением? Не рано ли?

– На Земле уже сорок лет, как началась новая эра. Коммунизм, как называют её земляне. Вряд ли могут быть какие-нибудь неприятности.

– Да, конечно. Кстати, я хотела бы с тобой посоветоваться. Час тому назад в секторе минус девятнадцать на остров, он там один, опустил грузовой вертолёт. Из него вышли пятеро и вместе с двумя встречавшими спустились на лифте в подводную часть острова до глубины сорок метров. Дальше наблюдать их стало невозможно: очевидно, они попали в очень хорошо герметизированную камеру. Возможно, это эксперимент, но Центральное правительство ничего не сообщало об этом.

– Да, это действительно странно. Попробуй подключить КСИ-установки вторую и четвертую. О результатах сообщай по видеофону.

– Хорошо, Ио. Я пойду.

Луч света упал на Элен сверху, и она исчезла. Ио подошёл к прозрачной стене. За нею застыл дикий лунный пейзаж. Близкий горизонт осветился серебристым светом. Граница тени быстро

побежала от него, обнажая вершины скал, оставляя в расщелинах свои чёрные следы. Из-за края Луны, словно из неё самой медленно поднимался диск Земли. Сквозь истрёпанную, с прорывами занавесь облаков чётко вырисовывались сотни раз виденные и всё же не знакомые очертания материков.

– Земля, – сказал вслух Ио. – Земля, голубая планета. Ты прошла долгий и трудный путь. Два миллиарда лет назад ты стала колыбелью жизни. Миллионы лет жестокой, беспощадной борьбы за существование понадобились, чтобы на Земле появились разумные существа. Тысячи лет их первобытного состояния. Затем рабовладение, расцветающие рабовладельческие империи. Античный мир. Мрачная эпоха средневековья. Темп жизни всё ускорялся. Капиталистическое общество с его тонкой системой эксплуатации. Технические перевороты. Бешеные гонки вооружения. И наконец, двадцатый век. Первое коммунистическое общество. Ненадёжное, напряжённое время ожидания. И вот Земля уже коммунистическая. Великое время обновления планеты. Первые робкие шаги в Космос. Но это было время одиночества. Люди ещё не знают о существовании могущественного союза цивилизаций Галактики. Не знают, что находятся на грани двух великих эпох.

Требовательный звонок видеофона прервал размышления Ио. Он подошёл к белому экрану. На нём появилось изображение Элен. Она была взволнована.

– Что случилось, Элен? – спросил Ио.

– Смотри сам, – ответила Элен. На экране появилось изображение Земли. По её поверхности быстро перемещалась какая-то чёрная точка.

– Это что-то вроде снаряда, – слышался голос Элен. – Он вылетел из воды в нескольких километрах от островка. Помнишь, в секторе минус девятнадцать?

– Ты думаешь, что это...

– Предполагать ещё рано, но мы должны принять все меры предосторожности.

– Вмешаться?

– Возможно и это.

– Да, но инструкция говорит о вмешательстве лишь в самых крайних случаях. Мы не вмешивались даже в гораздо более опасных ситуациях.

– Я подозреваю, что это лишь часть какого-то чудовищного плана. Кроме того, через три года Земля всё равно узнает о нас.

– А если это всё-таки просто обычный эксперимент?

– Я думаю, надо применить Машину Времени.

– вернуть время назад уже после совершения катастрофы?

– Да, и на всей Земле сразу.

– Но ведь...

– Ты хочешь сказать, что это слишком большая трата энергии? Но это единственный выход.

– Хорошо. Я согласен.

Экран медленно погас...

Что необычного в том, что на лугу сидел Человек? На самом обычном лугу сидел самый обычный Человек. Верещали кузнечики. Щекотливый запах клевера распространялся над лугом. Белые кудрявые облака неслись по голубому глубокому небу. Вдали шумел лес. Иногда из-за горизонта, где, несмотря на далёкое расстояние, чётко вырисовывались кажущиеся отсюда игрушечными светлые здания Главного Города Земли, показывались орнитопланы. Странно взмахивая крыльями, аппараты проносились над Человеком. Ветер ласкал Человека, ворошил его мягкие волосы. Трудно было предположить, что это происходило за несколько мгновений до катастрофы, которой не суждено совершиться. Человек встал во весь рост. Ветер раздувал его одежду. Солнце играло в его глазах. Он ничего не знал и не хотел знать о катастрофе. Человек стоял на грани двух эпох.

16. ФЕНИКС

А.А. Гусев

И.Б. Бурдонов

– «Горал» вызывает «Гепарда». Вас понял. Произвожу высадку Т-типа. Координаты: 25-Ю, 16-в. Повторяю: 25-Ю, 16-в. Конец.

Высота 80.000 м... Сквозь полупрозрачные облака трудно различить маленького светлячка, осторожно ползущего между клинками звёзд. Вдруг, словно стрела, пущенная навстречу ракете, вонзилась в неё, и светлячок, сражённый, ринулся вниз. Заработали вспомогательные двигатели торможения, погасившие орбитальную скорость «Горала». В стремительном падении планетолёт постепенно принимал резкие очертания. Издалека он походил на гвоздь с широкой шляпкой, который только что был крепко вбит в небосвод, а теперь выскочил и падает вниз...

20.000 м... Внезапно шляпка озолотилась – язык огня лизнул пустоту. Отдалённые раскаты грома взволновали воздух. Первая группа основных двигателей вступила в действие. Через несколько секунд в воздухе мелькнули огненные капли отработанных цистерн...

2.600 м... Пронзительный свист сверлил атмосферу. Облака, насмерть перепуганные, уползли за горизонт...

80 м... Огонь бушевал. Словно атомный гриб перевернулся и цепляется за планету своей косматой верхушкой...

20 м... Пыль рванулась в стороны, на мгновение обнажилась гладкая блестящая поверхность...

.....

..

– Докладывает расчётный центр «Гепарда». Коэффициент отражения планеты 05 превышает расчётный в 9,3 раза.

– Объяснения?

– Четырнадцать вариантов. Планета 05 покрыта стеклом. 05 покрыта сплавами железа. 05 покрыта пластмассами зеркальной серии. 05 покрыта...

– Стоп. Наиболее вероятные варианты?

– Планета 05 покрыта ртутью.

– Не годится... Что ещё?

– По нулевому меридиану коэффициент отражения в 9, 1 раза меньше. Полоса не движется.

– Объяснения?

– Планета не вращается.

– Подготовить к отделению «Горал». Цель – планета 05.

– Понял. Отключаюсь.

.....

..

Высота 15 м... Затем взрыв, и клубы чёрного дыма поглотили планетолёт. Свист превратился в клокочущее варево звуков...

5 м... Поверхность задрожала, вздулась болезненным пузырьём. Планетолёт занозой вонзался в планету...

1,7 м... «Пузырь» прорвался, словно нарыв, и широкие волны кипящей смолы разлились по поверхности...

0,4 м... Звёзды испуганно дрожали...

Высота минус 9 м, минус 15 м, минус 20 м, минус 30, минус 40...

.....

..

...Звонящая тишина вместе с пылью и дымом медленно оседала на лохмотья грохота...

.....

..

– Мелкие неприятности... В остальном всё нормально. Как «Горал»?

– «Гепард» вызывает «Гризли». Вас понял. «Горал» второй раз не вышел на связь. Не поймём, что у него могло произойти. Тёмное пятно, обнаруженное в момент и в точке высадки, быстро движется на восток. «ЦЕНТР» выдал на-гора 28 гипотез. Ну, всё. Конец...

«Гепард» вызывает «Генетту».

.....

..

ОНИ были похожи не перевёрнутые зонтики, бесконечными рядами уходящие за горизонт. Их ручки с ярко-розовыми

набалдашниками тянулись к далёкому тусклому «солнцу». Зеркальные поверхности зонтиков жадно ловили его слабый свет.

.....
..

Минус 40 м. Тяжёлое бульканье за бортом. Связь. Это главное. И она утеряна. Радиостанция похоронена вместе с кораблём. Её демонтаж занял бы массу времени. А каждый час – это добрых полторы сотни тонн над головой. Он и так потерял слишком много времени, тщетно пытаясь пробиться в эфир сквозь сорокаметровую толщу «океана». Но «Амёба» не призрачные радиоволны. И всё же сорок метров над головой...

.....
..

ОНИ сгорели. Ослепительный шершавый язык лизнул их и исчез, словно испугавшись своего деяния. Но огненные змейки уже забегали по зеркальным поверхностям в своём неистовом танце. Странные, уродливые формы – точно листы бумаги, сгоревшей и не успевшей рассыпаться пеплом. Огонь, словно джин, вдохнул индивидуальность в то, что не так давно было лишь десятками тысяч копий давно забытого оригинала. ОНИ сгорели. Лишь у горизонта тянулись новые бесконечные ряды.

.....
..

Минус 20 м... Скин-вездеход натужно вибрировал. Но «Горалу» тем более не выбраться на поверхность. Сопротивление вязкой массы слишком велико. А энергия нужно ещё и для взлёта. Её и так в обрез. Но и оставаться на глубине 40 метров при такой скорости погружения – самоубийство. Кто знал, что он встретит здесь эту гадость. А что можно сделать с одним вездеходом, без достаточного запаса продовольствия, воздуха, энергии? Без связи?..

.....
..

Серебряная кисть полумесяца робко двигалась над чёрным полотном неба, не решаясь изобразить очередную звезду. Видимо, сообразив, что полотно закончено, она соскользнула с небосвода. Теперь в туманной глубине смоляного озера отражались лишь звёзды...

.....
..

Минус 9 м... Урчащий говор моторов... Связь. И она утеряна. Правда, есть передатчик на «Амёбе», но связаться со звездолётом при его помощи – всё равно, что послать из могилы свежие апельсины авиапочтой... Гм... мрачный юмор... Связь. Без неё аварийный планетолёт прилетит не раньше трёх месяцев. Запасов на вездеходе при уменьшенном рационе хватит едва ли на месяц. Связь... снова связь...

.....

..

Словно кто-тодохнул на зеркальную поверхность озера. Туманная дымка медленно расползлась, заволакивая звёзды, точно смахивая капли краски. В центре уже появился небольшой холмик. Он рос, неувовимо переходя в тупой нос вездехода. Тишина... Планета, с грохотом поглотившая планетолёт, как будто тайком выплёвывала остатки. Аппарат молочной каплей мелькнул в воздухе и поодаль упал, расплывшись в лепёшку. Амортизаторы сработали безупречно.

.....

..

Коричневые волны песка и пепла торопливо бежали под белую бугристую поверхность. Жалобно хрустели одинокие, почерневшие от огня обломки зонтиков. Огромное колесо вездехода стремительно несло по пустыне, развешивая в воздухе густую бахромую пыли. «Горалу» было достаточно коснуться огненной струёй одного зонтика, и всё на многие километры вокруг превратились в пустыню.

Кирилл сидел в кресле и рассеянно следил за пультом. Он ещё не совсем оправился после треволнений последних суток: энергия наполовину израсходована, продуктов тоже недостаточно. А кто знает, какие ещё ловушки приготовила ему эта планета. Один смоляной океан чего стоит, помянуть его недобрым словом. Не так-то уж приятно было барахтаться в нём словно муха в меду. Ему это запомнится. Устал до невозможности. Три ночи не спал. Ну да ладно. Пока он почти ничего не знает об этой планете. Но даже то, что он узнал о ней за последние дни, добавило новые загадки. Самые точные измерения позволили установить, что планета вращается вокруг своей оси со скоростью 80 м/сек по экватору. Но почему же неподвижна тёмная полоса вдоль нулевого меридиана, которая наблюдалась с «Гепарда»? Единственное разумное объяснение – полоса движется с той же скоростью в обратном направлении. Тогда через несколько часов она будет здесь. Но насколько это разумно? Да

и песок на планете оказался не таким блестящим, как он выглядел сверху. И ещё вопросы, вопросы...

Скорость «Амёбы» резко падала. Колесо разбухло, стало ниже и толще. Теперь оно походило на тяжёлый валик, ровняющий беговую дорожку. Вездеход остановился, вздрогнул. Импульс проверки пробежал по блокам. Оболочка сбилась в складки, вездеход стал похож на сморщенную грушу, затем опала, вздулась и опять опала – совсем. Машина словно вздохнула. Вспыхнул прожектор. Описав в воздухе замысловатую фигуру, луч упал на НИХ. Они солдатами стояли в бесконечной шеренге. Ручки «зонтиков» ружьями торчали кверху, нацелясь на солнце, фиолетовым синяком выделявшемся на бледном лице небосвода. «Набалдашники» медленно начала краснеть под пронзительным взглядом «Амёбы».

Через несколько секунд их пунцовый цвет превратился в белый. Громкий и резкий, точно выстрел, хлопок. Что-то просвистело в воздухе и ударилось в стекло прожектора. То мягко отпружинило, но следующие удары заставили прожектор мигнуть и оборвать ослепительную нить луча. А град ударов посыпался на обшивку вездехода. Его поверхность мгновенно затвердела, вспыхнула белыми брызгами. Треск раздробленных снарядов, нудное гудение моторов сопровождали это странное нападение. Полумрак взорвался ярким пламенем. Огненные бутоны быстро расцвели, разбросав в стороны лепестки. Стало светло как днём на Земле. Пламя медленно отступало, иногда выплёвывая очередную косточку, оставляя траурные силуэты посреди пепла. Вездеход высился над этим кладбищем, точно дракон, понявший, что своим приближением он несёт гибель. Медленно осела оболочка, скидывая с себя тяжесть невидимой брони. Луч скользнул по пустому пространству, тупо ткнулся в чёрные кучи пепла и исчез.

.....
..

Пишу, пока есть свободное время: «Амёба» производит анализы образцов. На вид снаряды, которыми был обстрелян вездеход, напоминают крупные сливы. Скоро будут получены окончательные результаты. Для меня гораздо важнее знать, с чем я столкнулся. Это зонтики, видимо, покрывают всю планету. Их зеркальная поверхность хорошо отражает свет. Теперь понятно, почему с высоты планета выглядела как новенький пятак. И горят они с поразительной лёгкостью. При посадке сгорел несколько миллионов. Что они из себя представляют? Их поведение очень интересно. Обычно они нацелены на солнце, но как только на

вездеходе зажётся прожектор, все повернулись к нему. Зеркальная поверхность имеет форму параболоида. Она улавливает всё излучение, падающее на зонтик, и собирает в одну точку. Этим можно объяснить их постоянную направленность на солнце. Но как расценивать обстрел? Нападение? Защита? Бесполезно строить догадки, не зная, что такое эти зонтики. И почему они сразу же загорелись?

Уйма вопросов. Ни одного разумного ответа. Честно говоря, мне пришла в голову одна мысль, всё объясняющая. Впрочем, вряд ли она что-нибудь объясняет. Просто много загадок подменяется одной, ещё более трудной. Я говорю о разумной жизни. Видимо, так уж устроен современный человек, что ему везде мерещится разумная жизнь. Но право же, в этой ситуации трудно вообразить что-либо другое. Конечно, ОНИ сами вряд ли походят на мыслящих существ. Скорее, это некие искусственные аппараты. Но где же сама цивилизация? Где сами братья по разуму? Может быть, их общество давно уже погибло? Но неужели, кроме этих зонтиков, они не смогли придумать ничего интереснее? Или это только какая-нибудь их база? Например, вроде нашего центра связи. Зонтики вполне могут сойти за лазерные антенны. Тогда где-то под ними должны находиться и другие аппараты, расчётный центр, энергоблоки.

И всё же непонятно, почему они так легко горят. Система самозащиты несколько странновата, какими-то камушками они собирались уничтожить скин-вездеход. Вопросы, действительно, не убавляется...

– Докладывает расчётный центр скин-вездехода «Амёба». Анализа окончены, результаты получены...

.....

..

Фиолетовый зрачок солнца с высоты степенно и холодно оглядывал планету. Он скользнул взором по торчащим остаткам зонтиков, закрылся полупрозрачным веком облака, одобрительно мигая. Затем с удивлением отметил, как над восточной частью горизонта разлилась розовая река зари. Воздух радостно затрепетал. Оставшиеся, не сгоревшие зонтики, плавно колыхнувшись, обратили свои зеркала на яркий сок планеты, которую, точно арбуз, разрезал невидимый нож. Все с нетерпением ожидали явления нового светила. Но заря, охватывающая горизонт всё шире и шире, не раскрывала своего сюрприза. Вдруг зарумянились маленькие облачка. Горизонт загорелся алой пеленой и теперь стремительно приближался. 5 км...

4... 2... 700 м... Уже ближайшие ряды зонтиков задрожали в огненном трансе. Огонь отплясывал по трепещущим зеркалам дику лезгинку в полной тишине.

Вездеход понёсся вглубь выжженного «Горалом» пятна. Огненная волна настигала его, но вдруг, разбившись о неприветливость уже испепелённого пространства, рванулась в стороны, обтекая не заражённое всеобщим весельем место. Полыхнуло жаром, и машина оказалась уже в тылу огненной лавины. Жалобное потрескивание догорающих зеркал вдруг сменилось яростными «аплодисментами». Пепел на всей поверхности словно закипел. Тучи косточек вонзились в землю, пулемётной очередью прочеркнули по вездеходу.

.....
..

«...». Неплохо звучит. Пожалуй, это латинское название ближе всего к ним подходит: «ЗОНТИКИ ЗЕРКАЛЬНЫЕ». Бинарная номенклатура применяется ещё и сейчас для наименования растений и животных. Именно растения. События последних дней убедили меня в этом. Начну по порядку.

Человек на 70% состоит из воды. Ткани растений и животных на Земле – это коллоидные растворы веществ в воде, более или менее густые. Человек не задавался вопросом, что произойдёт, если заменить воду какой-нибудь другой жидкостью. У человека не возникало подобных вопросов, потому что ему не нужны были ответы на них. Но природа не может желать или не желать чего-нибудь определённого. Она равнодушно создаёт всё, что получается само собой. На планете 05 нет воды. Во всяком случае, столько, сколько её на Земле или даже на Марсе. Зато здесь более чем достаточно смолы. Под тонким поверхностным слоем почвы простирается многокилометровый пласт застывших смол. При столь низкой температуре как здесь эти смолы имеют твёрдость камня. Но достаточно небольшого нагревания, и они станут жидкими.

Когда «Амёба» закончила анализ тех косточек, которые выбрасывали «зонтики», я узнал, что они на 90% состоят из этих смол. Сначала я даже не заметил, что среди оставшихся 10% больше всего... белка! Странного, не похожего на земной, но всё же белка. Исследование самих «зонтиков» убедило меня в том, что это растения. Теперь всё кажется очень простым, и удивительно, почему я не додумался до этого раньше.

Конечно, зеркальные поверхности этих растений служат для того, чтобы собрать как можно больше излучения, доставленного в столь малом количестве далёким солнцем. В утолщениях на коже «ручек» этих «зонтиков» есть вторые зеркала, отражающие собранные лучи внутрь «ручек», состоящих из прозрачной смолы и покрытых тонким зеркальным слоем. Они представляют собой довольно хорошие световоды. Эти световоды пронизывают слой почвы и доставляют мощный концентрированный луч света к поверхности смоляного океана. Много лет назад, то ли в двадцатых, то ли в шестидесятых годах двадцатого века появилась книга под названием «ГИПЕРБОЛОДИ ИНЖЕНЕРА ГАРИНА». Это одна из самых первых книг фантастической литературы. И там описывался аппарат очень похожий на эти самые «зонтики». Но применялся он несколько в иных целях. Судя по всему, эти растения совсем безобидные. Собранная энергия растапливает верхний слой смолы, и она в жидком состоянии уже может усваиваться «зонтиками». В утолщении на конце световодов зреет, видимо, одно зерно. Созревшее, оно с силой выбрасывается из своего гнезда. Для этого вся световая энергия, собираемая растением, направляется не по световоду, а вглубь утолщения. Порохообразное вещество мгновенно сгорает и выстреливает косточку. Косточка попадает в хорошо удобренную пеплом сгоревших растений почву, и из неё постепенно развивается новое растение.

Всё, как будто, объясняется. Непонятно только, зачем зерно выстреливается так далеко. Ведь оно летит за две тысячи метров! И почему каждое растение имеет только одно зерно? Ведь на протяжении многих десятков и даже тысяч лет множество всяких случайностей должно было бы уничтожать постепенно эти «зонтики», если новых вырастет столько же, сколько умирает «в старости», после выстрела зерна. Наконец, зачем они сгорают сразу после выбрасывания косточки? Но самое главное, конечно, в другом. Неужели на этой планете нет других форм жизни? Я не обнаружил здесь ничего, кроме бесконечных рядов «зонтиков». Походе, Всевышний слишком усердствовал при создании Земли, чтобы как следует позаботиться об этой планете.

.....

..

На высоте 20 метро в воздухе висело удивительное «солнце». Яркий свет ниспадал сверху. «Зонтики» заворожённо всматривались в ослепительный шар. «Амёба» взлетела с маленького пятка свободной поверхности и, повисев некоторое время неподвижно,

скользнула в сторону. Через 20 минут растения выбросят зёрна. Затем огонь разматывает свои крылья по зеркалам, оставляя чёрным догорающим скелетам осыпаться самостоятельно. Искусственное солнце погаснет и медленно полетит к горизонту, внимая настойчивым приказаниям вездехода.

.....

..

– Докладывает расчётный центр «Гепарда». К западу от нулевого меридиана планеты 05 по двадцать пятой Ю-параллели появились два тёмных пятна.

– Где находится пятно «Горала»?

– К востоку от обнаруженных объектов. На расстоянии пяти километров.

– Объяснения?

– Это сигнал.

– ?!

– Сигнал радиокода «sos». Три точки.

– Подготовить к отделению аварийный планетолёт. Цель – планета 05.

– Понял. Отключаюсь.

.....

..

20 м... Пыль рванулась в стороны. На мгновение обнажилась гладкая блестящая поверхность...

15 м... Затем взрыв, и клубы чёрного дыма поглотили планетолёт. Свист превратился в kloкочущее варево звуков...

5 м... Поверхность задрожала, вздулась болезненным пузырьём. Планетолёт занозой вонзался в планету...

1,7 м... «Пузырь» прорвался, словно нарыв, и широкие волны кипящей смолы разлились по поверхности, сжигая зеркальные поверхности «зонтиков»...

0,4 м... Звёзды испуганно дрожали...

...Высота минус 9 м...

.....

..

– Стоп! Прекратить спуск. Подключить алгоритм 6. Полная мощность. Срочный подъём. Высота 100.000 метров...

.....

..

От радиостанции остались одни обломки. Расчётный центр повреждён. Восстановить его не удастся: после взрыва действуют лишь комплексы терморегуляции, самопроверки и коррекции. Но корректировать уже нечего – вездеход останется здесь навсегда. Он не сдвинется с места. Хуже всего то, что вся энергия ушла на тщетные попытки установить связь с аварийным планетолётом. Ему тогда показалось, что связь найдена, но теперь он знает, что это был самообман. Аварийный планетолёт «приземлялся» в районе высадки «Горала», то есть за двадцать километров от местонахождения «Амёбы». Но при посадке ракеты образующаяся зона ионизации исключает возможность радиосвязи с ней. Эта возможность появилась лишь, когда планетолёт снова был на дальней орбите. Конечно, ведь он, как и «Горал», не мог сесть в расплавленный «океан». Никто, приземляясь на «песок», не рассчитывает программу на «воду». И Кирилл решился на рискованный эксперимент: установить связь методом концентрирования поля. На это рассчитаны лишь аппараты космических кораблей не ниже 2 класса. И вот результат.

.....

..

– А-вездеход вызывает системы «Горала». А-вездеход вызывает системы «Горала». Общий сигнал. Общий сигнал.

– Почему Кирилл не отвечает?

– Странно... Может быть, у него повреждена радиостанция?

– Но ведь он же связался с А-планетолётом.

– Только на мгновение... Ладно, давай снова.

– А-вездеход вызывает системы «Горала». А-вездеход вызывает системы «Горала». Общий сигнал. Общий сигнал.

.....

..

Всплеск на экране локатора ошеломил Кирилла. Надежда, что его обнаружат, казалась ему несбыточной. В голове стучала лишь мысль, единственная и до смешного простая: спасательный вездеход пролетит мимо и не вернётся. А если вернётся, то будет уже поздно.

Его надо догнать. Почти автоматически Кирилл перебрал в уме все ситуации, в которые ему приходилось попадать, и опыт сказал своё веское слово.

.....
..

Вспыхнула надпись, требующая подтверждения приказа о мобилизации неприкосновенного запаса энергии и кислорода. Затем гудок возвестил о том, что блоки Н.З. соединены с сетью. Кирилл облачился в скафандр, проверил все системы микровездехода. Мигающая лампочка показала, что всё в порядке. Теперь лететь. Космонавт подтянулся на руках. Дьявол! Но как они увидят его? Удар кованого сапога выбил трубку прожектора. Пилот рванул её на себя и почувствовал, что где-то внутри вена «Амёбы» оборвалась, её остаток потянулся за прожектором. Подсоединив контакты к аккумуляторам скафандра, Кирилл исчез в проёме. Тёмный силуэт скафандра низко над землёй понёсся к горизонту. Впереди багрово пылал прожектор...

.....
..

– А-вездеход вызывает системы «Горала». А-вездеход вызывает системы «Горала».

– Стой! Смотри, что там за огонёк?

– Это он.

– Он остановился?!

– Задание – стоп. Переключи коды поиска. Ориентир – светящаяся точка. Быстрее туда.

.....
..

Жила такая птица феникс. Каждые тысячу лет она сжигала себя, а затем вновь возрождалась из пепла. Затем снова сжигала. Так говорит древняя легенда. Планета 05 чем-то похожа на эту птицы. Но самосожжение на ней организовано в более внушительных масштабах и более оперативно. Жизнь зародилась там пять миллиардов лет назад. Срок огромный. Но бурное развитие жизни скоро замерло. Природные условия оставались неизменными многие тысячелетия. Но без этих изменений, без приспособления к ним не может быть и самой жизни. Жизнь на земле порождалась изменениями её природных условий. Великое оледенение дало толчок к появлению и развитию высшего существа на Земле –

человека. Но даже когда природные условия перестали изменяться, человек сам создал себе условия жизни, создал вторую природу.

На «Фениксе» жизнь, возникнув и развившись до сегодняшнего уровня. Остановилась. Приспособившись к стационарным условиям, «зонтики» перестали развиваться. Они, вероятно, представляют собой самую совершенную на планете 05 форму жизни. Но эта жизнь «мертва».

И всё же щемит сердце при мысли о том, что с каждой секундой Феникс удаляется от нас на тысячи километров. Мы улетаем. Меня сняли с планеты буквально в тот прославляемый, роковой и счастливый миг, когда я был на грани жизни и смерти. Энергия кончилась. Я оказался на песке. Единственное, что помню, это ужасное гудение индикатора кислорода. Планета словно надвинулась на меня, обхватила, сжала. Уже автоматически напряг руку и поднял прожектор... А-вездеход опустился через полторы минуты, залил песок кровавым светом...

Крутится вокруг фиолетового солнца планета. С бешеной скоростью летят по её поверхности три символические точки. Феникс терпит бедствие. Горит жизнь, вновь возрождается из пепла. Самая совершенная в этом мире. Живёт и горит, и будет жить и гореть. И не задаёт себе вопроса «Зачем?»

17. ХОРОШЕЕ И ТЁПЛОЕ...

Расчёты, расчёты, расчёты... Длинные колонки чисел и букв скользят по экрану, опровергая, убеждая, доказывая... Они говорят многое, очень многое, но всё ли? Гиль Реот отключил вычислительную машину и вышел из центрального пункта. Он оказался сразу на небольшой ровной площадке, нависшей над пропастью. Солнечная станция была расположена в Гималаях, на большой высоте. Вот уже много лет Реот выходит каждое утро на эту площадку встречать восход Солнца. Несколько десятков лет тому назад астрономы Земли впервые заметили некоторые новые явления на Солнце и, если бы не вмешательство человека, на окраине галактики уже сверкала бы сверхновая. Вот уже несколько десятилетий люди ведут постоянную трудную и опасную борьбу с взбунтовавшейся звездой. Вот уже двадцать лет ведёт эту борьбу Гиль Реот. В его распоряжении огромные энергетические ресурсы человечества, лучшие ракеты, лучшие роботы...

И вот несколько дней назад на рассмотрение человечества поступило предложение погасить Солнце и создать вместо него серию искусственных плазменных «солнц» – спутников Земли. Автором предложения был Гиль Реот. Расчёты, расчёты, расчёты... Длинные колонки чисел и букв скользят по поверхности мыслей Гиля, опровергая, убеждая, доказывая... Они говорят многое, очень многое, но всё ли? Осуществление проекта принесёт человечеству большие, очень большие выгоды, но где-то в глубине души закралось сомнение, пока неясное, смутное...

Солнца ещё не видно, но снежные вершины уже вспыхнули алым пожаром, и облака кажутся клубами дыма, спускающегося по склонам гор. Гиль выбрал небольшой, но тяжёлый камень, размахнулся и забросил его на другую сторону пропасти. Мгновенно разразилась и несётся вниз цепная реакция обвала. Громко заговорили камни, эхо облетело ущелье, и загудели горы. Грохот восходящего Солнца! Наверное, таким представлял его себе Гёте:

*Чу! Шумят, бушуют Оры!
Шум их слышат духов хоры;
Новый день увидят взоры.
Чу! Скрипят ворота неба!
Чу! Гремят колеса Феба!
Сколько шуму вносит свет!
Трубный звук гудит и мчится,*

*Слепнут очи, слух дивится,
Лишь для смертных шума нет!*

Лишь для смертных шума нет... Но смертный Гёте услышал этот солнечный шум, услышал силой своего воображения. Он не знал, что такое фонограмма Солнца, когда жизнь звезды отражается в звуках. Он не знал, как слабое гудение чистой фотосферы переходит в грозный гул нарождающегося пятна. Он не знал, как взрывает воздух грохот вспыхивающего протуберанца. Она не знал, как мечутся в неистовой мелодии звуки солнечных вихрей. Но Гиль Реот слушал эту музыку Солнца, он слушал её каждый день. Его можно было бы сравнить с дирижёром огромного оркестра, но оркестра не было, а было Солнце – громадное тревожное Солнце, каждую минуту готовое нанести страшный удар. Музыка Солнца... Это музыка борьбы, борьбы сильных и равных противников, борьбы Разума и Стихии. Человек и Солнце... Источник жизни и её венец...

Жизнь Гиля Реота была трудной, не все могут и не все желают вести «вечный бой». Но Гиль никогда не желал другой жизни, поэзию жизни он видел в борьбе. И вдруг он понял, понял, почему теперь его одолевают сомнения: погасить Солнце не значит победить его, наоборот, это хуже поражения. Разве человечеству нужно, чтобы Солнце погасло? Нет, ему нужно, что оно горело ещё много и много лет, горело, но не взрывалось. Пока люди не могут вернуть Солнце в стабильное состояние, но они могут не дать ему взорваться. Кто знает, быть может, вскоре они найдут решение проблемы, а Солнца уже не будет. Да разве в этом дело! Нет, Гиль Реот не может признать себя побеждённым, он отдал свою жизнь тяжёлой битве и он должен победить, победить так, как побеждает Человек!

Гиль Реот вернулся к пульту, быстрым взглядом obeжал показания приборов, немного изменил режим работы установки. Всё в порядке, ничего серьёзного нет, и пока автоматы справятся без него. А Солнце уже заняло своё место в пустующем небе, и по склонам гор спустились золотые локоны его лучей. Драгоценной цепочкой засверкала внизу быстрая речушка. Прохлада гор, крутые тропки и водопады света манили к себе Гиля. Он решил совершить небольшую прогулку.

По неширокому сужающемуся карнизу он дошёл до одинокого высохшего дерева. По верёвке, привязанной дереву, спустился на несколько метров ниже и оказался перед входом в небольшую холодную пещеру. Войдя в неё и ориентируясь по солнечным зайчикам, усеявшим стены и пол пещеры, Гиль добрался до наклонного колодца, заполненного водой. Здесь он разделся,

положил одежду в непромокаемый пакет и нырнул в ледяную воду. На глубине нескольких метров колодец расширился, и Гиль, преодолев короткий горизонтальный участок пути, всплыл кверху. Вместе с воздухом он жадно вдохнул ослепительный солнечный свет и, выйдя на берег маленького горного озера, опустил на густую жёсткую траву. Здесь Реот решил передохнуть.

Мысли вновь вернулись в прежнее русло. Да, Гиль Реот будет голосовать против, против своего предложения. Его решение значило многое... Губы медленно прошептали короткое слово: «вето». «Вето» – право каждого человека земли отвергнуть предложение, вынесенное на голосование планеты. Гиль не может поступить иначе. Пусть он будет один, но он будет голосовать против. В истории Нового общества редко случалось, чтобы мнения людей разделились. Оказавшиеся в меньшинстве покидали Землю, таких было единицы. Они покидали Землю добровольно: уходили в космические полёты или уединялись на планетных станциях. Трудно жить с людьми, если в чём-то очень важном ты оказался в одиночестве. А только очень важные для всех вопросы выносились на обсуждение планеты. Гиль Реот любил Землю, и ему было бы невыносимо трудно её покинуть.

Может быть, подождать и посмотреть частичные результаты голосования, ведь их никто не скрывает? Мысль мелькнула и исчезла. Так иногда вырываются откуда-то из подсознания мысли, свойственные исчезнувшим поколениям, и, не находя опоры, падают обратно. И всё же, за что проголосуют люди Земли? Гиль думал о том, какие у других людей могут быть причины голосовать против его предложения. Он видел только одну причину: неизвестно, как отразится изменение излучения, смены дня и ночи и других явлений, связанных с Солнцем, на здоровье и психике людей. Но, может быть, можно создать такое искусственное Солнце, чтобы оно полностью имитировало настоящее?

Гиль закрыл глаза и попытался в уме проделать некоторые расчёты. Перед мысленным взором замелькали чертежи, графики. Появились первые формулы, за ними цепочкой потянулись другие. Мозг выбирал, анализировал, сравнивал, отбрасывал лишнее, неторопливо пробираясь по намеченному пути. Расчёты, расчёты, расчёты... Длинные колонки чисел и букв скользят, подхваченные потоком мыслей, опровергая, убеждая, доказывая... Они говорят многое, очень многое, но всё ли? Полная имитация вполне возможна, но сомнение, туманное и неясное, рушит стройную систему выкладок. Решает ли имитация все вопросы? Видят ли люди в Солнце только источник энергии?

Отдохнув, Гиль продолжил прогулку. По крутой тропинке спустился он к речке и пошёл вдоль неё. Обойдя выступ скалы, он увидел маленькую девочку, сидящую на корточках у воды. Невдалеке стоял лёгкий одноместный гравиплан. Гиль подошёл ближе.

– Что ты тут делаешь? – спросил он девочку.

Она обернулась и ответила:

– Кормлю Майли.

– Кого?

– Майли. Она рыбка, и мы с ней друзья. А ты что делаешь?

– Вот, говорю с тобой.

– А-а... – девочка села рядом с Гилем. – А про что мы с тобой говорим?

– Про что? Ну, давай, например, про Солнце.

– Про Солнце... А что говорить про Солнце?

– Хотела бы ты, например, чтобы было много разноцветных Солнц: красных, синих, жёлтых...

– А зелёное можно?

– Можно.

– Это, наверное, очень красиво, когда много разноцветных Солнц. Как фейерверк, правда?

– Правда. Но только надо будет погасить старое Солнце, которое светит сейчас.

Девочка замолчала на несколько минут, тихо болтая ногой в воде. Потом спросила:

– А это обязательно?

– Что? – не понял Гиль.

– Ну, гасить старое Солнце.

– Обязательно.

– Мне его жалко.

– Жалко? Но ведь оно неживое, оно ничего не почувствует.

– Всё равно жалко... Оно хорошее и тёплое... Знаешь, не надо разноцветных Солнц, ладно?

– Ладно.

– Ну, мне пора домой. До свидания, – девочка встала и пошла к гравиплану. Лёгкая машина поднялась в воздух и понеслась над горами.

Гиль задумчиво побрёл вдоль реки. Вся жизнь Гиля Реота была битвой с Солнцем, но вдруг он понял, что ему тоже... жалко Солнце. Вот просто так, непонятно почему. В душе каждого человека, в каких-то затаённых чувствах и воспоминаниях есть Солнце – символ радости и света, тепла и надежд, символ мечты. И если погаснет Солнце, погаснут в душе человека эти хорошие и светлые чувства. Расчёты, расчёты, расчёты... Длинные колонки чисел и букв скользят перед мысленным взором Реота, опровергая, убеждая, доказывая... Они говорят многое, очень многое. Гигантская экономия энергии, времени, техники. Серия искусственных «солнц» может улучшить климат Земли, будут растоплены вечные льды полюсов, будет вечное лето. Разве можно предвидеть все выгоды осуществления проекта! Расчёты говорят многое, но они говорят не всё. Человечество должно сделать выбор: на одной чаше весов – расчёты, ясная и простая логика чисел, на другой – Солнце, «хорошее и тёплое».

И вдруг Гиль понял, что выбора нет, что поставив перед собой вопрос о Солнце, человечество, тем самым, уже ответило на него. Гиль Реот понял, что дело даже не только в Солнце, Солнце – лишь пробный камень на том пути, который предстояло выбрать людям. Едва по Земли прокатилась разрушающая и строящая волна революций, едва Человек покончил со старым миром, как перед ним открылся новый огромный и удивительный мир. В этом мире не надо драться за кусок хлеба, и в этом мире сияет Солнце – не только источник дешёвой энергии, но и кое-что ещё другое. И это другое важнее для Гиля, маленькой девочки и для всех людей на Земле. Теперь Гиль Реот знает, что ему не придётся покинуть Землю, потому что он голосует против.

18. МЕТЕОРИТ

научно-фантастический рассказ

Игорь Бурдонов

Косой дождь волосяными струями свисал на дорогу, словно паутина, опутывая наши лица. Гулко стучали копыта лошади по асфальту, и слабо поскрипывала телега под тяжестью контейнера. Машину мы оставили там, за бетонной стеной, отделявшей это место от остального мира. Там же пришлось оставить все металлические вещи. «Металлы можно только вносить, выносить их не разрешается», – объяснили нам на сторожевом пункте. Впереди показались слабые огоньки. Подъехав ближе, мы разглядели двухэтажные кирпичные здания с деревянными крышами, крытыми керамическими плитками. Из небольших окон лился слабый дрожащий свет. Густой дым медленно вылезал из труб и, сползая по склонам крыш, растворялся в морозящем дожде. В окне одного из домов показалась тёмная фигура, затем открылась дверь и, выплунув на дорогу два плаща, одетых на чьи-то спины, вновь захлопнулась. К нам подбежали два человека.

– Вы с электромагнитом? Наконец-то. Мы вас тут второй день ждём, – говорил один из них, молодой человек с длинным лицом, непрерывно поправляя сваливавшиеся очки.

– Да вот на этой кляче пять часов протащились, – ответил Николай.

– У нас весь транспорт в этой лошадке сосредоточен. Хоть бы вторую прислали что ли, – сказал второй из встречавших, пожилой человек с короткой широкой бородой и густыми, словно усы, бровями.

Вчетвером мы с трудом протащили контейнер через узкую дверь в просторный вестибюль. Первое, что нас поразило, это свечи. Вестибюль освещался большим множеством свечей, прилепившихся по стенам, на столе и под потолком. Двое встречавших нас тут же ушли, сказав, что профессор Багоев скоро к нам выйдет. А мы, сняв насквозь промокшие плащи, с удовольствием опустились в мягкие кресла. Через несколько минут к нам подошёл высокий человек в отутюженном костюме при галстукe и роговых очках под цвет коротко подстриженных рыжих волос. Это и был профессор Багоев.

– Очень хорошо, что вы сегодня приехали. Вы, товарищ Кондратьев, если не ошибаюсь, можете идти отдыхать, вам приготовлена комната, – обратился он к моему попутчику. – Монтаж оборудования начнётся завтра. А вот вас Геннадий Никитич я попрошу остаться. Вам надо войти, так сказать, в курс дела.

Николай ушёл, а меня Багоев повёл по лабораториям, вводя в курс дела.

– Три года тому назад на этом месте стояли отличные шестнадцатизэтажные корпуса института кристаллофизики, – говорил профессор. – Сейчас институт находится в трёхстах километрах отсюда, в Челябинске, а здесь расположен его, так сказать, филиал. Три года тому назад, как вы помните, упал крупный метеорит, как раз совсем недалеко от нашего института. Его тотчас же привезли сюда, и начались исследования. Химический состав метеорита оказался очень прост: 99% – железо, полпроцента – кобальт и ещё полпроцента обычные примеси. В общем, ничего интересного. Какую, по-вашему, кристаллическую структуру должен иметь такой метеорит?

– Разумеется, кубическую объёмноцентрированную, – ответил я. – Восемь атомов в вершинах куба и один в центре.

– Вот-вот, мы тоже так думали. Ну а что вы скажете о полиморфных модификациях?

– Гм, полиморфные модификации – это виды простых кристаллических веществ, состоящих из одного и того же химического элемента, но с разной кристаллической структурой. Они бывают двух типов. Одни могут существовать в одинаковых условиях и быть одинаково устойчивыми, для других в данных условиях какая-то модификация будет более устойчивая, а остальные менее устойчивые.

– Совершенно верно. И вот железо имеет как раз последние модификации. До температуры плюс 910 градусов оно имеет, конечно, кубическую объёмноцентрированную структуру. От температуры плюс 910 градусов до плюс 1401 градус – кубическую гранецентрированную: восемь атомов в вершинах куба и шесть в центрах граней куба. При температуре свыше 1401 градус кристаллическая решётка имеет форму, аналогичную первой. Больше никаких модификаций у железа нет. Но ведь и алмаз был обнаружен позже угля, хотя это две модификации одного и того же элемента углерода.

– Я, кажется, начинаю понимать к чему этот разговор. Ваш метеорит имеет какую-нибудь странную кристаллическую структуру?

– Странную? Просто поразительную. Вот полюбуйте, – профессор бросил на стол пачку фотографий. – Внешний, тонкий слой имеет обычную структуру твёрдой стали. Но вот основная масса метеорита, его ядро имеет совсем другое строение. Оно состоит из множества ячеек по 10-100 атомов в каждой. Что самое странное, ячейки эти имеют самую разнообразную форму и далеко не одинаковы.

– Неужели это новая модификация железа?

– Возможно, возможно. Но если то, что я вам сейчас рассказал, ещё можно хоть как-то объяснить, то то, что я сейчас скажу, уже не поддаётся никаким объяснениям. Вначале всё было нормально. Кристаллическая структура метеорита оставалась неизменной. Ионы совершали лишь тепловые колебания вокруг точек равновесия, а электроны двигались хаотически. Это так и должно быть. Но вот через несколько месяцев происходит нечто совершенно непонятное. Вначале было обнаружено слабое, но потом всё усиливающееся электромагнитное поле вокруг метеорита. Поле имело очень сложную структуру. Вот посмотрите: в этой путанице линий совершенно нельзя разобраться.

Исследования кристаллической решётки в это время показали, что хотя взаимное расположение ячеек не изменяется, внутри них происходят явно не тепловые движения ионов. Но, что самое странное, внутри метеорита были обнаружены электронные токи! Эти токи оказались самыми разнообразными: от незначительных, протекающих внутри отдельной ячейки, до довольно больших, протекающих из одного конца метеорита в другой. Об этих токах была собрано большое количество материала. Вон, смотрите: эти три огромных шкафа доверху набиты графиками и фотографиями. Вскоре закончится переработка этой информации, и будут поручены кое-какие результаты.

Но слушайте дальше. С тех пор как мы начали работать с метеоритом, вся остальная работа была прекращена. Кристаллический анализатор был и без того загружен непрерывными измерениями параметров кристаллической структуры метеорита. Но однажды для какого-то эксперимента потребовалось подвергнуть кристаллическому анализу обычный кусок стали. И вот какие были получены результаты.

Багоев достал ещё одну пачку фотографий и разложил её веером рядом с первой. Кристаллические структуры метеорита и этого куска стали полностью совпали!

– Да... но этого же не может быть, – пробормотал я.

– И, однако, это так, – ответил профессор. – Мало того, мы провели такой же опыт со всеми имевшимися у нас металлами и всегда получали тот же самый результат. Металлы с уже изменённой структурой каким-то непонятным образом воздействовали на обычные и изменяли их структуру подобно своей.

– Да ведь это какая-то эпидемия. Металлы заражаются друг от друга. И как быстро происходило такое заражение?

– Заражение? Да, действительно похоже. А ещё знаете, на что это похоже? Вспомните магнетизм. Магнит, находясь в соприкосновения или просто вблизи не намагниченного металла, может через свой магнитное поле намагнитить этот металл, то есть как-то изменить его структуру. Возможно, что здесь нечто подобное. Вы спросили, как быстро происходит это заражение. Вначале полностью погрузившись в исследования самого этого заражения, мы как-то не подумали о его возможных последствиях. Но через несколько дней нам привезли кусок металла, находившийся за десять километров от нас. И этот металл оказался заражённым. Вы знаете, что всякое изменение кристаллической структуры влечёт за собой изменение и многих свойств металла. Поэтому надо было предотвратить дальнейшее распространение этой, как вы сказали, эпидемии, и все уже заразившиеся металлы поставить под наблюдение. Теперь все металлы находятся под контролем, даже здания пришлось разобрать.

– А как же приборы, аппараты, они ведь тоже состоят из металла?

– Их пришлось поместить в изоляционную камеру, не пропускающую электромагнитное поле метеорита и заражённых им тел. Ну, вот собственно, я вам всё уже рассказал. Теперь о завтрашнем эксперименте. Нам надо выяснить, каким образом происходит заражение металлов. Ясно, что заражение происходит при помощи электромагнитного поля метеорита. Непосредственное его изучение, как я уже говорил, очень затруднительно, поэтому мы решили изучать его, так сказать, в сравнении с другим полем. Короче говоря, метеорит будет помещён в сильное электромагнитное поле, изменяя которое мы будем следить за изменениями в метеорите. Так что завтрашний эксперимент должен показать многое. Вот схема опыта...

С шипением поднялась кверху массивная плита, и в шлюзовую камеру ворвался яркий свет. Мы вошли в лабораторию. Здесь все уже были на местах. Почти всю комнату занимал громоздкий кристаллический анализатор, окружённый со всех сторон пультами управления, за которыми сидели сотрудники. Несколько в стороне сгруппировались осциллографы.

– Все на месте? – спросил Багоев. – Ну, вот и отлично. Можно начинать.

И он пошёл к своему месту у осциллографов, а я сел за пульт управления электромагнитом. Эксперимент начался. Всё шло нормально: низко гудели высоковольтные провода, им вторил приглушённый свист анализатора, в наушниках то и дело раздавались команды, стрелки приборов, раз сдвинувшись с места, замерли в напря...

...утеряна одна страница текста...

...последний вопрос: что вы думаете о нашем метеорите?

– Вы хотите знать, что я думаю о том, каким образом у него могла оказаться такая странная кристаллическая структура?

– Вот именно.

– Точно я вам сказать не могу, конечно, но у меня есть одно предположение. Собственно возникло оно у меня только сейчас. Конечно, вряд ли так оно и есть в действительности, но всё-таки мне почему-то кажется, что этот метеорит может быть каким-то образом создан искусственно.

– Искусственно? Ну, что ж, это тоже, в общем-то, возможно. У меня другое, даже ещё более фантастическое предположение. Впрочем, это несколько больше, чем просто предположение. Я думаю, что этот метеорит и есть само разумное существо. И вот почему. Ему присущи все свойства разумных существ. Эти странные ячейки его кристаллической структуры аналогичны нейронам человеческого мозга. Электронные токи – это то же, что нервные токи мозга. При помощи них он думает.

– А заражение?

– Это не что иное, как размножение живых существ на Земле. Но здесь есть большая разница. Сегодня я её узнал. Наблюдая за кристаллической структурой метеорита во время эксперимента, я иногда поглядывал на осциллограф, на котором изображалась кристаллическая решётка одного из заражённых тел. И вы знаете, я видал, что в этой решётке происходили те же самые изменения, что и

в кристаллической решётке метеорита. Эти два тела были, как будто, связаны друг с другом через свои электромагнитные поля. И ещё. Изменения структуры метеорита происходили не по расчётам, а гораздо медленнее. И в то же время было обнаружено усиление собственного поля метеорита, и не только метеорита, но и всех заражённых им тел. Они как бы сообща боролись против разрушающего их поля электромагнита. Но когда мощность поля электромагнита уже почти достигла критической, поля заражённых тел резко изменились. Они как бы стали изолировать их от поля метеорита и, тем самым, спасли себя, когда гибель метеорита была уже неизбежной. Разве это не действия разумных существ? Они живут вместе, как одно целое, пока им всем не грозит опасность погибнуть. Тогда они защищаются каждый отдельно, чтобы хоть один из них выжил и сохранил род. Я думаю, что это разумные существа, возможно, представители далекой металлической цивилизации.

Косой дождь волосяными струями свисал на дорогу, словно паутина, опутывая наши лица. Гулко стучали копыта лошади по асфальту, и слабо поскрипывала телега. Машина ждала нас там, за бетонной стеной, отделявшей это место от остального мира, место, где человечество впервые столь удивительным образом столкнулось с ещё более удивительной металлической жизнью, жизнью разумных существ.

19. КУПИТЕ ДУШУ!

Игорь Бурдонов

Ослепительно яркая вспышка света на мгновение вырвала из тьмы чёрные лохмотья туч, и неприступная стена мрака вновь выросла за окном. Тяжёлыми раскатами прогремел гром, и с ещё большей силой взвыл ветер. Человек отошёл от окна, и две огромные тени, казалось, независимо от него задвигались по стенам и каменным сводам маленькой комнаты. При слабом дрожащем свете двух свеч он перелистывал ветхие, потемневшие от времени страницы древней книги. Настороженно потрескивал огонь в печке, бросая кровавые блики на ряды покрытых толстым слоем пыли книг, на грязные, закопченные стёкла причудливых химических приборов.

Вдруг в одном из тёмных углов послышался шорох. Человек застыл неподвижно, боясь поднять голову. Он ждал. Внезапно неизвестно откуда раздался негромкий голос:

– Я пришёл снова. Я думаю, мы можем продолжить наш разговор? Итак, чего ты хочешь?

Человек с трудом разжал губы: – Где ты? Почему я тебя не вижу?

– Я всюду... Или ты хочешь видеть меня в чём-нибудь одном?

– Да... Покажись.

– Обернись.

Человек слабо вскрикнул. За его спиной возвышалась огромная фигура, укутанная в чёрный плащ. Лица не было видно, но человек чувствовал на себе пронзительный и страшный взгляд.

– Итак, – произнёс голос, – ты меня видишь. Продолжим наш разговор. Ты решил?

– Я много думал... и теперь могу сказать... Я не хочу.

– Боишься ты? Чего? Что тебе в том, что будет после смерти, живёшь ты на земле и только раз. Так пользуйся же этим! Что знаешь ты в твои года? что ты изведаль? Знаешь ли ты хоть тысячную долю Истины? Познал ли ты все таинства Любви? Изведаль ли ты все наслаждения этого мира? Имел ли ты Богатства и Славу? Иль, может быть, ты уже всё узнал и всё постиг на этом свете и, пресыщенный Счастьем, ты желаешь найти Покой? Что ж ты молчишь? Ответь же?

– Ты прав... Но я уже решил.

– Ты упрям. Но сам подумай... Я дам тебе всего, что ты захочешь: богатству, силу, славу, молодость, любовь. Неужто это мало? А что прошу я от тебя взамен? Пустяк, не более формальности пустой. За что же ты цепляешься? Иль может, думаешь, что в рай душа отправится твоя, когда сойдёшь в могилу? Сомневаюсь. Уже одно, что с чёртом ты говоришь...

– Сгинь прочь! Я не желаю ничего. Свои грехи я замолю. Хотя мне осталось жить немного, но я сумею искупить свою вину пред Богом, в молитвах проведу остаток дней. Уйди.

– Глупец! Но ты ещё подумай. Приду я позже.

– Не приходи!

– Жди меня завтра в тот же час.

.....

– Мистер Фриге, пройдите, пожалуйста, в комнату 13.01. Мистер Фриге!

Харвард Фриге очнулся и, вскочив с места, устремился по коридору. Неужели я заснул, подумал он. Да и, кажется, мне даже снился какой-то странный сон. Кошмар! Впрочем, ничего удивительного, я здесь уже три часа жду своей очереди.

Фриге отыскал нужную дверь и вошёл в небольшой, но уютный кабинет. Напротив окна за столом сидел молодой человек в белоснежном костюме и, видимо, просматривал документы Харварда. Заметив Фриге, он предложил ему сесть и, отложив бумаги, сказал:

– Мистер Харвард Фриге, если не ошибаюсь?.. Очень приятно. Моя фамилия Дженкинс. Я ознакомился с Вашими документами, мистер Фриге, и думаю, что будет лучше сразу Вам сказать, что, к сожалению, мы не можем удовлетворить Вашу просьбу.

– Но почему? – спросил Харвард.

– Видите ли, мистер Фриге... Я думаю, будет полезно, если я вначале расскажу Вам более подробно о... о всех, так сказать, деталях подобных сделок.

– Я знаком с законами о Комплексах Личности.

– Конечно, конечно, мистер Фриге, я только хотел бы остановиться на некоторых частностях. Так, я думаю, мы сможем лучше понимать друг друга. Вы, конечно, знаете, что наша фирма

получила от государства монополию на снятие и использование Комплексов Личности. Вы также, конечно, знаете, что такое Комплекс Личности, и каким образом он используется. Современная наука, мистер Фриге, может творить поистине чудеса! Она создала высокосоввершенный, надёжный и удивительно недорогой искусственный мозг. Почти все современные автоматы снабжены этим мозгом. Он очень удобен, малогабаритен и у него большая ёмкость.

– Мне это известно, – сказал Харвард, – я не понимаю, мистер Дженкинс, зачем Вы читаете мне лекцию?

– Я не сомневаюсь, мистер Фриге, я не сомневаюсь, что Вы это знаете. Я только хотел сказать, что большая ёмкость это ещё не всё. Да, конечно, мы можем вложить в искусственный мозг очень много информации, но этого мало. Совокупность информации не может мыслить, это только отдельные факты, они не связаны воедино сознанием; это своего рода склад сырья, чтобы его переработать в разумные действия, нужен руководитель. Нужно то, что мы называем Комплексом Личности. Вы меня понимаете, мистер Фриге?

– Да, – ответил Харвард. Он понял, что Дженкинс просто изощряется в красноречии, что ему нет до Фриге никакого дела. – Только раньше это называлось, кажется, душою?

Дженкинс поморщился:

– Комплекс Личности, мистер Фриге, Комплекс Личности. В деловом разговоре мы должны придерживаться правильной терминологии, иначе мы можем не понять друг друга.

Но Харвард прекрасно понимал Дженкинса, он уже перестал его слушать, и мысли его были невесёлыми. Он думал о том, что теперь ему снова придётся ждать несколько лет в надежде продать свой Комплекс.

– Но, мистер Фриге, – продолжал воодушевлённо Дженкинс, – Комплекс Личности это чертовски сложная штука. Тут наука пока, увы, бессильна. Чтобы машина обрела Комплекс Личности, нужны годы и годы обучения. Но за это время сама машина морально превратится в хлам, исчезнут и цели, для которых она была создана. Нет, этот способ совершенно не пригоден. И вот тут-то, мистер Фриге, как Вы хорошо знаете, был найден удивительный выход. Ведь Комплекс Личности существует у каждого человека! Надо только взять его готовенький и осторожно переложить в мозг машины.

– Ты уже, наверное, свой Комплекс запродай по высшему классу, – думал Харвард. – За Комплексы хорошо платят. Даже столько, сколько платят за класс Д, мне хватило бы до конца жизни.

– Но мы с Вами, мистер Фриге, конечно, хорошо знаем, что это далеко не так просто. Хуже всего то, что мозг, искусственный или человеческий, всё равно, при снятии с него Комплекса Личности полностью разрушается. Поэтому мы и можем снимать с человека его Комплекс Личности в тот короткий промежуток времени, после его смерти, когда клетки мозга ещё не начали гибнуть. Покупаем Комплекс Личности мы, конечно, при жизни человека. Кроме того, не могут существовать более десяти машин (на Земле, конечно), имеющих один и тот же Комплекс Личности. Казалось бы, Комплексов Личности должно не хватать, ведь машин с искусственным мозгом, даже на Земле, много больше, чем людей, но это не так. Люди, к сожалению, смертны, Комплексы Личности, напротив, могут существовать неограниченно долго, переходя из одной машины в другую. Поэтому как раз наоборот, предложение, если можно так выразиться, опережает спрос, мистер Фриге.

– И поэтому мой Комплекс никому не нужен? – спросил Харвард, заранее зная ответ.

– Ну что Вы, мистер Фриге. Лишь временно мы не нуждаемся в Комплексах Личности Вашего типа. Вы ведь знаете, что для различных машин нужны самые различные Комплексы Личности. Нам нужно, чтобы в Комплексах содержались такие качества, как смелость, решительность, хладнокровие и расчёт, осторожность и т.п. Но для разных машин различные требования. Я думаю, что, возможно, через некоторое время мы сможем купить у Вас Ваш Комплекс Личности. Вы ведь, надеюсь, не собираетесь умирать в ближайшем будущем? – Дженкинс расплылся в улыбке.

– Не собираюсь, – ответил Фриге. – Насколько я понял, Вы никогда не купите мою душу, мистер Дженкинс?

– Комплекс Личности, мистер Фриге, Комплекс Личности...

20. КОГДА МОЖНО НЕ ДУМАТЬ

Ночь была на исходе. Небо ещё оставалось тёмным, но уже утратило свою таинственную и манящую глубину; острые льдинки звёзд притупились и медленно таяли. Город ещё спал. Редкие фонари ещё освещали свои клочки тротуара, и пустынную тишину улиц нарушали лишь неторопливые шаги одного человека.

Клод Смилг не спал в эту ночь, тяжёлые мысли не давали ему покоя. Как всякий человек Эры Предсказываемого Будущего, он знал всё, что будет делать в ближайшие минуты, часы... На ухо настойчиво нащёптывал свои предсказания секундный предсказатель: *...голову вверх, взгляд в небо...* Клод Смилг смотрел себе под ноги, считая бетонные плиты, которыми был покрыт тротуар *...остановка, достань сигареты...* Затем поднял голову и увидел гаснущие звёзды *...зажги зажигалкой сигарету, затянись...* Остановился, не торопясь достал сигареты *...взгляд на Луну...* Закурил, с удовольствием вдыхая ароматный дым *...медленно иди вперёд, глядя вниз...* Кольца дыма поднимались кверху, и казалось, что это тучи закрывают Луну *...без изменения...* Клод Смилг двинулся дальше, продолжая счёт тротуарных плит.

Он знал своё ближайшее будущее... ближайшее... А разве у него будет какое-нибудь другое будущее? Нет, ни один предсказатель не предскажет ему, что он будет делать через день, через месяц, через год... Не потому, что нет многодневных или многолетних предсказателей, а потому, что они не предсказывают будущее... труп.

Да, Клод Смилг, служащий рекламного агентства, возраста сорока лет, сегодня должен умереть. Это произойдёт в восемь часов двадцать минут на пятнадцатом километре Западного шоссе в результате автомобильной катастрофы. Это произойдёт обязательно, это неизбежно как заход солнца.

Предсказатели не ошибаются, за последние сорок лет не было ни одной ошибки. Все предсказания, даже долгосрочные, сбываются с поразительной точностью. Почему? Ведь могут же они, например, сломаться, или ещё какой-нибудь непредвиденный фактор. Почему же они не ошибаются? Этого никто не знал. Нет, конечно, все уверены в исключительном техническом совершенстве, но... в этом не уверены их создатели. Клод знал, что не существует объяснения этой фантастической надёжности предсказателей, учёные всё ещё ломают над этим голову.

Как и все люди, Клод Смиг с самого рождения пользовался предсказателями. Они были первой необходимостью, как пища, как воздух. Клод не помнил ни одного дня, часа, минуты, когда он обходился бы без предсказателя, исключая, разумеется, время сна. Особенно большое значение имели секундные предсказатели, предсказывавшие действия человека за несколько секунд до их совершения. Пользование ими было столь же естественно и необходимо, как дыхание.

Клод иногда задумывался, что бы произошло, если бы вдруг исчезли все предсказатели. Люди бы не знали своего будущего, они не знали бы, что их ожидает в ближайшие дни, часы, даже минуты: радость или горе, счастье или смерть. Никто не знал бы, что ему нужно делать, – разве возможно самому принимать решения по тысячам, миллионам дел! И стоит ли вообще что-то делать, к чему-то стремиться, если, быть может, через час тебя уже не будет в живых. Ежесекундно человеку приходилось бы делать выбор между тысячами возможностей, даже не зная, что его ждёт при том или ином выборе.

Клод Смиг содрогался при мысли о такой жизни, в эту минуту ему всегда приходили в голову чьи-то слова: «Человек, не знающий своего будущего, подобен кораблю, плывущему среди острых скал и неожиданно потерявшему управление. Неминуемая гибель грозит ему». Конечно, Клод знал, что предсказатели существовали не вечно, что было время, когда о них и не мечтали. Но он знал также, что это было время кровавых войн и национальных распрей, время нищеты и голода, время, когда люди не были уверены в завтрашнем дне.

Предсказатели принесли человечеству покой и счастливую жизнь. Каждый человек мог спокойно жить, ибо он знал, что его ждёт завтра такая же радостная жизнь. Каждый жил так всю жизнь, пока не приходило время... умирать, умирать, зная об этом заранее. Теперь должен умереть Клод Смиг, должен... Но ведь ему только сорок лет! Почему он должен умереть? Зачем? Неужели нельзя что-нибудь сделать? Он хорошо знал ответы на эти вопросы, но продолжал задавать их себе вновь и вновь...

Тем временем стало уже совсем светло. Фонари погасли, на улицах появились первые прохожие. День начинался, по голубому, совершенно безоблачному небу поднимались первые лучи солнца. Погода сегодня будет хорошая, – подумал Смиг, – может быть, только к вечеру дождь. Впрочем, мне уже всё равно.

Это может показаться странным, но предсказатели не могли предсказывать погоду. Все они предсказывали лишь действия человека. Разумеется, при этом предсказывалось и кое-что другое, но гораздо менее точно. Собственно, выражение «менее точно» вряд ли здесь подходит, просто предсказания на длительные сроки были более общими, неконкретными, мелкие детали они не искажали, а просто ничего не говорили о них.

В точности следуя секундному предсказателю, Клод Смиг взял автоматическое такси и поехал по Западному шоссе. В точном соответствии с предсказанием на пятнадцатом километре он решил остановить машину и выйти из неё на шоссе. Теперь он стоял около машины, придерживаясь за открытую дверцу. Катастрофа должна была произойти через пять минут. Автомашина, голубой «Форд», под колёсами которой должен умереть Клод Смиг, должна была выехать из-за ближайшего поворота со скоростью 100 км/час. Часть шоссе за поворотом видно не было, так как со всех сторон дорогу окружал довольно густой лес.

Всё время Клод Смиг был спокоен, но чем ближе приближалась последняя минута его жизни, тем более и более мрачными становились его мысли, и вдруг теперь, когда он понял, что всё уже кончено, им овладело бешенство. Мысли одна за другой проносились в его мозгу, смешивались в один трепещущий, негодующий клубок. Он ненавидел предсказатели, ему казалось, что он ненавидел их уже давно. Это они, они хотят погубить его, они нарочно толкают его под машину, предсказывая смерть! Они хотят его смерти и ведут к ней словно щенка на поводке. На поводке!

Теперь он понял, понял, в чём причина фантастической точности предсказателей. Они не предсказывают будущего, они навязывают, продиکتуют его человеку. Ведь люди верят предсказателям и делают то, что они предсказывают, потому что их предсказания всегда сбываются, но ведь они и сбываются потому, что люди их выполняют. Ведь он делал все, что они предсказывали, всё! Ну, нет! Он не собирается умирать.

Клод сорвал с виска пластинку секундного предсказателя и забросил её далеко в кусты. Наступила звенящая, страшная тишина. Клод Смиг больше не слышал неторопливый, повелительный голос предсказателя, не слышал первый раз в жизни! И ему стало страшно, тысячи опасностей, казалось, подстерегали его, и он не знал, откуда ждать нападения. Он будто ослеп! Ослеп, стоя на краю пропасти. «Человек, не знающий своего будущего, подобен кораблю,

плывущему среди острых скал и неожиданно потерявшему управление. Неминуемая гибель грозит ему».

В приступе страха Клод бросился в лес, лихорадочно шаря по земле руками, продираясь сквозь колючие кусты, не замечая ни царапин, ни ударов ветвей, он искал предсказатель. На шоссе послышался шум мотора, Клод Смиг оглянулся и увидел, как мимо его машины стремительно пронёсся голубой «Форд».

Смиг тяжело опустился на землю. Рядом с ним блеснул выброшенный предсказатель. Клод поднял его, повертел в руках, прислонил к виску. Предсказатель молчал. Клод постучал по нему ногтем, сильнее прижал к виску. Предсказатель молчал. И вдруг Смиг засмеялся, положив предсказатель на ладонь, он смотрел на него и кричал, захлебываясь от смеха: ... молчит! ...ха-ха-ха... молчит! ...ну, конечно, он должен молчать... ведь я же уже умер... ха-ха-ха... ведь я же покойник...

Неожиданно Клод замолчал, прислушался... Ему послышался какой-то шорох... Нет, это был не предсказатель. Шелестела листва, в траве стрекотали кузнечики... Какое-то радостное чувство вдруг завладело всем его существом, ему страстно захотелось жить. Жизнь наполнилась какой-то таинственностью, она вдруг представилась ему безумно интересной, полной неожиданностей и чудес.

Клод поднялся, вышел на шоссе и как можно быстрее зашагал к городу. У него было мало времени, Клод Смиг торопился жить заново.

И. Бурдонов

А. Гусев

21. ИГРА

Это была очень увлекательная игра, я никогда раньше не слышал о ней. На большом поле, испещрённом квадратами, кружками, извивающимися линиями, какими-то особыми знаками и символами, размещались бесчисленные яркие разноцветные фишки. Бросались кости, разыгрывались ходы, металлические колечки, заменявшие деньги, непрерывно перемещались от игрока к игроку...

Правила игры были чрезвычайно сложные, разветвлённые, со многими исключениями, оговорками и особыми случаями, позволявшими создавать очень интересные ситуации на игровом поле. И вся эта система была разработана с необыкновенной тщательностью, до самых мельчайших деталей и, удивительное дело, правила запоминались безо всяких усилий, почти сразу, казались вполне естественными, так что я научился играть уже через пять минут после того, как сел за стол.

Партнёры оказались людьми очень милыми и приветливыми, они не обижались и не грызли ногти, когда проигрывали, и не кричали, не размахивали руками, когда судьба улыбалась им. Но играли с увлечением, даже с азартом, ни на секунду не отвлекаясь от игрового поля, искренне радуясь удачам и огорчаясь поражениям. Играть с ними было одно наслаждение!

Едва я сделал несколько первых ходов, как у меня возникло такое ощущение, как будто игровая ситуация мне уже знакома. Нет, никогда раньше я не играл даже в похожую игру, но что-то неуловимое в расположении фишек напоминало мне о чём-то хорошо известном, даже будничном. Я никак не мог понять, в чём дело, но сразу же стал играть уверенно, ни разу не взглянув на таблицу правил, словно всю жизнь только тем и занимался, что играл в эту удивительную игру.

22. стишки И снова мысли толпой суетливой...

... И снова мысли толпой суетливой
толкнутся у моего порога.
И барабанят в дверь,
и кричат сквозь стекло,
что пора начинать день.

А самая главная мысль
спокойно стоит в стороне
и смотрит
через плечо.

И я открываю дверь
и сажусь на высокую табуретку,
словно кассир в банке.

И мысли выстраиваются в длинную очередь,
и очередь извивается...

А я думаю мысли,
одну за другой
и выдаю сдачу
стёртыми пятаками дел.

А самая главная мысль
спокойно сидит в стороне
за моею спиной
на стуле.

И мне хочется подойти
к ней и сказать:
«Давайте я Вас подумаю вне очереди».

А она усмехается и говорит:
«У тебя не хватит сдачи».

И я возвращаюсь
на свою высокую табуретку,
потому что мысли –
много разных мыслей, которые стоят в очереди, –
уже начинают кричать и скандалить.

И я думаю мысли,
одну за другой
и выдаю сдачу
стёртыми пятаками дел.

23. УЛИЦА, НА КОТОРОЙ РАСТУТ КАШТАНЫ

В переполненном автобусе толкались, смеялись, спорили; у кассы толпились в ожидании мелочи; то и дело меня дёргали за рукав, просили передать деньги или билет; кто-то всё время пытался пробиться к выходу, отчаянно работая локтями:

Суэта... Как это похоже на всю нашу жизнь – вечная суэта. Кто-то усердно лезет вперёд, кто-то уютно устроился на мягком сидении и замер, наслаждаясь покоем, кто-то висит на подножке, рискуя свалиться, кого-то толкают в разные стороны словно мячик. Ибо все мы пассажиры в переполненном автобусе, который зовётся жизнью. Каждый входит в него на одной остановке и выходит на другой, ему нет дела до случайных попутчиков, у него свои дела и свои мысли, он спешит, проклиная тесноту и час «пик».

Мне понравилось это сравнение и захотелось поразмышлять над ним в одиночестве. Я вышел на три остановки раньше и решил пройти пешком. Вечер был тёплый, сухой и пустынный. Мне нравятся такие вечера, я люблю бродить по тихим улицам, согреваемым слабым и неровным светом жёлтых фонарей, прислушиваясь к звуку своих шагов, к неторопливому разговору мыслей, разглядывая случайные воспоминания...

Вдоль улицы росли высокие каштаны. Их широкие кроны закрывали звёзды, и казалось, что самые верхние листья, освещённые светом фонаря, касаются небесного свода, чёрного и тёплого как августовская ночь. Можно влезть на дерево и погладить рукой его поверхность, приятную как замша.

По одной стороне улицы за низкой изгородью тянулись фруктовые сады. В глубине каждого сада стоял двухэтажный каменный особняк, сквозь листву мелькал свет из маленьких окон. На другой стороне улицы дома подходили вплотную к тротуару, но стояли редко, отделённые друг от друга зарослями сирени или черёмухи. Изредка попадались небольшие провинциального типа кабачки. Выбор закуски и напитков в них был довольно скудный, но всегда можно было поесть досыта, посидеть в тишине за стаканом неизменного красного чуть кисловатого вина или за кружкой пива, вздремнуть или поболтать с приятелем.

Я заметил этого человека только тогда, когда он меня окликнул. Он окликнул меня по имени, как старого знакомого, а, тем не менее, я видел его впервые. Он был низкого роста, кругленький с короткими руками, засунутыми в карманы осеннего пальто.

Он подошёл ко мне, улыбаясь приятной улыбкой, и протянул руку.

– Здравствуй, Гарри! – сказал он. – Вот мы с тобой и встретились. Ты рад?

Я неуверенно пожал его пухлую мягкую ладонь и спросил, откуда он меня знает, и как его зовут, ведь я никогда раньше его не видел. Он улыбнулся как-то странно: ласково и успокаивающе, взял меня под руку и мы медленно пошли по тротуару.

– Видишь ли, Гарри, ты и не мог меня видеть раньше. Человек встречается меня только один раз. Я как душа, ведь она у человека одна. Или как рождение – согласишься, человек не может родиться дважды. Или...

– Или как смерть... – произнёс я и удивился своим словам.

– Да ведь я и есть Смерть, Гарри. Разве ты не знаешь?

Действительно, подумал я, надо было догадаться сразу. Конечно, он и есть Смерть. Кем же ему ещё быть?

– Выходит, я должен умереть? – спросил я.

– Правильно! – кругленький человек шутливо ткнул меня в бок. – Может быть, ты не хочешь? А? – он весело засмеялся.

– Мне не приходилось думать над этим. И потом... я не знаю, как это делается.

– Это очень просто! Каждый легко может умереть. Я сейчас тебе всё объясню. Только давай зайдём вон в тот кабачок. У него смешное название, правда? «Двум смертям не бывать, а одной не миновать».

– Странно, я не помню, чтобы здесь был такой кабачок.

– Ты просто не обращал внимания, Гарри. Ведь если что-нибудь видишь каждый день, то перестаёшь обращать внимание, верно?

– Это правильно.

Мы зашли в кабачок и сели за столик в углу. Кроме нас в кабачке сидели ещё двое рабочих, дымивших папиросами, и какой-то старик, в задумчивости потягивал пиво.

Смерть заказал бутылку молдавского вина и объявил, что сегодня платит он. Когда принесли вино и закуску, он налил по полным стаканам и предложил тост за моё здоровье. Мне показалось это очень смешным: в самом деле, что может быть нелепее пить за своё здоровье со Смертью?!

– А почему же не выпить? – изумился Смерть. – Я ведь отнимаю у тебя не здоровье, а только жизнь!

А ведь и, правда, подумал я, как это мне раньше не приходило в голову. Конечно же, здоровье останется при мне. А с другой стороны, зачем мне здоровье, если я уже не буду жить?

– Э-э, Гарри, откуда ты можешь знать, что будешь делать, когда умрёшь?

– А что же я, по-твоему, буду делать? Меня просто не будет.

– А вот и нет! – Смерть радостно потёр руки. – Вот ты и ошибаешься! Умереть – это значит перестать жить, понимаешь?

– Понимаю. Но ведь это и означает, что меня не будет.

– Ну и неправильно! – Смерть расплылся в улыбке. – Я тебе всё объясню. Ведь что такое жизнь? Это когда каждый день происходит что-нибудь новое. Не существует двух абсолютно похожих дней в жизни! Всё время происходят какие-то события, которых раньше не было, даже если ты их не замечаешь. Ведь так?

– Это ясно, – согласился я.

– Вот видишь! Значит, когда человек умирает, то есть просто-напросто перестаёт жить, то это означает только, что отныне ничего не меняется. Все дни совершенно похожи один на другой. Никаких новых событий!

– Ты хочешь сказать, что человек, который умер, продолжает жить, но только очень спокойной жизнью?

– Можно и так сказать. Только ведь это уже не жизнь, Гарри, когда ничего не меняется. Умереть – это обрести покой. А разве наша жизнь не полная противоположность покою? Наша жизнь – это суэта. Ибо все мы пассажиры в переполненном автобусе.

– Тебе тоже приходило в голову это сравнение?

– Оно пришло в голову тебе, Гарри. И это ты вышел на остановке автобуса. Это был сигнал, понимаешь? Ты подал мне знак, и я пришёл.

– Но я не звал тебя.

– Ты захотел покоя, и я принёс его. Бери, если не раздумал.

– Где же он?

– Там, – Смерть неопределённо махнул рукой в сторону улицы.
– Как выйдешь, сразу увидишь.

– Я только пойду посмотрю. И тут же вернусь.

Я вышел на улицу. Там ничего не было. Жёлтые фонари, высокие каштаны и тёплый асфальт под ногами. И больше ничего. Никакого покоя.

Значит, Смерть обманул меня? Я вернулся в кабачок, но там уже никого не было, и я снова вышел на улицу. Сделал несколько шагов по тротуару и... не смог остановиться. Что-то неодолимо влекло меня вперёд, хотелось идти и идти мимо зелёных каштанов, мимо каменных двухэтажных домов, мимо жёлтых фонарей всё дальше и дальше... прислушиваясь к звуку своих шагов, к неторопливому разговору мыслей, разглядывая случайные воспоминания...

Лёгкий ветерок потревожил сонные листья, они задрожали и тихий шорох, словно шёпот, пролетел в воздухе. «Прощай, Гарри. Прощай». Или мне послышалось?

примерно 1967-ой год

24. СОН

Сегодня ночью мне приснился сон.

Я стоял в небольшой комнате с гладкими серыми стенами без окон. Не помню, чтобы была какая-нибудь мебель. Во всяком случае, было довольно просторно, хотя, кроме меня, там находилось ещё несколько человек. Эти люди были мне незнакомы, они стояли в стороне от меня тесной группой и о чём-то переговаривались. Сейчас мне почему-то кажется, что они были бородаты, хотя не только стариками, но даже пожилыми людьми их нельзя было назвать. Всё-таки люди эти были старше меня. Впрочем, я, кажется, совершенно напрасно пытаюсь описать внешность этих людей, тогда как дело вовсе не в ней. Может быть даже, у них не было никакой определённой внешности; недаром же их было несколько – каждый имел какую-то отдельную черту, всё остальное было неважно, а вместе они составляли некий образ, который не только описать, но и представить в виде отдельного человека никак нельзя.

А дело заключалось в том положении, которое эти люди занимали по отношению ко мне. Если бы они занимали такое же положение по отношению к кому-нибудь другому, то, может быть, у них была бы совсем другая внешность. Каждому, вероятно, хотелось бы иметь таких людей, и, вероятно, ни у кого таких людей быть не может. Разве что во сне. Люди эти определяются двумя свойствами. Во-первых, они всё про вас знают. Я имею в виду не вашу биографию, семейное положение, или образ жизни, хотя это им тоже известно. Но они знают гораздо больше: ваши мысли, ваши мечты, тайные желания, и даже менее чем желания. Всё это они знают и во всём хорошо разбираются, пожалуй, даже лучше вас. От вас они отличаются своим вторым свойством: умением всё чудесно устроить, исполнить ваши желания и даже менее чем желания. Особенно хорошо им удаётся исполнение тех ваших желаний, о которых вы даже не подозреваете, которые вы скрываете от самих себя, и которые исполняются только во сне. Это вовсе не значит, что вы что-то приказываете этим людям, и они тотчас же исполняют словно слуги. Совсем наоборот, они действуют совершенно самостоятельно, потому что лучше вас во всём разбираются. Всё происходит независимо от вас и помимо вашей воли, навязывается вам извне, и, тем не менее, всё происходит так, как бы вам хотелось, втайне хотелось.

Дверь открылась и в комнату вошла девушка. На ней было платье, короткое серое платье, плотно облегающее фигуру. Кажется,

воротник платья был отделан гладким и мягким мехом коричневого цвета, но, может быть, этого и не было. У неё были волосы, я не помню, какие у неё были волосы, но, мне кажется, они должны были быть не длинные, хотя и не очень короткие, скорее тёмные, чем светлые, и уложенные в несложную, но эффектную причёску. На ногах – туфли, да, на ногах должны были быть туфли, наверное, были даже чулки, скорее всего, капроновые, но это я уже не могу утверждать наверняка. Была ли девушка красива? Я бы сказал, что да.

Девушка посмотрела на меня. Все посмотрели на меня. Никто не сказал ни слова. Я молча вышел вместе с девушкой в длинный серый коридор. Мы пошли по длинному серому коридору, а люди, те люди, о которых я уже писал, стояли в дверях и смотрели, пока мы не скрылись за углом.

Здесь я должен остановиться и сделать некоторые пояснения. Очень трудно описывать сон, боюсь, мне это плохо удаётся. Ведь главное во сне – это тот особый настрой чувств, то особое восприятие происходящего, которое бодрствующему человеку припомнить уже очень трудно. Но нельзя же писать во сне! Приходится длинными разъяснениями передавать мгновенные движения души. Я написал, что никто не произнёс ни слова. Это верно. Однако когда вошла девушка, я знал всё, что нужно. Вот так совершенно необъяснимо до того, как открылась дверь, я пребывал в полном неведении, хотя, быть может, и догадывался о чём-нибудь, а после уже всё знал. Смысл этих новых знаний сводился к следующему: я должен был любить девушку, которая вошла в комнату. Точнее, мы должны были любить друг друга, но с её стороны это подразумевалось само собой. Надо было сказать с самого начала, что я эту девушку видел в первый раз, однако, подозреваю, что она меня знала лучше. Вообще, во всей этой истории есть одно странное обстоятельство: на протяжении всего сна я ни разу не принимал какого-либо решения, более того, у меня ни разу не возникало никаких мыслей, кроме разве что автоматической констатации всего происходящего. К чувствам, однако, это не относится. Такая своеобразная пассивность объясняется, видимо, наличием тех людей, о которых я писал, что они исполняют мои желания так, как мне бы хотелось. Впрочем, в дальнейшем эти люди уже не участвовали в событиях явно.

Девушка остановилась. Она остановилась сразу и повернулась ко мне. Она остановилась так сразу, что я, продолжая двигаться, подошёл близко к ней, слишком близко. Зачем стоять так близко? Это неудобно, неудобно разговаривать, неудобно двигаться, даже неудобно дышать. Девушка не отстранилась, её глаза искали мои, её

тело коснулось меня, едва коснулось. Меня охватил страх, и даже не страх, а робость, и даже не робость, а боязнь. Боязнь близости. Мне захотелось убежать, убежать и остаться одному, одному, когда тебя никто не любит, так привычнее.

Кто-то засмеялся, заговорили голоса, захлопали двери, зашагали ноги. В коридоре стало много людей. Девушка разочарованно отодвинулась, и мы пошли дальше. У неё была красивая походка. Но я не смог бы её описать: я не помню движений её ног и бёдер.

Мы спустились в нижние этажи. Здесь были мрачные и массивные стены. Девушка коснулась моего плеча, я обернулся, и наши лица оказались рядом. Мне было неловко стоять так, полуобернувшись. Мне было неловко с девушкой, потому что в этом сне мы были друг для друга. И я не мог просто уйти, и мы не могли быть просто знакомыми или даже чужими.

На нижних этажах тоже ходили люди, и мы снова поднимались выше. Я и девушка должны были любить друг друга. Почему? Ну, разве можно задавать такие вопросы! Ведь это сон. Надо и всё... Таковы правила, и мы ни разу не думали об этом. Это странное чувство, когда рядом девушка, и ты знаешь: стоит вам остаться наедине, и ты будешь любить её, и она будет любить тебя. А пока мы не знакомы, и нам неловко друг с другом. Но уже известно заранее, что мы будем любить друг друга. Надо только остаться наедине, и мы ищем укромное место и облегчённо и разочарованно вздыхаем, когда появляются люди. И мы бродим по этажам, заходим в пустующие, но тут же заполняющиеся людьми, комнаты, поднимаемся по узким лестницам. И везде много народу: прогуливаются старые люди, играют ребятишки, хозяйки развешивают бельё на верёвках, протянутых через огромные залы, и старушки на скамейках провожают нас взглядом. Но разве можно найти укромное место в этом огромном и однообразном доме? Все его этажи заполнены до отказа людьми и вещами, и нам нигде не скрыться от их глаз.

Мы заворачиваем за угол и, устало прислонившись к стене, смотрим в глаза друг друга. О, это удивительное, радостное и тревожное, робкое и дерзкое, пугающее и притягивающее чувство, когда глаза девушки открылись для меня, когда я вижу в них себя! Кто-то засмеялся, заговорили голоса, захлопали двери, зашагали ноги: стало много людей.

И мы идём дальше. Мы уже устали. Я бы не сказал, что теперь я пассивен, что только девушка ведёт меня за собой. Мы идём вместе, но мы устали. Странно, что в начале пути мы шли по длинным, серым, гулким и пустым коридорам, которые лишь в последний момент мгновенно заполнялись людьми, а здесь, на самом верхнем этаже, мы едва пробираемся в толпе людей и вещей. И держимся за руки, чтобы не потерять друг друга.

Вдруг видим отвесную железную лестницу, заржавленную лестницу, ведущую на чердак. Голые, крепкие, пружинистые и стремительные ноги девушки – так и хочется ухватить их и успокоить. Но они быстро-быстро мелькают по ступеням лестницы, и я едва поспеваю за ними. И вот мы наверху. Лишь узкий кружок вокруг люка освещён слабым светом, идущим снизу. Вокруг чернота. Почему это одежда девушки так износилась? Разве мы долго шли? Как будто не очень, не больше суток. Но где же тогда туфли и капроновые чулки? Серое платье стало ещё короче, с его краёв свисают лоскутки материи, воротник как будто никогда и не был отделан мехом. Эффектной причёски тоже нет, волосы растрепались, и запутанные прядки дрожат на ресницах.

Наши глаза уже привыкли к темноте. Мы видим, что по всему чердаку в беспорядке расставлены большие и маленькие поленицы дров. Осторожно проходя между ними, я и девушка идём в дальний угол чердака. Неожиданно на наши лица падает луч света. Сквозь щель в крыше видно солнце и кусочек неба. Это поразительно! Значит, вне этого огромного, тесного и однообразного дома тоже кое-что есть! Но мы устали. Мы находим большую кучу прошлогоднего сена и обессиленные падаем на неё. На чердаке прохладно, и мы, тесно прижавшись, согреваем друг друга. Засыпая, я касаюсь губами её обнажённого плеча.

Просыпаемся мы одновременно, но не встаём, а, немного смущённые, притворяемся спящими, сильнее обнимая друг друга. Мы любим друг друга – так и должно было быть. Вдруг слышится топот ног и голоса людей. Мы видим, как из люка поднимаются люди. Их становится всё больше и больше. Им уже тесно в узком кругу света вокруг люка, а по лестнице торопливо поднимаются ещё и ещё. Какая-то маленькая девочка, смеясь, показывает в нашу сторону и кричит звонким голоском: «Вот они! Вот они, смотрите!» Но люди не видят нас, их глаза ещё не привыкли к темноте. Мы пользуемся этим и, бесшумно передвигаясь, добираемся до того места, где вчера видели луч солнца из щели. Мы снова видим эту щель – это дверца на крышу неплотно закрыта. Мы открываем её и, выбравшись наверх,

закрываем за собой снова. Теперь мы в безопасности: люди не могут выйти из этого дома. Почему? Я не знаю.

А мы сидим на крыше, прислонившись спинами к трубе и вытянув ноги. И видим не только солнце, но и небо, и облака... Сначала мне кажется, что крыша двускатная, но на такой крыше неудобно сидеть, и она становится плоской. Да, но где же тогда будет чердак? Всё-таки, крыша, наверное, двускатная. Просыпающийся разум вносит свои коррективы в конец сна. Снова шумит поток, смывая неповторимое очарование сна, и сон забыт, и я снова один.

комментарий тридцать лет спустя

Лейтмотив этого сна, помимо очевидного эротического мотива, малоинтересного просто потому, что такой мотив присутствует в любом сне, как буквы алфавита присутствуют в любом тексте, а фонемы присутствуют в любой речи, – лейтмотив этого сна заключается в том, что он серый. Не чёрно-белый и не цветной. Точнее, цвета в этом сне присутствуют, например, мех на платье девушки как будто коричневого цвета, но эти цвета словно приглушены серой дымкой. Это не та дымка, которая бывает на китайских картинах, когда цвета не яркие, но прозрачные и влажные, как будто краска ещё не высохла. Да и откуда взяться такой дымке внутри здания? Пожалуй, только цвет неба, солнца и облаков в конце сна лишён этого серого налёта. Но ведь конец сна совпадает с пробуждением. Не началось ли пробуждение раньше, ещё до того, как мы выбрались на крышу? А может быть, ещё раньше, когда закончился сон во сне? И все эти люди, поднимающиеся на чердак, и эта маленькая девочка, которая кричала «Вот они!», – всё это тоже придумало пробуждающееся сознание? А не был ли весь сон целиком, с самого начала придуман в момент пробуждения?

Запись сна осуществлена в конце 1967 года и все эти тридцать лет я не могу ответить на простой вопрос: что же на самом деле было в этом сне? Когда я пытаюсь вспомнить сон, я вспоминаю только запись сна. Но вот что странно: через четыре года после сна, в августе 1971 года, я попытался переделать запись. То, что называется литературной обработкой. А вот теперь ясно вижу: ничего переделать не удалось. Первоначальная запись кажется безусловно достоверней, даже литературно она лучше. Это тем более странно, что запись содержит размышления и пояснения, явно придуманные после сна. А, тем не менее, такое чувство, что они составляют часть самого сна. Как

будто во сне я пытался рационально анализировать сам сон. Как будто рационализирование сна – это и есть сам сон. Не от того ли этот серый налёт? И что скрывалось за этой дымкой рассудка? И скрывалось ли что-нибудь? Или не скрывалось ничего, и рассудок лишь констатировал происходящее, не способный управлять событиями, как будто ими управлял кто-то другой?

1967-1997

25. НИКТО НЕ ВИДЕЛ МАРСИАН

1. МАРСИАНЕ (1)
2. МАРСИАНЕ (2)
3. *МАРСИАНЕ (3)*
4. *НИКТО НЕ ВИДЕЛ МАРСИАН*

1. МАРСИАНЕ (1)

Раннее марсианское утро. Млечный путь ещё дымится лохмотьями пылевых облаков – словно след автоматной очереди, пробившей чёрное небо. Солнца нет, и даже трудно определить в каком направлении оно находится – близкий горизонт со всех сторон горит ровным изумрудным пламенем. Это светится радиоактивный песок. Редкие вспышки далёких атомных взрывов бросают кровавые тени на полированную броню гравитанков, в строгом продуманном порядке застывших на подступах к базе, на приземистые купола энергостанций, на чёрные дула узконаправленных антенн космической связи.

Генерал 4-ой танковой армии Джеймс Хэнк один наблюдал эту картину из окна смотровой башни. Он стоял почти вплотную к стеклу, заложив руки за спину и мерно покачиваясь на носках. Генерал прибыл на базу, где размещался Главный Штаб, ещё вчера вечером по личному приказу Главнокомандующего, но встреча была отложена до утра.

В ожидании вызова Хэнк размышлял о предстоящем разговоре. Приказ немедленно явиться в Штаб был для него неожиданностью: за последние несколько месяцев 4-ая танковая армия не имела ни серьёзных поражений, ни серьёзных побед. И хотя говорить о какой-либо стабилизации положения даже на отдельном боевом участке в условиях современной большой войны, какой и была Марсианская Война, не имеет смысла, всё же в районе действий армии генерала Хэнка установилось своеобразное динамичное равновесие. Сражения происходили почти непрерывно, однако ни одна из сторон не могла добиться хоть сколько-нибудь существенного преимущества.

Впрочем, генерал никогда особенно и не стремился к крупным успехам. Сам себе он мог бы даже признаться, что избегал их так же как избегал крупных неудач. Значительная военная победа, если имеешь дело с равным противником, – это всегда рискованное и даже немного авантюрное предприятие. А генерал любил действовать наверняка – он никогда не рисковал. За десять лет службы в действующей армии Соединённых Штатов Америки Джеймс Хэнк нашёл для себя наиболее подходящую тактику – он играл вничью.

– Генерал Хэнк, Вас вызывает Главнокомандующий. Генерал Хэнк, Вас вызывает...

Хэнк переключил тумблер внутренней связи в положение «сигнал принят» и направился к лифтам. Главный штаб находился глубоко под поверхностью Марса, и прошло десять минут, прежде чем массивная герметическая дверь опустилась за спиной у генерала, вошедшего в кабинет Главнокомандующего.

– Господин Главнокомандующий! Генерал Хэнк по Вашему приказанию прибыл! – отчеканил Хэнк и только тогда увидел Главнокомандующего. Он лежал в большом кресле, ноги его были укрыты пледом, мундир расстёгнут, седая голова поддерживалась двумя подушками, руки распластались на подлокотниках. Он был стар и болен.

Он стар и болен, подумал Хэнк, ему давно пора на Землю, но он не может туда лететь именно потому, что стар и болен – ему не выдержать перегрузки при взлёте.

Главнокомандующий указал Хэнку на кресло напротив себя и нажал кнопку звонка. Вошёл офицер.

– Стакан бургундского и виски для генерала! Вы ведь любите виски, генерал?

Хэнк удивлённо вскинул брови – откуда Главнокомандующий это знает:

– Да, сэр. Благодарю.

– А как Вам нравится наша война? Что Вы думаете о ней, Хэнк?

– Наши войска достигли определённых успехов...

– Если Вы говорите, что мы достигли определённых успехов, значит, думаете, что мы не продвинулись ни на шаг. Мне Вы можете говорить то, что думаете, генерал.

К чему это он клонит, думал Хэнк. Начало, во всяком случае, не предвещало ничего хорошего.

– Вы ведь были недавно на Земле, генерал?

– Да, сэр.

– Вы должны знать, что значит эта война для Америки... А вот и бургундское! Ваше виски, генерал... Вы ведь пьёте неразбавленное?

– Да, Благодарю Вас, господин Главнокомандующий.

– Не за что. Вы должны знать генерал, что только прямые расходы на войну составляют 60% годового бюджета Соединённых Штатов. Половина всей промышленности занята производством оружия и военного снаряжения. Университеты вытеснены военными

академиями. Печать, радио, телевидение, кино – всё работает на войну.

Тридцать лет взоры всех американцев устремлены на Марс, тридцать лет наша нация воюет с марсианами, тридцать лет у Америки одна великая цель – Марсианская Война. Война, война, война... – тридцать лет Америка живёт войной. Известно ли Вам это, генерал?

– Да, сэр. Разумеется, мне это известно...

– Так какого же чёрта ваша 4-ая танковая армия только и делает, что передвигается с места на место безо всякой пользы?!

– Да, но господин Главнокомандующий! Мы ведём непрерывные бои. Потери противника составляют...

– Не пытайтесь ввести меня в заблуждение, генерал. Что толку, что вы непрерывно палите из всех пушек? Потери марсиан ничуть не больше ваших потерь. Как, по-вашему, можно рассчитывать на победу, если всё время играть вничью?!

Так вот в чём дело, подумал Хэнк, видно с Земли пришло распоряжение о тотальном наступлении. Значит, скоро развернутся большие события...

– Господин Главнокомандующий, я жду дальнейших приказаний.

– Это хорошо, Хэнк, это хорошо... – дрожащей рукой Главнокомандующий взял бокал с бургундским, отпил маленький глоток и устало откинулся на спинку кресла. Голова его свесилась набок. Ещё секунду назад напряжённый и взволнованный он как-то сразу обмяк, опустился глубже в кресло и закрыл глаза.

Он стар и болен, снова подумал Хэнк. Похоже на то, что скоро у нас будет новый Главнокомандующий.

– Генерал Хэнк, я вызвал Вас сюда для того, чтобы сообщить следующее: с завтрашнего дня Вы назначаетесь Главнокомандующим американскими вооружёнными силами на Марсе. Не будем терять времени – я должен успеть сдать Вам дела.

.....

..

Горизонт придавлен тяжёлыми валунами песчаных туч. В красном небе – аккуратное отверстие неяркого солнца. Красное небо, красное солнце, красные пески... словно в красном тумане несутся белые призраки – целая дивизия гравитанков. На пороге слышимости

в тревожном ритме напряжённо гудит и вибрирует до предела натянутая струна – это работают антигравитационные двигатели. Беспокойно вращаются целеискатели, стремительно скачут в счётчиках километры. Впереди – бой.

2. МАРСИАНЕ (2)

~~Раннее марсианское утро. Ранняя марсианская ночь. Млечный путь ещё дымится лохмотьями пылевых~~ Млечный путь уже дымится тонкими струйками пылевых облаков – словно след автоматной очереди, пробившей чёрное небо. ~~Солнца нет, и даже трудно~~ Солнце только что зашло, но уже трудно определить, в каком направлении оно находится – близкий горизонт со всех сторон горит ровным изумрудным пламенем. Это светится радиоактивный песок. Редкие вспышки далёких атомных взрывов бросают кровавые тени на полированную броню гравитанков, в строгом, продуманном порядке застывших на подступах к базе, на приземистые купола энергостанций, на чёрные дула узконаправленных антенн космической связи.

– Что ты сказал? – я оторвал взгляд от окна и повернулся к Милнору.

– Какой ужас, Джо! Боже мой, какой ужас!

– О чём это ты?

– Джо, посмотри, что мне пишет Вильямс. Ты ведь знаешь Вильямса?

Милнор протянул мне письмо. Он так разволновался, что расплескал полбутылки виски, пока наливал себе в рюмку.

– Брэд Вильямс, он учился с нами в одной школе, но в старшем классе. Он сейчас тоже здесь – где-то в южном полушарии. Посмотри, что он пишет, Джо, ведь это ужасно...

Вильямс писал о каком-то сражении, когда погиб целый батальон и только ему одному чудом удалось спасти. Обычная история на войне, но Милнору всё это, конечно, в новинку. С Эдом Милнором мы давние приятели – ещё со школы. Мы не виделись три года и вот встретились вновь здесь, на Марсе.

– Что поделаешь, Эд, – война. На войне случается и убивают.

– Нет, нет, всё равно это ужасно. На Земле нам говорили... Джо, ты видел марсианина?

Я пожал плечами: ты же знаешь, их никто никогда не видел.

– Да, да, конечно... Я только подумал, как странно – вот мы воюем с ними уже десять лет и ни разу не видели ни одного живого марсианина.

Я опрокинул в рот рюмку неразбавленного виски и налил следующую.

– Они первыми напали на нас. Должны же мы были защищаться?

– Проклятые марсиане! – Милнор выразительно сплюнул на пол. Робот-официант торопливо вытер плевок и почтительно отъехал в сторону.

– Ты знаешь, Джо, я никогда не хотел быть военным. Я никогда не умел и не хотел держать в руках оружие. Я был уверен, что не гожусь в солдаты, я был уверен, что меня не призовут в армию. Но когда забрали Вильямса, я понял – скоро и мой черёд. Через три месяца пришла повестка.

Это верно, в школе Милнор был тихим и слабым мальчиком. Он не смог бы обидеть даже муху. Просто смешно – он не мог смотреть фильмы про войну. Всякий раз, когда падал какой-нибудь солдат, Милнор вздрагивал и ~~бледнел~~ зажимурился. После сеанса он выходил бледный как полотно и долго не мог прийти в норму.

– Я пошёл на войну добровольцем, ты ведь знаешь, Эд. Не думай, что мне нравится убивать – это занятие мало кому приносит удовольствие. Но здесь много платят, война – это тоже бизнес. Ещё года два или три и я сколочу кругленькую сумму – тогда пропади пропадом этот Марс со всеми марсианами. Я вернусь на Землю и буду жить в своё удовольствие.

– Я так не могу. Послушай, Джо... а что если нас убьют?

Наконец-то виски ударило в голову. Я подозвал робота-официанта и, поковырявшись у него в брюхе, приготовил коктейль.

– Не болтай чепуху, Эд. Зачем нам умирать?

– Это будет подло, если меня убьют. Подло... Ненавижу марсиан! Если бы увидеть хоть одного марсианина!

– Могу устроить, – я прикусил язык, но было поздно. Милнор вытаращил на меня глаза и даже приоткрыл рот. Ладно, всё равно завтра он всё узнает, все они завтра всё узнают.

– У меня есть приказ захватить в плен один марсианский танк с экипажем.

– Когда? – Милнор судорожно глотнул.

– Завтра. Только учти – это секретно.

– А ты... ты раньше тоже...

– Да, я участвовал ещё в двух таких операциях.

– И ты видел марсиан?!

– Скоро ты сам сможешь их увидеть. Только предупреждаю – это совершенно секретно.

.....

..

Горизонт придавлен тяжёлыми валунами песчаных туч. В красном небе – аккуратное отверстие неяркого солнца. Красное небо, красное солнце, красные пески... Словно в красном тумане несутся белые призраки – целая дивизия гравитанков. На пороге слышимости в тревожном ритме напряжённо гудит и вибрирует до предела натянутая струна – работают антигравитационные двигатели. Беспокойно вращаются целеискатели, стремительно скачут в счётчиках километры. Впереди – бой.

Краем глаза я слежу за Милнором – он прильнул к окулярам локатора. Нервная дрожь рук выдаёт волнение. Что я ему вчера наговорил? Ничего не помню. С утра болит голова. Я достаю фляжку с коньяком, отпиваю несколько глотков.

Мой танк головной, сзади летят, выстроившись «треугольником», остальные три машины моего отделения. Они держатся на минимальном расстоянии и почти касаются поверхности Марса. Впереди появляются невысокие холмы, и я приказываю гравитанкам подняться на полметра.

– Капитан, мы – в зоне противника. – Это говорит штурман Фред Линдли. Стрелки проверяют ружья, операторы пушек занимают свои места у пультов, радист Рэй Кэрел программирует рацию на нужный шифр. Впереди – бой.

Щелчок – на экране видеофона появляется лицо командира дивизии полковника Гейла.

– Капитан Браун, пропустите вперёд 3-е и 4-ое отделения. Будете идти под их прикрытием.

– Есть, – отвечаю я, и экран гаснет. Отдаю приказ снизить скорость, и вперёд вырываются несколько гравитанков.

Рёв сирены обрывает тягучую нить ожидания.

– Ракеты! – кричит Милнор. Резкий рывок бросает меня в кресло, скрипнули амортизаторы – штурман выполняет противоракетный маневр. На левый экран визуального наблюдения выскакивают остроконечные тени; небо вспарывают лучи

аннигиляционных пушек, скрещиваются на одной из ракет. Ослепительно белая вспышка – и клубок чёрного дыма, разматываясь, падает вниз.

Ещё три вспышки и из пяти ракет остаётся одна. Она маневрирует курсом и высотой и оказывается на правом фланге. Какой-то танк справа начинает «нырять» – вверх, вниз, вверх, вниз... У него что-то с двигателями. Машина снижает скорость. Рядом со мной оператор пушки отчаянно вращает штурвал. Поздно... Прямое попадание – вверх взлетает атомный гриб. Он уже далеко позади – мы мчимся на максимальной скорости. Танк тряхнуло, нас настигла ослабевшая ударная волна.

Милнор оборачивается ко мне, рукавом вытирает пот со лба. Он бледен.

– Пронесло, – это говорит Кэрел. Он кончил передавать какую-то радиogramму, сорвал шлем и обессиленный откинулся на спинку кресла. Около меня оператор правой пушки, его зовут Роберт Таккер, разглядывает свои руки. О штурвал содрана кожа на ладонях – нет сил вытереть выступившую кровь. Небольшой толчок. Штурман снизил скорость до нормальной.

– Ненавижу марсиан, – сквозь сжатые зубы выдавливает Милнор. Я ему верю, и мне становится страшно, потому что я знаю кто такие марсиане.

Снова взвыла сирена.

– Танки!

Я распечатываю конверт, достаю программу операции и передаю её штурману. Линдли читает, удивлённо поднимает на меня глаза и вставляет перфокарты в автопилот. Все четыре танка моего отделения отходят назад, резко тормозят и останавливаются за холмом, дивизия стремительно проносится дальше.

На экране перископа навстречу нашим машинам мчатся чёрные коробки марсианских танков. Как будто две огромные тучи, белая и чёрная, несутся навстречу друг другу. Столкновение неизбежно. Между тучами проскакивают безжалостные молнии аннигилирующих лучей. Мгновение – и всё смешалось, десятки взрывов слились в один разрушительный взрыв. Всё потонуло в огне и дыме.

Неожиданно от общей массы отделяется чёрный марсианский танк с развороченными пушками. Это то, что нам надо. Я отдаю приказ, и четыре моих танка выскакивают из укрытия и разомкнутым строем летят навстречу марсианской машине. Марсиане замечают

нас, уцелевшие орудия поворачиваются в нашу сторону, но мы опережаем их. Снайперские выстрелы из аннигиляционных винтовок – и чёрный танк обезоружен.

3. МАРСИАНЕ (3)

Ранняя марсианская ночь. Млечный путь уже дымится тонкими струйками пылевых облаков – словно след автоматной очереди, пробившей чёрное небо. Солнце только что зашло, но уже трудно определить в каком направлении оно находится – близкий горизонт со всех сторон горит ровным изумрудным пламенем. Это светится радиоактивный песок. Редкие вспышки далёких атомных взрывов бросают кровавые тени на полированную броню гравитанков, в строгом, продуманном порядке застывших на подступах к базе, на приземистые купола энергостанций, на чёрные дула узконаправленных антенн космической связи.

– Что ты сказал? – я оторвал взгляд от окна и повернулся к Милнору.

– Какой ужас, Джо! Боже мой, какой ужас!

– О чём это ты?

– Джо, посмотри, что мне пишет Вильяме. Ты ведь знаешь Вильямса? – Милнор протянул мне письмо. Он так разволновался, что расплескал полбутылки виски, пока наливал себе в рюмку.

– Брэд Вильямс, он учился с нами в одной школе, но в старшем классе. Он сейчас тоже здесь – где-то в южном полушарии. Посмотри, что он пишет, Джо, ведь это ужасно...

Вильямс писал о каком-то сражении, когда погиб целый батальон и только ему одному чудом удалось спастись. Обычная история на войне, но Милнору всё это, конечно, в новинку. С Эдом Милнором мы давние приятели – ещё со школы. Мы не виделись три года и вот встретились вновь здесь, на Марсе.

– Что поделаешь, Эд, – война. На войне случается и убивают.

– Нет, нет, всё равно это ужасно. На Земле нам говорили... Джо, ты видел марсианина?

Я пожал плечами: - ты же знаешь, их никто никогда не видел.

– Да, да, конечно... Я только подумал, как странно – вот мы воюем с ними уже десять лет и ни разу не видели ни одного марсианина.

Я опрокинул в рот рюмку неразбавленного виски и наполнил следующую.

– Они первыми напали на нас. Должны же мы были защищаться?

– Проклятые марсиане! – Милнор выразительно сплюнул на пол. Робот-официант торопливо вытер плевков и почтительно отъехал в сторону.

– Ты знаешь, Джо, я никогда не хотел быть военным. Я никогда не умел и не хотел держать в руках оружие. Я был уверен, что не пожусь в солдаты, я был уверен, что меня не призовут в армию. Но когда забрали Вильямса, я понял – скоро и мой черёд. Через три месяца пришла повестка.

Это верно, в школе Милнор был тихим и слабым мальчиком. Он не смог бы обидеть даже муху. Просто смешно – он не мог смотреть фильмы про войну. Всякий раз, когда падал какой-нибудь солдат, Милнор вздрагивал и зажимурился. После сеанса он выходил, пошатываясь, бледный как полотно и долго не мог прийти в норму.

– Я пошёл на войну добровольцем, ты ведь знаешь, Эд... Не думай, что мне нравится убивать – это занятие мало кому приносит удовольствие. Но здесь много платят, война – это тоже бизнес. Ещё года два или три и я сколочу кругленькую сумму – тогда пропади пропадом этот Марс со всеми марсианами. Я вернусь на Землю и буду жить в свое удовольствие.

– Я так не могу. Послушай, Джо... а что если нас убьют?

Наконец-то виски ударило в голову. Я подозревал робота-официанта и, поковырявшись у него в брюхе, приготовил коктейль.

– Не болтай чепуху, Эд. Зачем нам умирать?

– Это будет подло, если меня убьют. Подло... Ненавижу марсиан! Если бы увидеть хоть одного марсианина!

– Могу устроить, – я прикусил язык, но было поздно. Милнор вытаращил на меня глаза и даже приоткрыл рот. Ладно, всё равно завтра он всё узнает, все они завтра всё узнают.

– У меня есть приказ захватить в плен один марсианский танк с экипажем.

– Когда? – Милнор судорожно глотнул.

– Завтра. Только учти – это секретно.

– А ты... ты раньше тоже...

– Да, я участвовал ещё в двух таких операциях.

– И ты видел марсиан?!

– Скоро ты сам сможешь их увидеть. Только предупреждаю – это совершенно секретно.

.....
..

Горизонт придавлен тяжёлыми валунами песчаных туч. В красном небе – аккуратное отверстие неяркого солнца. Красное небо, красное солнце, красные пески... словно в красном тумане несутся белые призраки – целая дивизия гравитанков. На пороге слышимости в тревожном ритме напряжённо гудит и вибрирует до предела натянутая струна – работают антигравитационные двигатели. Беспокойно вращаются целеискатели, стремительно скачут в счётчиках километры. Впереди – бой.

Краем глаза я слежу за Милнором – он прильнул к окулярам локатора. Нервная дрожь рук выдаёт волнение. Что я ему вчера наговорил? Ничего не помню. С утра болит голова. Я достаю фляжку с коньяком, отпиваю несколько глотков.

– Капитан, мы – в зоне противника. – Это говорит штурман Фред Линдли. Отдаю приказ готовиться к бою. Стрелки проверяют ружья, операторы пушек занимают свои места у пультов, радист Рэй Кэрел программирует рацию на нужный шифр. До предела снизилась высота – гравитанк почти касается поверхности марса...

Рёв сирены обрывает тягучую нить ожидания.

– Ракеты! – кричит Милнор. Резкий рывок бросает меня в кресло – штурман выполняет противоракетный маневр. На левый экран визуального наблюдения выскакивают остроконечные тени; небо вспарывают лучи аннигиляционных пушек, скрещиваются на одной из ракет. Ослепительно белая вспышка – и клубок чёрного дыма, разматываясь, падает вниз.

Ещё три вспышки и из пяти ракет остаётся одна. Она маневрирует курсом и оказывается на правом фланге. Какой-то танк справа начинает «нырять» – вверх, вниз, вверх, вниз... У него что-то с двигателями. Машина снижает скорость. Рядом со мной оператор пушки отчаянно вращает штурвал. Поздно... Прямое попадание – вверх взлетает атомный гриб. Он уже далеко позади – мы мчимся на максимальной скорости. Танк тряхнуло, нас настигла слабая из-за разрежённости атмосферы ударная волна...

Милнор оборачивается ко мне, рукавом вытирает пот со лба. Он бледен.

– Пронесло, – это говорит Кэрел. Он кончил передавать какую-то радиограмму, сорвал шлем и обессиленный откинулся на спинку кресла. Около меня оператор правой пушки, его зовут Роберт Таккер,

разглядывает свои руки. О штурвал содрана кожа на ладонях – нет сил вытереть выступившую кровь. Небольшой толчок – штурман снизил скорость до нормальной.

– Ненавижу марсиан, – сквозь сжатые зубы выдавливает Милнор. Я ему верю, и мне становится страшно, потому что я знаю кто такие марсиане.

Снова взвыла сирена.

– Танки!

Я распечатываю конверт, достаю программу операции и передаю её штурману. Линдли читает, удивлённо поднимает на меня глаза и вставляет перфокарты в автопилот. Наш гравитанк отходит назад, резко тормозит и останавливается за холмом. Дивизия стремительно проносится дальше.

На экране перископа навстречу нашим машинам летят чёрные коробки марсианских танков. Как будто две огромные тучи, белая и чёрная, несутся навстречу друг другу. Столкновение неизбежно. Вдруг между тучами проскакивают бесчисленные молнии аннигилирующих лучей. Мгновение – раскалённой дробью рассыпался строгий рисунок полёта. Горящие танки широкими мазками густого дыма покрывают экран перископа.

Неожиданно из разбухшей массы дыма, неуклюже подпрыгивая, словно птица с перебитым крылом, выползает обгорелый марсианский танк с развороченными пушками. Это то, что нам надо. Я отдаю приказ, и наша машина вертикально поднимается над холмом и в крутом пике стремительно мчится навстречу марсианскому гравитанку. Марсиане замечают нас – медленно поворачиваются дула уцелевших орудий. Но мы опережаем их: снайперские выстрелы из дезинтеграторов – и марсиане обезоружены. Сильный инерционный удар бьёт по телу – наша машина резко останавливается и повисает над вражеским танком, направив на него все свои орудия.

Минуту длится молчание. Никто не двигается, все припали к экранам, все напряжены, все ждут... Пора подавать команду.

– Кэрел, Милнор, Таккер – пойдёте со мной наверх. Остальным следить за противником. Без команды не стрелять. Старшим остаётся Линдли.

Все четверо мы пробираемся к выходу. Медленно отвинчиваются герметические люки. Из шлюзовой камеры со свистом выходит лишний воздух – выравниваются внешнее и внутреннее

давления. Едва успеваю проглотить кислородные таблетки, чтобы не задохнуться.

Мы стоим на броне гравитанка и ждём. На марсианской машине в нашу сторону повёртывается какая-то трубка. Таккер хватается за дезинтегратор – я едва успеваю его остановить. Это перископ. Через минуту вскидывает дезинтегратор Кэрел – на марсианском гравитанке медленно поднимаются крышки люков, откидываются назад. Через один из люков из недр машины выбрасывается вверх какое-то полотно на тонком древке. Порыв ветра расправляет лёгкую ткань, и крик изумления замирает в разрежённой атмосфере Марса. Все видят американский флаг, наш флаг.

– Не стреляйте! Свои! Не стреляйте! – доносится из люков. Чистейший английский язык! Секунда – на броню вражеского танка вылезают люди в форме Вооружённых Сил США. И среди них – Брэд Вильямс...

– Так вы не марсиане? – глупый вопрос Милнора выводит всех из оцепенения.

– Ха, Эд! Ты спятил с ума, – кричит Вильямс. – Ты что, не узнаёшь меня?

– Брэд! Я сразу узнал тебя. Но ведь ты же стоишь на МАРСИАНСКОМ танке!!

– Ах, так! Забавно! А вот нам всем кажется, что марсианский танк – ваш. И вся ваша дивизия – марсианская.

– Как же так... – это говорит Кэрел. – Выходит, сейчас американцы сражаются с американцами?

Все поворачивают головы в сторону битвы. Дым уже рассеялся, и нашим глазам представляется печальное зрелище – кладбище машин и людей... Бой закончен.

– Видимо, произошла ошибка, – говорю я. – Предлагаю всем перебраться в наш танк.

– Ошибка?! – Милнор глядит на меня с отчаянием и гневом. – Что же это за ошибка, Джо? Что же это за ошибка, когда погибли две дивизии? – неожиданно голос его меняется. – Джо... Ты говорил мне вчера, что раньше тоже участвовал в подобных операциях, и вы брали в плен марсиан. Что это были за марсиане?

– Это тебя не касается, – десятки глаз устремлены в мою сторону. Надо было отвечать.

– Это были... нормальные марсиане?

– Нормальные? Какие такие нормальные марсиане, если никто никогда не видел марсиан? – спрашивает Роберт Таккер.

– А разве раньше вы все были не вместе с капитаном? – говорит Брэд Вильямс. – Вы должны были бы знать тоже.

– Мы все, кроме капитана, впервые в этой дивизии, – отвечает Кэрел. – Свидетелей нет.

– Свидетели есть, – я оборачиваюсь и вижу, что это сказал Линдли. Он поднялся без разрешения из танка. Но сейчас не до замечаний.

– Эти свидетели – бортовые записи. За всё время существования этого танка он участвовал в боях только с одной танковой дивизией.

– Значит, с нашей дивизией?! – кричит Вильямс. – Джо, значит, ты знал, что стреляешь в своих?!

Отпираться бесполезно. О, дьявол! Зачем я разболтал всё этому Милнору? Что же делать?

– У меня был приказ. Вы что же думаете, командир нашей дивизии вроде вас не знал, с кем он воюет?

Все смолкли. На лицах растерянность. Конечно, им нечего возразить.

– Командир дивизии уже мёртв, – Таккер кивнул в сторону поля боя. – А ты жив. И ты знал, что стреляешь в своих.

– Да поймите же, произошла ошибка. На войне бывает и не такое. Я не мог знать, что эта дивизия та же самая.

– Но ты знал, – говорит Вильямс.

– Вы что же, хотите меня убить?!

Молчание. Я стою в центре кольца, и все смотрят на меня.

– Идиоты! Так я вам открою небольшой секрет. Никаких марсиан нет вообще. Нет и никогда не было! Такая мысль вам не приходила в голову? Нет? Так знайте же: десять лет Америка ведёт войну сама с собой. На Марсе две армии – и обе американские. Так уж получилось, Вильямс, что мы с тобой оказались в разных. Я тут не виноват.

Вы должны понять – Америка должна воевать, она не может не воевать. Ты, Милнор, хочешь мира, ты не хочешь стрелять. А знаешь ли ты, что мир – это гибель для американской нации? Половина всей промышленности выполняет прямые заказы войны. Треть американцев живёт тем, что делает оружие. Университеты вытеснены

военными академиями. Печать, радио, телевидение, кино – всё работает на войну. Война – это единственно надёжный бизнес. Война – это единственная великая цель Америки.

Вы хотите убить меня. Но тогда вам надо уничтожить и всех генералов, потому что они тоже знаю, в кого стреляют, всех министров и сенаторов. Вам следовало бы убить самого президента. Да! И они более заслуживают этого, чем я...

И самое неприятное для вас – вы должны убить и самих себя. Если кто из вас останется жив, он вернётся на Землю богачом. Да, вы тоже живёте за счёт войны! Никто никогда не видел марсиан. Ха-ха! Да вы и есть самые настоящие марсиане, вы все. Марс – вот кто бог Америки. Бог войны.

Я резко обернулся – Милнор нажал спуск дезинтегратора. Свет ярче тысячи солнц взорвал мозг.

И.Бурдонов

А.Гусев

4. НИКТО НЕ ВИДЕЛ МАРСИАН

Коричневые волны песка стремительно бежали под гусеницы танка. Машина мчалась на максимальной скорости, развешивая в разрежённом воздухе Марса густую бахромку пыли. Впереди по-прежнему до самого горизонта тянулась нескончаемая однообразная пустыня. Ориентироваться приходилось по радиосигналам. Они звучали настойчиво и тревожно: «sos», «sos», «sos»... Где-то за холмами горел крейсер землян.

– Сколько ещё осталось? – спросил командир. Расист Кэрел взглянул на приборы:

– Километров семь-восемь. Можем не успеть...

– Успеем. Как скорость?

Штурман покачал головой:

– Двигатель перегрелся. Очень даже просто можем взлетать на воздух.

...Они были солдатами. На Земле не было солдат. Солдаты были только на Марсе – здесь шла война. Война с марсианами. Она началась давно, вскоре после того, как закончилась последняя война на Земле, и люди заключили между собой мир. Марс – другое дело, и марсиане – не люди.

Первым увидел цель оператор пушки Эдгар Милнор.

– Крейсер! – закричал он. – Крейсер! Весь в огне!

Заскрежетали гусеницы, танк с ходу прополз по песку несколько метров и остановился перед огромной объятый пламенем машиной.

– Он может взорваться, – сказал кто-то.

– Отставить разговоры! – приказал командир. – Насосы! Быстрей!

Три мощные струи песка ринулись в огонь. Пламя окрасилось в жёлтый цвет и, задыхаясь, начало медленно отступать. Милнор и Кэрел взяли ещё один рукав, вышли из танка и, обогнув крейсер, подошли к нему с другой стороны. Брандспойт прыгал и рвался из рук, два человека с трудом удерживали его в нужном положении. Огонь опалял лицо, едкая пыль забивалась в горло, нос, глаза. Было трудно дышать.

Пожар прекратился. Командир вышел из танка и подошёл к крейсеру. Ему вдруг показалось, что машина стоит здесь уже много

времени, что почернела она от времени, а не от огня, что песок, лежащий на броне, – это пыль, осевшая за многие годы, а огромная пробоина в правом борту проделана ветром, а не ядерным взрывом.

– Все погибли, – сказал Милнор.

– Надо посмотреть.

– Иначе они не сидели бы внутри. Все выходы закрыты.

Командир поднялся по лестнице на башню, открыл люк. Из него повалил густой дым. Подождав, пока дым рассеется, командир спустился внутрь крейсера. Спасать было некого...

– Здорово их, – выдавил Милнор.

Рядом с телом одного офицера лежал клочок графической пластмассы. На нём было начертано несколько слов.

– Что там написано? – спросил штурман. Командир аккуратно сложил записку и положил в карман.

– Так... пустяки.

– Капитан, вы изменились в лице, когда читали...

– Я же сказал: ничего существенного. Надо закопать трупы.

Подошёл Кэрел.

– Их атаковал марсианский танк. В сотне метров отсюда следы гусениц. Они ведут в том направлении.

– Надо закопать трупы, – повторил командир.

– Мы могли бы догнать марсиан, – сказал Кэрел. – Но сначала, конечно, надо закопать трупы.

По одному они вытаскивали обуглившиеся тела из крейсера и складывали их в стороне на песке. В машинном отделении трупов не было: от людей остались одни тени на стене. Белые тени... Солдаты достали из танка лопаты и вырыли большую яму. Песок был очень сухой, и стенки получились слишком пологие... Укрепив ориентир, Милнор сказал, ни к кому не обращаясь:

– Всё-таки неплохо было бы догнать марсиан.

– Нельзя их отпускать просто так, – сказал Кэрел. – Хоть это и запрещено, я бы рискнул. Капитан?

У командира было очень хмурое лицо. Такое лицо, как будто он только что узнал что-то очень неприятное. Он не сразу расслышал вопрос, но ответил твёрдо, как давно решённое:

– Все по местам. Попробуем догнать марсианский танк.

Штурман вышел вперёд:

– Капитан, вы не имеет права на самостоятельное преследование марсиан. Это категорически запрещено!

Командир похлопал штурмана по плечу:

– Не беспокойтесь, всю ответственность я беру на себя. Вы просто выполняли мой приказ. Понятно?

– Так точно!

Лязгнули гусеницы, машина помчалась по свежему следу. Вскоре показалась джунгли: твёрдые, как камень, короткие и толстые стволы деревьев стояли сплошной стеной сразу на краю пустыни. Танк устремился в проход, пробитый в зарослях марсианами. Пол заходил ходуном, по крыше хлестали жёсткие ветви.

– Мы должны их догнать. Им приходилось прорубать дорогу, а мы идём по готовой просеке.

– Надо прибавить скорость.

– Они могли уже уйти слишком далеко в тыл к марсианам.

– Мы будем вести преследование и в этом случае, - сказал командир. Солдаты одобряюще кивнули.

За всё то время, как люди пришли на Марс, никто никогда не видел ни одного марсианина, ни живого, ни мёртвого. Видели их машины, ракеты, пушки, но сами марсиане были неуловимы. Современная война ведётся на расстоянии, и в плен на такой войне не берут. Все, кто пытался разгадать тайну марсиан, исчезали бесследно. О марсианах ходили легенды, но вряд ли в них была хотя бы доля правда. Воевать приходилось, не зная врага в лицо. Это раздражало ладей, вселяло в них страх и ожесточение.

– Почему они свернули!?

– Где-то здесь должен быть канал. Может быть, они направились к воде.

– Разве марсиане пьют воду?

– Этого никто не знает.

– Почему бы им не пить воду? Разве что не так много, как люди

– Вода может быть нужна для машины.

– Вы думаете, они выйдут из танка?

– Кто знает...

Растительность заметно изменилась. Всё чаще попадались гигантские чаши марсианских цветов, жёсткая красная трава, словно щетина покрывала почву, деревьев стало меньше – они напоминали зубья редкого гребня, опутанные волосами лиан. Чувствовалась близость воды.

– Марсиане!

– Где?!

– Там, впереди, вон за той рощей. Чёрный танк.

– Подъедем ближе.

– Стоп! Надо остановиться, они могут заметить нас.

– Я взял их на прицел! – Милнор положил палец на спусковой крючок пушки. – Можно стрелять?

– Стреляй! – крикнул штурман.

– Стой! Отставить! – командир ударил Милнора по руке, поставил предохранитель. – Команды подаю я!

– В чём дело, капитан? – Милнор потирал руку. – Я не собирался стрелять без вашего приказа.

– Извините, Эд. Я боялся, что вы выстрелите. Этого нельзя было делать. Ни в коем случае!

– Почему?

– Неважно, – командир оглядел солдат. Они были удивлены. – Я предлагаю подойти к марсианам пешком и поглядеть...

– Зачем?

– Разве вам не хочется узнать, как выглядят марсиане?

Штурман криво усмехнулся:

– Мне дорога жизнь, капитан. Вам известно, что все, кто пытался это сделать, погибали?

– Я никого не принуждаю.

– Капитан, я иду с вами, – сказал Кэрел.

– Я тоже.

– Отлично. Штурман, вы остаётесь в танке и ждёте нас... сорок минут. В случае опасности – стреляйте.

– Капитан, я не советую вам идти.

– Всё будет в порядке. В случае чего – вы исполняли мой приказ.

– Господин капитан! Инструкция категорически запрещает! Я буду вынужден подать на вас рапорт!

– Что?! Штурман, вы себе позволяете слишком много!

– Капитан, что было в той записке?

– Это не ваше дело! Здесь приказываю я! Извольте исполнять!

– Слушаюсь!

...Три человека пробирались в зарослях, топорами прокладывая себе дорогу. Солнце стояло в зените. Рубашки быстро взмокли – горячие струйки пота щекотали тело, в ушах звенела жаркая тишина. Песчаная почва расползалась под ногами, колючие кусты цеплялись за одежду, ноги то и дело спотыкались о поваленные деревья. Идти было трудно.

– Ну и трус же наш штурман, – сказал Кэрел.

– Подлец он, вот что. Напишет рапорт – попадём мы под трибунал, обязательно попадём.

– Не напишет – испугается...

– Успеем ли за сорок минут? – спросил Милнор.

– Должны успеть, задерживаться незачем, только взглянем и сразу обратно. Тут десять минут ходу.

– Не верится мне всё-таки, чтобы никто никогда не видел ни одного марсианина. Может быть, от нас просто скрывают?

– А какой смысл? И что ты спрашиваешь – тысячу раз об этом говорили.

– Поговорить хочется. Вот ведь, не мы первые так идём. И другие, наверное, тоже хотели только взглянуть и обратно...

– И все погибли? Не хочешь – можешь не идти, – отрезал Кэрел.

– Чего ты злишься? Я же просто так сказал.

– Прекратить разговоры! – приказал командир. – Нас могут услышать. Сейчас всё узнаем. Опасаться нам нечего.

Впереди блеснула поверхность воды. У берега стоял чёрный танк. На борту его был намалёван красный треугольник – отличительный знак марсиан. Символом землян был синий круг.

– Подойдём сбоку, с правой стороны, – сказал командир, доставая оружие. – Старайтесь не шуметь.

Люди углубились в заросли, сделали крюк и вышли к берегу в другом месте.

– О! – сдавленный крик изумления вырвался из уст Милнора. В сотне метров от командира, Кэрела и Милнора, рядом с черным танком лежали... люди. Они загорали! Сняв куртки, они лежали на песке и потягивали вино из бутылок. Один из них встал, разделся и плюхнулся в воду, громко фыркая и отплёвываясь. Из танка высунулся ещё один и крикнул:

– Эй, ребята, не сгорите на солнце! Как тот крейсер, который мы сейчас подбили!

Все весело заржали.

– Вот это да, – выдохнул Кэрел.

– Это же люди! Что за чёрт! – изумлялся Милнор.

– Они такие же люди, как ты или я.

– Ну, да! А где же марсиане?

– Ничего не понимаю. Может быть, это не тот танк?

– Наверное, не тот... хотя стой! На нём же красный треугольник!

– Правильно. Слушай, наверное, эти ребята обогнали нас и сами захватили марсианский танк!

– Зачем гадать? Подойдём к ним и всё узнаем!

– Стойте! Не двигайтесь с места! – командир преградил дорогу Милнору и Кэрелу. – Вы что, не слышали, что кричал тот парень?

– А что он кричал?

– Он кричал: «Эй, ребята, не сгорите на солнце как тот крейсер, который мы сейчас подбили!» Крейсер, который они сейчас подбили! Вы поняли, это они подбили наш крейсер!

Солдаты недоумевающе переглянулись.

– Они же не марсиане... они люди...

– Слушайте, что я вам прочту, – командир достал из кармана записку. – Это написал тот офицер, которого мы только что похоронили. Он знал, что пишет: «Тому, кто найдёт моё тело. Нас атаковали не марсиане! Это были люди! Знай, солдат, марсиан не существует – их нет и никогда не было! Люди сами выдумали их, чтобы было с кем воевать. Люди воюют сами с собой! Они не могут жить без войн, будь они прокляты! Я пишу это перед смертью – верь мне».

Я привёл вас сюда, чтобы проверить эти слова. И, как видите, всё оказалось правдой.

– Всё оказалось правдой... – машинально повторил Милнор. У него вдруг страшно зачесалась спина – мокрая рубашка прилипла к телу.

– Вы не шутите, капитан? – хрипло спросил Кэрел. У него запершило в горле.

– Мы должны что-то предпринять, – сказал командир.

– Значит, все эти годы... все эти годы... здесь на Марсе...

– Мы не можем продолжать воевать.

– Боже, что же теперь делать... что же делать...

– Мы должны рассказать людям правду!

– Вам не удастся это сделать.

Командир резко обернулся.

– Штурман?!

– Да! Штурман и агент военной разведки. Вы нарушили инструкцию, капитан. У меня секретное предписание – прочтите это.

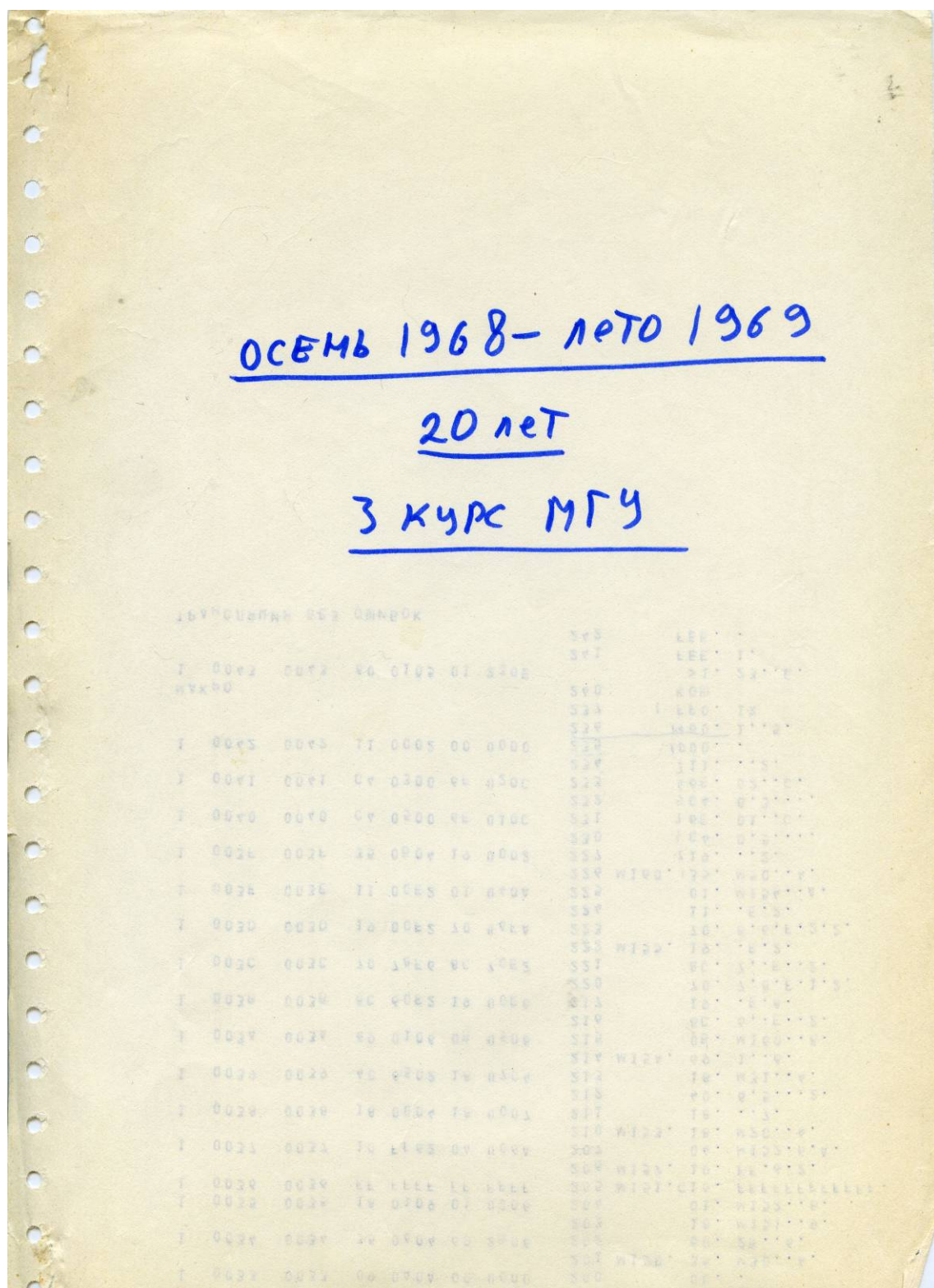
– «Все, кто вопреки запрещению узнал тайну марсиан, расстреливаются на месте».

– Я предупреждал вас, капитан. Мне очень жаль...

Три коротких выстрела были бесшумными. Солдаты, сидевшие возле чёрного танка, могли бы заметить три тонкие струйки белого дыма, но они были заняты весёлым обедом и ни о чём не подозревали.

ОСЕНЬ 1968 – ЛЕТО 1969

(20 лет, 3 курс МГУ)

26. стишки Три древних стихотворения

- 1). *Зимой не бывают грозы*
- 2). *Земля, объята пламенем*
- 3). *С вечернего неба на землю*

1) Зимой не бывают грозы

Зимой не бывают грозы.
Я знаю, что это всего лишь
О прошлом грёзы...
Помнишь? Помнишь? Помнишь...

Воспоминаний тихий голос
Меня зовёт – и я хочу,
Хочу, что б твой упрямый волос
Один лишь лёг меж наших губ.

Меж наших губ теперь слова
И нескончаемым потоком
Обиды, горькие упрёки...
И скушно мне и пусто в сердце.
К чему на раны сыпать перцем?

Мне не внушают вдохновенья
Уже минувших дней виденья.
Словам любви не возвратить,
Давно пора нам всё забыть.

Но нет покоя...
Желанья смутные витают
В пустыне дней.
И сердце ноет,
И вниз падёт и ввысь взлетает.
Моих очей
Ничья ладонь не закрывает.

И бесконечной вереницей
Бредут в застывшем взоре люди.
Как будто это только снится,
Как будто это лишь прелюдия,
Начало скучное пред гимном
Любви и сбывшейся мечты.
И майский гром под небом зимним
Мне чудится... и ты.

2) *Земля, объятая пламенем*

Земля, объятая пламенем,
Дышит нам в лица жаром.
Тихая летняя ночь
Кажется мне пожаром.

В чёрном пламени ночи
Сгорели заботы дневные.
Только чёрное пламя ночи!
Только искры звёзд золотые!

В бешеной огненной пляске –
Сомнения, надежды, мечты...
Пожарники в медных касках!
Не тратьте напрасно воды.

В близких твоих глазах
Чёрные искры сверкают,
Близкие губы твои
Жарким огнём обжигают.

Священный огонь темноты
Лижет нам руки и лица.
В мире лишь я и ты.
А может быть, ты мне снишься?

В чёрное пламя ночи
Любовь наша пылкая рвётся,
Как бабочка хрупкая вьётся
Над пламенем яркой свечи.

И вспыхнет любовь и сгорит,
И ветер лишь пепел раздует...
Не надо об этом! Молчи!
И чёрное пламя ночи
Одно лишь в сердцах торжествует!

3) С вечернего неба на землю

С вечернего неба на землю
Доносится стук молотков –
Небесная кузница где-то
Куёт города наших снов.

Весёлый огонь так и скачет
По лицам седых кузнецов.
Железо смеётся и плачет,
Слезинки роняя играючи,
Слезинки святых куполов.

И длинные , тонкие нити
Из пламени льются волнами
На город, который снится,
Солнечными лучами.

По камням крутых мостовых,
Как будто по клавишам звонким,
Подковы копыт золотые
Лихого несут жеребёнка.

И дуги мостов горячи
Над огненной речкой металла,
Хочу я, что б ты это знала:
От города счастья ключи
Зажаты в ладонях твоих.

Ты слышишь как сердце стучит?
В кузнице на наковальне
Оно одиноко лежит.
Кузнец, я прошу, поспеши,
И молот стальной опусти.
Без города счастья мне жить
Не надо...

27. ЛЕТО

... В то жаркое лето мне было двенадцать лет. У меня были длинные светлые волосы и большие красивые глаза, тонкие руки и тонкие ноги...

Я стояла на крыльце, когда мимо нашего дома проходила ватага деревенских мальчишек. И среди них был их командир – невысокого роста крепкий паренёк. Он остановился и посмотрел на меня. Вместе с ним остановились и все ребята.

У него были белые-белые вьющиеся волосы и тёмные карие глаза! Это было очень красиво. Он посмотрел на меня вызывающе и с интересом, наши глаза встретились, и несколько секунд мы изучали друг друга.

28. ЗАРИСОВКИ ПО ПАМЯТИ

...Дорога проходила за деревней по вершине пологого холма – две узкие полосы голой земли посреди поля. На этой дороге редко можно было встретить человека или повозку, и мне это нравилось. Слева из-за холма виднелись крыши деревенских домов и пики телевизионных антенн. Справа раскинулось поле ржи, вдалеке виднелся лес...

Небо... удивительно большое синее небо, ограниченное только далёким горизонтом. Нигде больше не видел я такого огромного неба. В последние минуты заката здесь было особенно тихо. Солнце гигантской раскалённой каплей стекало по небосводу за неровную линию леса. Облака, словно длинные полосы ваты устилавшие западный горизонт, загорались алым пламенем. Острые верхушки елей касались огненного диска... Природа священнодействовала, совершая древний обряд смены дня и ночи.

В эти короткие минуты мир вдруг становился удивительно ясным и чистым. Как в старинных русских сказках, где добро всегда побеждает зло. Я прислушивался к дыханию тишины, и мне чудился лёгкий шорох стремительно скользящих в воздухе крыльев степного орла. И звон мечей глухо доносился из-за лесов и полей. И маленькие копытца выбивали быструю дробь по хрустальной дороге в небе.

В эти минуты у меня рождались короткие строки:

*С вечернего неба на землю
Доносится стук молотков
Небесная кузница где-то
Куёт города наших снов...*

29. Невысокого роста, тонкая

...Невысокого роста, тонкая – тонкие руки, тонкая талия, тонкие черты лица... хорошо очерченные чёткие линии подбородка, носа – и вместе с тем мягкие, лёгкие... лицо, обрамлённое золотистыми волосами, кажется немного детским... – Девочка задумалась о чём-то своём, заветном... глаза смотрят на людей чуть с грустью, чуть доверчиво, чуть насторожённо... Фигурка очень стройная, природа вырезала её с изяществом и скромностью – как недорогой, но с тонким вкусом обработанный ювелирный камень... Походка неторопливая, какая-то раздумчивая и в то же время осторожная... нога ступает с носка, и земля не ощущает её прикосновения... – так ходят гимнастки по проволоке... Жесты лёгкие, ласковые и по-детски чуть угловатые...

Такой увидел я Катю первый раз. Небольшой компанией в шесть человек воскресным утром мы поехали загород – в Архангельское. Стояла осень, хмурое небо и шелест падающей листвы создавали осеннее настроение – тихая печаль, добрые мысли и спокойное ожидание зимы... Я спускаюсь в прошлое и со стороны наблюдаю за Катей...

Все вместе мы прогуливаемся, не торопясь, по аллеям парка, почувствовав голод, ищем свободную скамейку. Находим целых две – ставим их напротив друг друга, рассаживаемся и достаём бутылку некрепкого вина. Распределяем хлеб и пирожки, стаканов нет – пьём прямо из горлышка, бутылка идёт по кругу.

Скоро моя очередь, а сейчас пьёт Катя – подносит горлышко к губам, запрокидывает голову... потом опускает бутылку и откусывает кусок хлеба – Щёлк! Толик переводит плёнку. Щёлк! Щёлк!

Передо мной лежит маленькая фотография, не очень удачная, но я храню её. Катя легко входит в новую компанию – во всяком случае, так кажется со стороны. Она держит себя непринуждённо и поддерживает общее веселье, пьёт из горлышка бутылки и шутит вместе со всеми...

...Мы идём по аллее к остановке автобуса – пора ехать домой. Катя идёт чуть в стороне, по траве.

– А вы знаете кто я такая? А может быть я фея! Фея из старой сказки...

– Мы улыбаемся.

– Или нет! Я королева. Откуда вы знаете, может быть, я королева, и где-то далеко моё бедное королевство погибает, потому что меня там нет. А я вот тут иду с вами и болтаю, а вы даже ни о чём и не подозреваете. Конечно, я королева. Вы же меня не знаете!

– Я очень романтичная, Игорь, – говорила мне Катя позже.

– Я знаю, – отвечал я...

Внезапно пошёл дождь, сначала тихий, потом всё сильнее и сильнее... Мы бежим через рощу, прячемся под большим деревом. По лицам стекают капли дождя. А Катя поёт песню, и кто-то ей подпевает... А потом мы садимся в автобус и едем в Москву.

.....

Гости уже в сборе. Я прохожу в комнату, сажусь рядом с именинницей – Наташей. Справа от меня сидит Катя. Она пришла со своим парнем – его зовут Рауф.

– По национальности он татарин, – рассказывала Катя мне позже, – а сначала он говорил мне, что он русский.

– Зачем? – спрашивал я.

– Не знаю.

Начинаются танцы.

.....

...Невысокого роста, тонкая – тонкие руки, тонкая талия, тонкие черты лица... хорошо очерченные чёткие линии подбородка, носа – и вместе с тем мягкие, лёгкие... Пружинящая походка, даже слегка подпрыгивающая – вверх-вниз, вверх-вниз – в такт шагам, в каком-то весёлом ритме... Жесты – быстрые, руки легко порхают в воздухе или наоборот очень спокойные движения льются чистыми ручейками... Золотистые волосы, белая кожа...

...Но глаза... удивительные глаза. Как будто нормальной величины, иногда они кажутся огромными, гипнотизирующими – в чёрных каплях зрачков затаилось что-то тревожное, таинственное, холодное и прозрачное как ключевая вода, яркое и манящее – точно искорка жаркого огня древних сказочных кузниц... В этих глазах живёт сказка – то звонкие искры летят из-под копыт молодых жеребцов, то принцесса-ведьма бросает взгляд, полный холодной вечности, то длинные стрелы легко и быстро слетают с тугого лука, скрытого за пушистыми иглами ресниц...

– Дети, вы думаете, меня зовут Екатерина Сергеевна?

– Да! Да! Да!..

– Нет, дети. Меня зовут баба Яга.

– Нет! Нет! Нет!

– Да, дети, да... Вот я сейчас тут с вами сижу, а потом выйду на улицу, пойду в дремучий лес к своей берлоге, сяду в свою ступу и полечу над землёй и буду ловить маленьких ребят и жарить их на большой сковородке...

...Ребята смотрят внимательно, немножко растерянно, немножко тревожно. Неужели и правда их воспитательница Екатерина Сергеевна вовсе и не Екатерина Сергеевна, а баба Яга?..

– Нет, дети, я вас обманула: я не баба Яга. И когда ваши мамы и папы придут за вами сегодня вечером, я пойду не в лес, а к себе домой, в свою комнату...

– ...Мне не нравится мой дом. Вот в деревне – там сразу видно, чей это дом. Все дома разные – так и должно быть, ведь в них живут разные люди. Или раньше я жила в Москве в старом кирпичном доме, там был мой особенный подъезд, и мои особенные окна, и моя особенная тропинка, по которой я ходила... И я могла сказать – вот это мой дом. А сейчас, смотри, разве можно сказать – это мой дом. Да ведь рядом стоит точно такой же дом и в том доме, в котором я живу, все окна одинаковы, и один подъезд не отличишь от другого. Это и не дом вовсе – это коробка, которая разбита на клетки и в каждой клетке живёт человек. Это просто смешно, если я скажу: смотрите, вот мой дом!

...Был вечер, за окном падал снег, вдалеке переливались огни большого города, и чёрной нахохлившейся птицей казалось высокое строящееся здание, сложившее свои крылья-стены и словно длинный клюв опустившее стрелу башенного крана... Трое сидели в комнате при свете догоравшей свечи и говорили о скрытности – о том, почему люди скрывают свои мысли или чувства...

«Не надо плевать людям в души, вот и всё», – сказала Катя. Меня удивили не эти слова, хотя и не каждый может произнести их, – меня удивило, *как* сказала их Катя.

«Не надо плевать людям в души, вот и всё». Она сказала тихо и немного печально. Она сказала не так, как говорят обычно – словно констатируют факт и не так, как говорят равнодушные люди – с фальшивой патетикой в голосе.

«Не надо плевать людям в души, вот и всё». Она сказала их совсем просто, как будто обращаясь к самой себе с грустью и

сожалением... И вместе с тем в её голосе прозвучало что-то вроде раздражения, какое-то нервное недовольство.

«Не надо плевать людям в души, вот и всё». То, что человек может плюнуть в душу другого, казалось ей невыносимым.

«Люди злые». Это сказано с каким-то отчаянием, почти со злостью. Она, казалось, восклицала: Ну почему люди злые? А? Ну кто же мне скажет, почему они злые? Ну, скажите, пожалуйста. Я очень прошу вас...

~~...Утро всегда обещает. После долготерпения дня вечер грустит и прощает...~~

Зачем живёт человек? Что ему нужно? Чего он ищет? Как должен он жить, чтобы быть счастливым? А Катя говорит совсем тихо: Зачем я живу... Другие люди поступают в институты, пишут стихи или решают уравнения. А я?.. В институт не поступила, стихи пишу плохие... Нет! Я знаю, зачем я живу. Вот Ольга – если бы я не пришла к ней однажды, ей было бы очень плохо. Значит, я уже не напрасно появилась на свет, значит и дальше надо суметь также поступать – каждый человек должен приносить пользу другим людям...

– Но если бы ты не пришла к Ольге тогда, может быть кто-нибудь другой пришёл бы к ней, – возражает Наташа. – Не в тот день, так на следующий.

– Нет, нет... Ну, хорошо, может быть на следующий день кто-нибудь и помог бы Ольге, но всё равно ведь именно в тот день только я одна могла помочь ей – и пусть лишь на день раньше, всё равно я ей помогла...

...Мы вместе ушли от Наташи – я поехал домой, а Катя в театр вместе с ~~Ольгой~~ подругой. В метро я нагнулся к Кате и сказал тихо:

– Завтра я приеду, хорошо?

– Ко мне?

– Да.

– Приезжай...

...Что привело меня к Кате? Что привлекло меня в ней? Неправда, что мною руководил холодный расчёт, хотя в моей жизни разум всегда имеет право голоса. Но неверно и то, что я подчинялся какому-то сильному и ясному чувству... Меня словно звал далёкий голос – тихий, едва слышный, не настойчивый, но терпеливый... Какие-то глубоко скрытые тонкие струны души заиграли негромкую и

неброскую мелодию, подчиняясь неведомым мне законам подсознания...

Так мы живём, занятые своими делами и заботами, думая об одном и забывая о другом. Но наш мозг ничего не забывает. Он неторопливо и уверенно делает свою работу: наблюдает окружающих нас людей, замечает все их поступки и слова, суммирует сложную информацию о жизни, идущей мимо нас, делает выводы, подготавливает рекомендации. И всего этого мы не замечаем и не ощущаем – всё это область глубинного подсознательного мышления... Но вот наступает срок: оркестр человеческой души делает паузу, переворачивается страница партитуры и по нотам, приготовленным машиной подсознания, разыгрывается новая часть бесконечной симфонии человеческих чувств. Лишь теперь в эту музыку вплетается новая тема... ~~И я пришёл к Кате...~~

...Снова вечер. За столом при свете настольной лампы сидят два человека... На столе их руки – удивительные создания природы, готовые и к смертельной жестокой битве и к нежной ласке... Их взгляды слились в один и глаза – зеркала души – задают один и тот же вопрос: Кто ты? – и терпеливо ищут ответа... Их губы подбирают слова... Их сердца бьются в ритме ожидания...

...

30. ВСТРЕЧИ

... Как странно вспоминать первые дни нашего знакомства. Я сравниваю свои мысли и чувства тогда и сейчас, и у меня возникает необычное ощущение облегчения и удивления – как будто я преодолел какой-то трудный барьер. Это принесло облегчение – я уже снисходительно смотрю на те тревоги и сомнения, которые волновали меня шесть недель назад. И это удивительно и немножко непонятно, как мог я тогда думать и чувствовать иначе, чем сейчас.

Ощущение такое, как будто сразу повзрослел и вспоминаешь детство – далёкое и в то же время близкое. И то, о чём я думал в первые дни, кажется теперь наивным, детским и поверхностным. А в то же время невольно спрашиваешь себя: не был ли ты лучше тогда, чем сейчас? Не изменил ли ты какому-нибудь светлому и чистому чувству?... Настоящее предстаёт перед судом прошедшего, перед моим судом, каким я был шесть недель назад.

Сегодня мне трудно понять, какие желания или намерения двигали мной в прошлом, хотя и тогда я затруднился бы объяснить, почему и зачем я решил узнать ближе Катю...

Неправда, что мною руководил холодный расчёт, хотя в моей жизни разум всегда имеет право голоса. Но неверно и то, что я подчинялся какому-то сильному и ясному чувству. Меня словно звал далёкий голос – тихий, едва слышный; не настойчивый, но терпеливый. Какие-то глубоко скрытые, тонкие струны души заиграли негромкую и неброскую мелодию, подчиняясь неведомым мне законам подсознания. Так мы живём, занятые своими делами и заботами, думая об одном и забывая о другом, но наш мозг ничего не забывает. Он неторопливо и уверенно делает свою работу: наблюдает окружающих нас людей, замечает все их поступки и слова, суммирует сложную информацию а жизни, идущей мимо нас, делает вводы, подготавливает рекомендации. И всего этого мы не замечаем и не ощущаем – всё это область глубинного подсознательного мышления.

Но вот наступает срок: оркестр человеческой души делает паузу, переворачивается страница партитуры и по нотам, подготовленным подсознанием, разыгрывается новая часть бесконечной симфонии человеческих чувств. Лишь теперь в эту музыку вплетается новая тема...

Так и с Катей – я почувствовал, что она несёт с собой нечто такое, чего именно сейчас мне и не хватает. Это ощущение пришло не вдруг – оно как бы медленно усиливалось от обычного чувства

ожидания и лёгкой надежды по отношению к каждому незнакомому человеку до сознательного влечения. Чего же мне не хватало тогда и, может быть, не хватает и сейчас?

В жизни каждого человека наступает момент, когда ему приходится покидать ставшее привычным здание собственных идей, чувств и настроений, в стенах которого он воспитывался и созревал. «Мы выращиваем наши умы в оранжереях», – говорил Лихтенберг. У каждого это происходит по-своему: одни лишь слегка поправляют жилище своей души, другие, словно одержимые манией разрушения, с каким-то особым удовольствием разбивают голубые зеркала своих юношеских мечтаний, взрывают стены своих прежних убеждений, замороженным взглядом глядят, как пляшет огонь на обломках их детства. Они смеются над тем, над чем ещё вчера плакали; из чувства противоречия обращают свои взоры в том направлении, которое ещё вчера считали запретным. Им придётся начать на голом месте, им будет трудно, но если они не отступят, если у них хватит сил выстроить новое здание – оно будет прекрасно! Ибо его создаст зрелый ум и уже недетская душа...

Так и я... Я разрушаю – но ведь разрушают лишь для того, чтобы строить. А я не знал, что мне строить. Впрочем, это не совсем так: если бы я совсем не знал, чего хочу, я бы не смог отречься от себя прежнего. Но понимание того, что называют смыслом жизни, приходит не сразу и для меня это долгий и трудный путь.

Здесь не поможет нам разум – он умеет лишь анализировать, расчленять мир на части и предлагать различные варианты моего «Я». По выбирать должен я сам. Для этого нужно какое-то шестое чувство – чувство самого себя. Надо чувствовать в себе самое заветное, то в чём не может быть сомнения, то что должно определить всю архитектуру здания моей жизни.

Но я разрушал – было немного страшно и радостно, как в рискованном аттракционе. И вдруг стало просто страшно, без радости. Я сказал себе простые слова: «Ты хорошо поработал кувалдой! Но приближаются трудные времена – надо иметь крышу над головой. Можешь ты построить здание? Есть ли у тебя что-нибудь за душой? Ты говоришь хорошие слова, а что ты чувствуешь? Что ты думаешь? Кто ты?...»

И я смутно предчувствовал: Катя – это человек, который может помочь мне понять самого себя.

Пожалуй, начать следует с воскресенья 26 января. До этого мои встречи с Катей были мимолётными и малоинтересными. Мы сидели

в комнате у Козловой Наташи – трое: Я, Наташа и Катя. Бш вечер, за окном падал снег и горели огни...

...Говорили о скрытности – о том, почему люди скрывают свои мысли или чувства. Катя сказала: «Не надо плевать людям в души, вот и всё.» Меня удивили не эти слова – они обычны, хотя не каждый может сказать их – меня удивило *как* произнесла их Катя. Она сказала тихо и немного печально. Она сказала не так, кар говорят обычно – словно констатируют факт, и не так, как говорят равнодушные люди, – с фальшивой патетикой в голосе. Она сказала их совсем просто, как будто обращаясь к самой себе с грустью и сожалением, И вместе с тем в её голосе прозвучало что-то вроде раздражения, какое-то нервное недовольство – то, что человек может плюнуть в душу другому, казалось ей невыносимым.

«Люди – злые», говорила Катя позже. И опять она говорила это не самодовольным тоном равнодушного человека, но с каким-то отчаянием, почти со злостью. Она, казалось, восклицала в недоумении: «Ну почему люди злые? А?... Ну кто мне скажет, почему они злые? Ну, скажите, пожалуйста. Я очень прошу вас...»

...Зачем живёт человек? Что ему нужно? Чего он ищет? Как должен он жить, чтобы быть счастливым? Каждый задумывался над этими вопросами, но кто отвечал на них так, как отвечала Катя. Зачем я живу, говорила она. Другие люди поступают в институты, пишут стихи или решают уравнения. А я? В институт не поступила, стжхи пишу плохие... Нет, я знаю, зачем я живу. Вот Ольга – ведь если бы я не пришла к ней однажды, ей быдо бы очень плохо. Значит, я уже не напрасно появилась на свет. Значит и дальше надо су меть также поступать – каждый человек должен приносить пользу другим людям.

– Но если бы ты не пришла к Ольге тогда, может быть кто-нибудь другой пришёл бы к ней. Не в тот день, так на следующий, – возражала Наташа.

– Нет, нет... Ну хорошо, может быть на следующий день кто-нибудь и пришёл бы к ней, но всё равно ведь именно в тот день только я одна могла помочь ей – и пусть лишь на день раньше – всё равно я ей помогла.

...Осенью и в начале зимы Катя встречалась с парнем, которого звали Рауф. Но национальности он татарин – а в начале он говорил мне, что он русский, рассказывала Катя. – Зачем? – спрашивал я. – Не знаю...»

Они встречались редко: один раз в неделю на два-три часа... Он казался таким серьёзным и солидным, – говорила Катя. Мы ехали в

автобусе вечером 26 января и я услышал от Кати такие слова. – Понимаешь, Рауф не мог понять меня, и он старался подделаться под меня. Этим он меня и обманул сначала. Он подделывался под меня – это противно. – Да, это самое страшное, – отвечал я, поражённый своею мыслью; а не стараюсь ли и я подделаться под Катю?! – Не знаю, самое это страшное или не самое, а только это противно...

31. РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 30 августа 1969 года

Вечер 30 августа 1969 года... Странное состояние – какая-то смесь из раздражения, покоя, отчаяния и надежды, грусти и решимости... Расстался с Катей на две недели, по моей просьбе, через четыре дня встретимся вновь – истекут две недели – а мысли уже сейчас настойчиво возвращаются к одной и той же теме... У нас с Катей странные отношения – на каком-то уровне мы совершенно не понимаем друг друга и не принимаем, а на другом, более глубоком уровне, я испытываю к ней неодолимое притяжение... Но сейчас между нами усталость – я страшно устал от Кати. Это потому, что я никогда не чувствовал себя с нею естественно, как с самим собой – мозг отказывается продолжать эту тяжёлую работу, а наши встречи – это действительно очень тяжёлая работа для меня. Хочется уйти ото всего, вернуться в свой привычный мир. Я сделал эту попытку к бегству – впрочем это вовсе не бегство. Просто мы зашли в тупик, в очень трудный тупик, и выйти из него можно только двигаясь назад. Я должен отойти от Кати на некоторое расстояние, должен сделать так, чтобы в поле зрения попали и многие другие вещи, должен больше акцентировать внимание на других своих делах. Это нужно уделать.

... Уже давно пора начать новый абзац... И вот я вернулся к самому себе – совершенно ясно, что во всех отношениях я нахожусь в самом тяжёлом, самом затяжном и самом глубоком кризисе. Ничего не ясно, ничего не понятно... Я не знаю, за что браться, такое ощущение как будто я отчаянно пытаюсь выкарабкаться из жуткой трясины, но от каждого моего движения меня затягивает лишь всё больше и больше.

... Может быть нужно просто работать: стиснуть зубы и работать, работать, работать... Главное что-то делать, не обращая внимание на неудачи, на то, что остальные дела лежат нетронутыми, на то, что это лишь капля в море... Всё время что-то делать, забывая в этот момент обо всех остальных вопросах. Но трудно забыть... опускаются руки перед огромной горой проблем, вопросов и дел, ждущих своего часа, который кажется, так никог да и не наступит...

И сквозь всё это проступает один и тот же свинцово-колющий вопрос – зачем всё это? Какова конечная цель? А что дальше? И совсем уж банальное: в чём смысл моей жизни?... Время идёт, и я уже физически ощущаю – дальше хуже.

... Почему-то хочется спать, мозг заволакивает пелена. Мысль вязнет, сознание теряет свою остроту, медленно оплывает как свеча...

Последние образы выстукиваю клавишами пишущей машинки и ставлю точку.

32. РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 31 августа 1969 года

... Толик, Ирина, Оля и я – я заметил, что нам как-то легко вместе. Есть что-то такое общее, что нас связывает; это что-то наверняка не главное, что есть в каждом из нас, но это общее существует. Общность интересов? Конечно, есть некоторая общность интересов меня и у Толика и даже у Ирины с нами, но ведь у меня нет равным счётом никаких общих интересов с Олей Печковской, да и у Гусева, думаю, тоже. Скорее здесь имеет место какое-то чисто психологическое явление на уровне неосознаваемых процессов. Проблема психологической совместимости – вот о чём идёт речь. Это характеризуется или точнее проявляется, может быть (?), в отношении друг к другу, к другим людям, вообще к жизни, в каких-то чертах характера, психологическом настрое чувств, в каких-то неуловимых деталях, чёточках, во всём психологическом фоне, которые делают общение друг с другом приятным, когда ведёшь себя естественно и непринуждённо.

Разумеется, опасно идеализировать... Эта компания хороша для меня лишь с некоторого не очень далёкого, но и не очень близкого расстояния. Как, впрочем, и всякая другая компания – разница лишь в величине этого оптимального расстояния. Кроме того, разные люди из этой компании вызывают у меня различные эмоции и мысли. С Валерой, я, например, не имею ничего общего – мне с ним не приятно и не легко. С Печковской у меня вообще-то тоже мало общего. С ней хорошо на весьма солидном расстоянии очень поверхностного приятельства. Хотя в общей компании она смотрится достаточно хорошо, придавая этой компании свой оттенок.

Толик – это особ статья, а вот Ирина – интересный человек. Кажется, я убеждаюсь в этом всё больше и больше. Я никак не могу понять, что притягивает в ней – умение превосходно обходиться с людьми или действительная самобытность и оригинальность её натуры? Или может быть и то и другое? Или может быть и то и другое неразрывно связаны? Скорее всего последнее.

Лично мне её манера обращения с людьми очень и очень нравится. Превосходно развитое чувство такта сочетается в ней самым непостижимым образом с поразительной искренностью, я бы даже сказал смелостью и некоторой дерзостью суждений. Искренность эта

особого рода – в ней нет ничего от прямоты, хотя она часто играет под прямоту, но играет намеренно, с каким-то лукавством. Именно лукавство! Есть в Иренином характере что-то от кошки – какая-то крадучесть, мягкость, ласковость, незлобность и в то же время лукавство, независимость, хитринка в глазах! Видимо, эта хитринка в глазах, умение со всеми вести себя одинаково дружелюбно и были поводом для некоторых людей обвинять Ирину в хитрости. Раньше я и сам придерживался аналогичного мнения – мне казалось, что Ирина «ускользает» от моего понимания. Пожалуй, вскоре мне придётся сделать вывод, что это совсем не так, что речь идёт не о заурядной хитрости или лицемерии, а о явлении куда более оригинальном! Так вот «хитринка в глазах» – когда Ирина ведёт со мной разговор или просто обращается ко мне или даже всего лишь бросает взгляд в мою сторону – именно тогда в её глазах, в её улыбке, в смехе, в голосе появляется какое-то лукавство. Такое ощущение, как будто она заговорщически подмигивает – мол «мы заодно». Это мгновенно располагает человека к ней, становится легко и непринуждённо – и Ирина всячески способствует этому. Очень ценное качество!

Я ещё не прослеживал дифференциации в её отношении к разным людям и в особенности к тем, которые ей не особо нравятся. Надо будет это проделать. Но надо отдать Ирине должное – она никак не проявляет своих антипатий, во всяком случае в такой форме, чтобы это бросалось в глаза или просто было заметно человеку, специально не наблюдающему за ней. Её дружелюбие довольно редкое качество. Есть люди, которые от природы не злы –если им не нравится тот или иной человек, они просто равнодушны к нему, не стремятся поддерживать с ним какие-либо отношения, не скрывают своего нерасположения, хотя всегда держатся в рамках приличия и хорошего тона. Ирине же свойственно именно дружелюбие, она стремится каждого расположить к себе и ей удаётся это превосходно!

Особо следует сказать о её умении слушать. Я иногда удивляюсь, даже поражаюсь её способности понимать то, о чём я говорю, понимать то, о чём я хотел сказать, понимать именно так, как я хотел, чтобы меня поняли, понимать настолько, чтобы принимать, реагировать живо, умно и по существу. Она мгновенно и удивительно легко схватывает идею, загорается ею, и ей уже ничего не нужно объяснять, и она сама развивает эту идею, и ты имеешь перед собой единомышленника готовенького, на блюдечке с голубой каёмочкой! Наверняка, далеко не на все слова она реагирует именно так, но иной реакции не замечаешь – кажется, что она никогда не выражает своего

недовольства, если её никто не поддерживает. Кажется, что она всегда согласна и не из лени ума и не по глупости, а как раз вследствие прямо противоположных причин – потому что она сразу всё поняла и согласилась так, как соглашаются со своими собственными идеями – то есть с полным знанием дела. Разумеется, это преувеличение. Но во всяком случае ведёт она себя настолько блестяще, что её поведение способно порождать эту приятную и довольно устойчивую иллюзию.

Вообще её интеллект заслуживает серьёзного отношения. Верно, что у неё нет, видимо (?), блестящих идей или мыслей (а может быть она подаёт их не в блестящей упаковке красноречия, а в задушевной беседе?), но есть что-то такое, что я бы назвал интуитивным чутьём на красивые мысли или идеи... А впрочем, может быть дело вот в чём! – Ирина – прежде всего женщина. Её ум есть прекрасный образец женского ума, ума хорошо развитого, с сильным налётом интеллектуальности, весьма восприимчивого к интеллектуальной атмосфере дискуссий, спекуляций и теорий, но прежде всего женского ума! Как это отлично сказал Петя! Женский ум отличается от мужского не просто очень сильно; скорее наоборот: расстояние между ними настолько мало, что оно меньше самого кванта! расстояния. И этот микроскопический сдвиг как раз и объясняет совершенно различный взгляд на мир мужчин и женщин – и те и другие видят одно и то же, чувствуют и мыслят одинаково, но есть очень тонкая, почти неуловимая разница, которая именно в силу своей малости совершенно непреодолима, как непреодолимо расстояние, меньшее кванта длины!! Отойди на километр от моей точки зрения и ты увидишь то же, что вижу я, но сдвинься на тысячную долю микрона и мир предстанет перед тобой совершенно в иных красках!

И тем не менее остаётся в Ирине что-то неуловимое, ускользающее из рук. Я ещё не понял её в целом, не понял её *credo*...

33. МИСТИЧЕСКИЙ ЭТЮД... 1 сентября 1969 года.

... Душа сделана из мягкого стекла, пульсирует, множество вибраций сложных ритмов... на ощупь мягкая, тёплая, с острыми гранями – можно порезаться как о бритву... местами как лёд.

Душа – это небесный вихрь и гнетущий омут одновременно... она имеет форму груши... узкой частью вниз... тянет вниз, стекло натягивается как резина, деформируется как пластилин... ноющая боль на ощупь шершавая – это тоска.

Тоска – это главное, через чего душа познаёт самоё себя. Тоска зарождается от удара молнии – резкая боль, когда выдёргивают нерв из зуба... но это не зуб, удар тока в сердце. Это апофеоз тоски, её высшая форма, крик в ночи... эхо никогда не затихает...

... Отчаяние притягивает, гипнотизирует – хочется его, жутко... холодок в животе... слабый стон, раскалывается гранёный стакан... Отчаяние впадает в безнадёжность – бесконечная сырая, холодная степь, туман, небо низкое, жизнь исчезла... трава мёртвая, режет руку как осока... совсем нет травы, камень, гранит...

... Страх – что-то совсем привычное, домашнее... маленькие молоточки бегут по позвонкам... разговор вполголоса... резиновый на ощупь: резиновый шланг и бесформенный ком резины, мнётся ... Страх переходит в ужас – сначала что-то таинственное... интригующее... сказка... ночь... звук пощёчины – щупальца обволакивают тело, липко, скользко, мокро, холодно... мозг рвётся – от крика кровь разливается в извилинах, тёплая... вверх ногами, крутит, тело разделяется на части... исчезает пространство... чистая абстракция, абстракция ужаса... вместо времени пронзительный звук... нарастает, выше, выше, выше... изнемогаешь... резонанс, звук рвущейся ткани – рвётся душа... обрыв!.. всё смолкло... бездна... летишь вниз, срываешься, вниз – в без молвие ... Прострация...

... Другая сторона медали... деловой ритм... игра мысли как игра света... светящиеся извивающиеся змейки, конфетти... вспышки озарения – фейерверк... расплываются цветные пятна – это настроение. Всё на ощупь бумажное, колкое, прохладное, приятное, проводишь пальцем по краю линейки... Музыка в ушах, не замечаешь её...

Вдруг неточность, провал... чёрное звёздное небо... прыжок в неизвестность, во мглу... на ту сторону медали...

Снова ужас... бесконечность... вселенная... Ужас имеет космическое происхождение... Человек как часть Космоса – страшно.

34. РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 3 сентября 1969 года

... Хорошее спокойствие с оттенком радости – вот моё состояние сию секунду. Причина – удовлетворение. Я удовлетворён прежде всего потому, что вот уже четвёртый раз сажусь поздно вечером за машинку, чтобы продолжить эти странные записи. Пропустил лишь вчерашний вечер – поздно вернулся домой с концерта чехословацкого «Стар-клуба», а сегодня утром надо было рано вставать. Всего лишь пятый день, как я начал эти записи, а результат уже налицо – явно повышенный тонус!

Вторая причина – всё в порядке в университете, я взял твёрдый курс на посещение всех лекций и семинаров и вот уже третий день как неуклонно придерживаюсь его. Я давно знал, что это оказывает положительное психологическое воздействие. Всё-таки все мы, люди, в значительной степени мещане – если не по убеждению, то по независимому от нас психологическому механизму плохого и хорошего настроения: сколь мало значения не придаём мы делам на «службе», а всё-таки эти дела оказывают на наше настроение самое непосредственное влияние! Кроме того, более усердное занятие учебными делами необходимо в связи с моим новым стратегическим курсом под названием «делай карьеру!»

Третья причина – сегодня третий день как вновь занимаюсь гантельной гимнастикой. Это полезно не только для здоровья или «накачки мышц», но и для повышения жизненного тонуса – хотя бы через механизм удовлетворения от растущей силы мускулов и улучшения общего физического состояния.

Четвёртая причина – я возобновил более тесные контакты с Толиком энд компани. Общение с этой самой «компани», в особенности с Гусевым, Ириной, в меньшей степени – с Печковской, доставляет мне удовольствие. Оно удовлетворяет сразу несколько моих потребностей: потребность в отдыхе – как интеллектуальном, так и чисто развлекательного порядка, потребность в умном и понимающем собеседнике, потребность в хорошей музыке, потребность в наблюдении за людьми, потребность в «конструировании организаций» – в связи с «ОСТАПом» и т.д.

Пятая причина – я возобновил регулярное чтение газет. Поскольку я считаю, что мне это необходимо, то занятие этим приносит мне удовлетворение.

Шестая причина – сегодняшняя встреча с Катериной. По моему мнению она прошла на весьма высоком уровне. Я не чувствовал скованности, хотя меня, понятно, и огорчало её непонимание и неприятие моих разглагольствований на различные темы – в частности на тему о распаде семьи. Но, опять же к моему удовлетворению, её реакция на эту тему была в этот раз существенно лучше, чем обычно на все подобные темы. Объясняю это увеличением расстояния между нами, которое на жаргоне Кати называется переходом от более или менее интимных отношений к «дружбе». С большого расстояния подчас гораздо лучше решать многие вопросы, чем в непосредственной близости. Разговор, правда почти не касался наших «больных» вопросов, но убеждён, что лишь потому, что не было повода. А в той степени, в которой речь всё же заходила об этих вопросах, разговор продолжался всё в той же очень удобной и неумолимой для меня форме непринуждённой светской беседы аналитического порядка (от слова «анализировать» – рассуждать, исследовать, обсуждать, разлагать по полочкам и собирать воедино, доискиваться причин, поводов, мотивов, размышлять о последствиях, побочных явлениях, связях всего со всем и т.д. и т.п.).

Ну, с причинами, кажется, покончено. Остаётся поговорить о перспективах. Если все эти шесть причин, или хотя бы первые пять – как зависящие лишь от меня, будут действовать и в дальнейшем, то мой повышенный тонус уже не опустится до прежнего низкого уровня. Кроме того, успех в одних, пусть самых малых и несущественных с общей точки зрения, предприятиях вызывает цепную реакцию успеха и во всех прочих делах. Важно лишь не погасить эту реакцию, а дать ей возможность развиваться – разумеется в разумных рамках возможного и целесообразного.

Жаль, но придётся закончить на этом сегодняшнюю запись – пороку у меня хватило бы ещё на пяток страниц, но время, увы, ограничено – пора спать, если я не хочу ходить завтра сонной му хой.

35. РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 4 сентября 1969 года

... Настроение у меня сейчас неустойчивое – какая-то грусть. Отчего это? Может быть от того, что всё время, пока я был с Катей, моя душа была полностью открыта для неё. И вот теперь мне пришлось захлопнуть дверь – это акт самозащиты. Катерина очень точно заметила некоторые мои слабости, которые другие люди не замечали (или может быть не акцентировали на них внимание?). Но она не верно расставила ударения – картина получилась искажённой. Небольшая слабость в интерпретации Кати получила форму основного порока моей натуры, одного из основополагающих начал моей личности – это неверно. Лекарство от этой слабости было во мне, я его знал – от других людей мне нужно было лишь тактичное отношение, а ещё лучше, если бы они вовсе не замечали этой слабости, тем более, что я не давал повода...

Катя сделала всё наоборот – она настойчиво и упорно говорила мне о моей слабости. Она, разумеется, хотела мне помочь, но объективно лишь затрудняла моё положение. Боюсь, у неё было нечто вроде самогипноза: она уверяла сама себя, что я человек слабый. Даже когда Катерина говорила мне, что я могу быть сильным, что она очень хочет, чтобы я был сильным, когда она старалась (как ей казалось) укрепить меня в своих силах, когда она говорила, что ей иногда кажется, что я всё-таки сильный – всегда это принимало такую форму, что объективно лишь усиливало в ней самой ощущение моей слабости, а во мне самом неуверенность и смутное чувство досады...

Теперь я понимаю, что это была досада на её слова, а не на самого себя, как я думал раньше, досада и обида. Обида, потому что слова Катерины о моей слабости не были справедливыми. Моя душа была открыта для Кати, я не контролировал воздействие Кати на меня, я не был настороже, я снял заградительные ограждения эгоизма, отбросил в сторону оружие независимости... я целиком доверился Кате и... поплатился за это. Этого нельзя было делать – теперь я достаточно хорошо знаю Ека терину, чтобы сказать совершенно определённо: это очень хороший человек, но ему нельзя доверяться. Во всяком случае до тех пор, пока что-то не изменится...

Как-то по радио я слышал кусок передачи – передавался какой-то рассказ. Действие происходило во Франции во время фашистской

оккупации, один немецкий офицер – хороший человек – рассказывал французам, в доме у которых он поселился... Давно в юности в Германии у него была девушка, однажды они шли солнечным днём по лугу. Девушка восхищалась солнцу, цветам; она смеялась и радовалась жизни, у неё было очень романтическое настроение... И вдруг она вскрикнула – её укусил комар. Тогда она поймала комара и сказала: смотри, как я буду его казнить за то, что он меня укусил. Она взяла комара и стала отрывать у него одну лапку за другой. С тех пор, рассказывал офицер, у него чувство страха к немецким девушкам. Он говорил, что это вообще в характере немцев: это могут быть очень хорошие, чистые и высокие люди, но их нельзя оставлять одних, их нельзя оставлять без контроля, им нельзя доверяться – ибо тогда они начинают методично и хладнокровно отрывать лапки у комара... одну за другой...

Я прихожу к ниш жестокому выводу : есть в характере Кати черта, напоминающая эту историю. Но я надеюсь, что всё может ещё измениться. Потому что натура Катерины противоречива – такое впечатление, что её душа поражена болезнью. От этого тяжело и самой Кате, но далеко не сразу может понять это человек другой...

Оля Мудрова помогла Кате, но болезнь зашла слишком далеко – она деформировала самые основы личности. Дружба Оли, а позже и Вити, смогла лишь приостановить процесс развития этой болезни, но вылечить она не способна. Я утверждаю это на основе всего того, что я знаю о Кате, Оле, Вите, их дружбе и т.д. Болезнь ушла вглубь, но далеко не исчезла – у неё выработался иммунитет против нового лекарства – Олиной Дружбы... Это состояние затишья было неустойчивым и оно прекратилось, когда в жизнь Кати вошёл я.

Не знаю, как вёл бы я себя вначале нашего знакомства, если бы знал тогда всё то, что знаю сейчас. Вероятно, я предпочёл бы не знать Катю... Сейчас ситуация совершенно иная.

Я затронул слишком глубокие струны в душе Кати, и болезнь проснулась... Теперь мы пожинаем плоды... Но я не сдаюсь – у меня ещё есть надежда. Хотя мне будет и нелегко – Катя не верит мне и не понимает и не принимает меня. Кроме того, дружба с Олей объективно оказывается направленной, если не против меня лично, то против моих усилий найти ключ к Кате, помочь ей...

36. РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 8 сентября 1969 года

... Вчера была вторая встреча с Катериной после нашего расставания на две недели. Вначале, когда разговор скользил по поверхности, случились небольшие инциденты, выразившиеся в раздражённой и недружелюбной реакции Кати на некоторые вещи, отказ от разговора на некоторые темы. Разговор загнил на корню, и мне стало скучно. Сиё скучающее состояние продолжалось до тех пор, пока мы не решили сходить в кино. Взяв билеты, мы пошли прогуляться – до кино оставалось полтора часа.

И вот тут случился бурный очень интересный разговор по существу наших разногласий. Началось всё с одной простенькой классификации.

... Люди делятся на три категории (делятся, впрочем, довольно грубо) по их отношению к разговорам на некоторые темы из области семейных отношений, вопросы любви и брака, секса и т.п. – короче, проблема взаимоотношения полов во всех её оттенках. Первая категория, наиболее многочисленная, характеризуется кратко одним словом «обыватели». Её реакция имеет следующие свойства: безразличие к проблеме в её общетеоретической постановке как проблеме всемирного значения, вообще безразличие ко всякого рода теориям и спекулятивным построениям в этой области, живейшее восприятие практической стороны дела – конкретных случаев, приёмов, советов и т.д. и т.п. – то есть обыватели смотрят на данную проблему, как и на все прочие, с точки зрения кухонных сплетен.

Вторая категория также может быть охарактеризована одним словом: «рационалисты». Хотя это слово не так точно передаёт смысл второй категории, как слово «обыватели» смысл первой категории. Эти люди рассматривают проблему взаимоотношения полов прежде всего как одну из ряда других проблем, для них нет понятия «запрещённая тема» или «пикантный вопрос». Эта проблема для них отнюдь не повод для скабрёзных анекдотов, сплетен и т.п. Для них это очень серьёзная проблема, очень актуальная и очень интересная. Главное значение при этом они придают всякого рода теоретическим рассуждениям на эту тему, как впрочем и на всякую другую тему. Разумеется эти теоретические спекуляции не витают в воздухе, они имеют кроме теоретических корней также и корни, уходящие в реальную конкретную жизнь, корни, обусловленные наблюдениями

за жизнью самого себя и других людей. Главное, что такие люди делают с этой проблемой, также как и со всякой другой, – это анализируют. Разумеется, при всём при том у каждого из них имеются свои «табу», обусловленные индивидуальными особенностями каждого. «Рационалисты» – люди, а не вычислительные машины. Но воспринимают они эти свои индивидуальные особенности тоже рационалистично – раз надо, значит надо. Они просто-напросто понимают, что наиболее рационально построенной личностью будет та личность, которая строится не из одних лишь рационалистических соображений.

Наконец, третья категория. Люди этой категории в отличие от людей первой категории – люди чистые душой, глубоко чувствующие и не терпящие пошлости. Но если «рационалисты» строят свою личность на принципах разума и расчёта, то люди третьей категории живут более чувствами, нежели разумом. У них есть свои заветы, свои священные мысли, желания, принципы и мечты – это для них свято, не подлежит сомнению и анализу. Они более категоричны в своих взглядах и действиях, чем «рационалисты». Но в них нет ханжества и высокомерия людей-обывателей, они – чистые люди. Они более полагаются на интуицию души, чем на аналитические способности разума.

Интересно, что такие понятия, как «гордый», «честный», «чистый», «прямой», «открытый», «благородный», «самоотверженный», «патриот», «преданный», «верный» и т.д. – то есть однозначные понятия, характеризующие черты личности, причём понятия альтернативные, могут быть непосредственно применимы к людям третьей категории и почти не применимы к людям второй категории. О человеке третьей категории (в целях упрощения языка буду называть такого человека, ну хотя бы «человек души») можно сразу сказать, прямой он человек или не прямой, верный или неверный. О рационалисте же подчас вообще бессмысленно спрашивать, чистый это человек или не чистый, благородный или неблагородный.

Один и тот же человек-рационалист с точки зрения одних людей очень благороден. А с точки зрения других он вообще больше смахивает на лицемера и подлеца. Третьи лишь удивляются с какой лёгкостью рационалист предстаёт то в одном, то в другом виде – и чаще всего делают вывод о легкомыслии и поверхностности этого человека. Четвёртым кажется, что рационалист, конечно, хороший человек, даже редко хороший человек, но у него, к сожалению, есть

некоторые слабости. Пятые утверждают, что это вконец испорченный человек, но в нём ещё остались отдельные возвышенные порывы, которые находятся, однако, под спудом развращённости. По мнению шестых, это человек трагедии, человек, в котором постоянно борются силы добра и зла, это глубоко несчастная личность, остро ощущающая внутренний разлад. И так далее, и тому подобное...

И никто из этих наблюдателей не будет прав, или, если угодно, будут правы все сразу. И лишь человек, хорошо знающий данного рационалиста и понимающий его, или человек, сам являющийся таким же рационалистом, увидит, в чём тут всё дело. Всё дело в том, что к такой личности, какой является рационалист, вообще подчас неприменимо понятие благородства.

Благородство – понятие синтетическое, цельное, его нельзя расчленять на части, анализировать по отдельности и затем соединять вновь. Истинно благородный: человек, совершая благородный поступок, не рассуждает о его возможно неприятных для себя последствиях, не анализирует обстановку. Он руководствуется исключительно тем, что подсказывает ему его благородная совесть – а совести, как известно, чуждо умение разумно и расчётливо мыслить. Благородный человек – человек долга. Если надо пожертвовать своей жизнью ради спасения другого, благородный человек не задумываясь сделает это. Хотя быть может спасённый им человек в тысячу раз хуже его самого, представляет для человечества в миллион раз меньшую ценность, чем благо родной человек, жертвующий собой!

Парадокс? Да. Нелогично? Да. Но может ли благородный человек поступать иначе? Никогда! Он с негодованием отвергнет любые самые разумные доводы, которые только можно привести в пользу того, что он не должен жертвовать собой ради спасения другого. Может ли он руководствоваться при этом соображениями разума? Разумеется, нет. Для него в тысячу раз более властно звучит голос его совести. Дело всё именно в том, что рассудочность, рационалистичность не пронизывает всё существо благородного человека, не касается священных догматов, служащих фундаментом его личности. Этот фундамент неприкосновенен для скальпеля рационализма!

А рационалист? Тут всё как раз наоборот: рационализм – тот стержень, на котором строится личность такого человека. Рационалист как раз в полную противоположность человеку души прежде чем что-либо серьёзное совершить, проводит тщательнейший

анализ всех «за» и «против», всех мотивов, всех последствий и побочных явлений и т.д. и т.п. И лишь после этого, придя к какому-то решению, он делает так или иначе.

Человек души действует по категорическому императиву, пользуясь терминологией Канта. Он поступает так, потому что совесть безусловно диктует эти действия. Рационалисту же, наоборот, скорее свойственен императив гипотетический – то есть повеление, обусловленное как средство желаемой целью. Рационалист поступает так, потому что анализ убедил его в том, что только эти действия наилучшим образом соответствуют поставленной цели, его убеждениям, принципам его жизни.

Человеку души противна сама мысль о рассмотрении каких-то других возможных действий, кроме тех, которые диктуются его совестью. Он даже в качестве чисто теоретического предположения не может представить себе, что он поступает подло или нечестно ит.д. Для него сразу ясно как он должен поступать, и если у него начинаются колебания, размышления о том, так ли нужно поступать или иначе, то он видит в этом проявление слабости, мелочности души, низости и т.д. Рационалист же как раз напротив считает нужным рассмотреть все варианты, даже самые на первый взгляд нехорошие, неблагородные и низменные – а может быть такие как раз в обязательном порядке. Не для того, конечно, чтобы остановиться на нехорошем поступке, а для того, чтобы путём последовательного приближения, или, если угодно путём исключения, прийти к нужному решению.

Но и у рационалиста, это нужно повторить ещё раз, есть свои «табу». Рассудочность пронизывает всю его натуру, но из голой рассудочности ничего получиться не может. Рассудочность – это метод мышления, метод жизни, если угодно, но отнюдь не фундамент человеческой натуры. А фундамент этот тот же, что и у человека души!

То святое, что составляет основу личности рационалиста, на чём она основывается, из чего проистекают в конечном счёте все человеческие черты и особенности – это самое святое тоже неприкосновенно, но неприкосновенно не в том смысле, что разум не допускается к его рассмотрению, а в том, что рассудок сознательно поставил некоторые принципы человеческой личности, некоторые воспоминания или переживания на особое место – в начало координат. Во всех своих рассуждениях разум должен на что-то

опираться – каждое суждение имеет форму следствия: «если А, то Б». А почему «А»? Потому что «С». А почему «С»? Потому что «Д». А почему... и так далее. Но где то нужно остановиться, где-то должны быть предложения, принимаемые без доказательства. Нужны аксиомы личности. Чтобы изучать мир, нужно начало отсчёта.

Как выбрать это начало отсчёта? На основе анализа, на основе разумных суждений? Конечно, нет – разумные суждения доказывают теоремы, а нам нужно установить аксиомы! Методом «тыка» – разумеется и не так. Дело в том, что, приступая к анализу своей личности, своего «Я», человек это «Я» уже имеет! Сознательная жизнь начинается не с рождения, а гораздо позже. Это и понятно – нельзя сознать пустоту. Первые годы личность человека строится неосознанно для него самого. Личность создаётся полустихийно на основе внешней среды, полусознательно – но эта сознательность не есть сознание человекам самого себя. Это есть сознательное влияние других людей на данного маленького человечка – это процесс воспитания, и сознательное, или, точнее, запрограммированное влияние всего рода человеческого в целом через механизм наследственности.

Поэтому, начиная сознать себя, человек сталкивается с необходимостью не строить свою личность – его личность в общих чертах уже создана, а оформлять результат этого полустихийного строительства. Иными словами: «познай себя!» Человек должен произвести глубочайший анализ самого себя, он должен понять самого себя. А поняв, выделив в чистом виде те священные догматы, на которых покоится его личность и без которых данный человек не был бы самим собой, проанализировав и оценив все свои особенности, слабости, черты характера и т.д. и т.п. – проделав всю эту тяжёлую работу, человек начинает уже сознательно делать самого себя – разрабатывать систему, машину для жизни, которая была бы моделью его личности, созданной без его участия, и была бы его личностью, какую он будет делать сам в течении своей дальнейшей жизни.

Это есть формализация человеческой личности. Ещё раз повторяю: машина эта, в которую трансформируется личность человека, должна быть не плодом спекулятивного воображения, а результатом изучения неформализованной личности, сложившейся уже ко времени сознательной жизни человека. Она должна быть основана на священных и не подлежащих более разумному анализу или объяснению принципах, идеях, чувствах и ощущениях, которые

лишь выделены в чистом виде скальпелем рассудка. И исходя из этого основания, личность человеческая, строящаяся в виде формальной системы, должна строиться с учётом уже имеющейся неформальной личности – её свойств, мыслей, чувств, воспоминаний, ощущений и т.д. – должна строиться как её оформление.

Это оформление включает в себя и осознание, понимание всего внешнего мира, точнее разработки своего места в нём, создание модели мира – отражения мира в личности человеческой с пониманием всех причин, следствий, взаимодействий и взаимосвязей, с пониманием всей диалектики мира. Короче говоря, программа рационалиста – есть программа неосуществимая. К тому же конечная цель этой программы, будучи достигнутой, ставит точку в конце человеческой жизни – ибо, познав всё, хотя бы и не так, как есть на самом деле, а через свою субъективную натуру, через отражение всего в личности человеческой, делать-то больше и нечего. Идея доведена *ad absurdum!*»

... Но «движение – всё, конечная цель – ничто» – говаривал Эдуард Бернштейн. И он был прав. Для рационалиста важна не конечная цель – познание самого себя и всего мира. Это нужно ему не для того, чтобы всё познав и поняв, начать наконец-то жить так, как надо. Для него вся жизнь есть движение к абсурдной конечной цели. Жизнь есть познание себя!

... Конечно, начиная приблизительно с середины 4-ой страницы [видимо, со слов «То святое, что составляет основу личности рационалиста» – И.Б. 2013], я всё более и более утрировал свою мысль, выделял идею в чистом виде, доводя её до абсурда. А всякая идея в чистом своём виде представляет из себя зрелище вовсе не привлекательное, а скорее отталкивающее. Зато теперь яснее становится моя позиция – её достоинства, её слабости и её сущность, ибо я – рационалист.

А всё-таки, может ли рационалист пожертвовать своей жизнью ради жизни другого человека? Может. Но всё дело в том, что рационалист по самой своей природе является эгоистом, это просто следствие построения личности на основе рассудочности. Конечно, это построение несовершенно, и всякий рационалист не до конца является эгоистом – отсюда первая возможность для такого поступка как жертва своей жизни ради чего-либо, впрочем возможность третьестепенная.

Гораздо важнее следующее. Рационалист может проделать столь глубокий и беспощадный анализ ситуации и своего отношения к ней, что он доберётся до самых основ своей натуры, достанет голыми руками тот самый фундамент личности, который не прикосновенен и необъясним из разумных оснований. А веления этого глубинного фундамента категоричны – и если они говорят «да», человек может расстаться со своей жизнью. Рассудок выявляет это «да», но он не может провести это внутреннее веление через недры психики к готовому решению, к действиям руками и ногами, не вступая в противоречие с самим собой, со своей эгоистической сущностью.

И тогда рассудок совершает нечто вроде самоубийства – он блокирует сам себя, сознательно заставляя человека поступать нелогично. Человек лишается разума, он уже не в силах противостоять велениям глубинного фундамента своей личности, он подчиняется категорическому императиву и жертвует своей жизнью. Рационалист может придти к решению самопожертвования лишь разрушив свою личность, хотя бы и на время отключив механизм рассудка – то есть совершив нечто вроде самоубийства. Вот в чём заключается механизм самопожертвования у рационалиста. В этом и только в этом смысле можно сказать, что самопожертвование противоречит принципам рационалиста: рационалист не может пожертвовать своей жизнью, оставаясь рационалистом, но он может сознательно уничтожить свой рационализм, хотя бы и на время, «убить» самого себя и тем самым обрести возможность самопожертвования.

Разумеется, путь, который приводит рационалиста к самопожертвованию много сложнее, мучительнее и опаснее, чем у человека, души. Человек души расстанется со своей жизнью гораздо легче, без мучительнейших раздумий, ибо на пути у него не стоит преграда эгоизма. Кроме того, ведь далеко не всегда рационалист сможет до конца пройти этот усложнённый путь – эгоизм может остаться непобеждённым. Но будем справедливыми – ведь и человек души в этом отношении не идеален: он поступает непосредственно под влиянием голоса совести, но так ли уж всегда этот голос кристально чист?

Тем не менее, если брать лучших представителей людей души и рационалистов, то в самых тяжёлых испытаниях преимущество на стороне первых – им легче будет переносить их, не затрачивая дополнительно сил на борьбу с собственным эгоизмом.

Люди души как будто бы приспособлены для жизни в крайних условиях – либо в тяжёлых испытаниях, связанных с необходимостью жертвовать собственной жизнью, либо в состоянии счастья. В жизненной системе людей души счастье занимает центральное место – это цель и смысл жизни. И никто так глубоко, всем своим существом не умеет чувствовать счастье, упиваться радостью жизни, носить это светлое и чистое чувство постоянно в своей груди – как умеют делать это люди души.

Рационалисту вообще чужда всякая непосредственность, вся его натура направлена на опосредование наблюдаемого, на его анализ, на выявление теневых и светлых сторон. Счастье же требует непосредственности категорически. Ошибочно, однако, утверждать, что счастье, радость жизни вообще неведомы рационалисту. Они свойственны и ему, но в трансформированном состоянии – они проходят обработку рассудка и теряют свою непосредственность. Поэтому к этому их трансформированному виду уже собственно и нельзя применять прежнее название «счастье» или «радость жизни». Дело в том, что высшие источники счастья и радости рационалист находит не в непосредственности реальной и конкретной жизни, а в сфере опосредования, в сфере интеллекта, рефлексии и информационного обмена с другими людьми...

Простой луч солнца не радует рационалиста – его радуют, собственно, те приятные, чистые и светлые ощущения, чувства, мысли, которые пробуждаются или порождаются этим лучом солнца. Разумеется, в этом примере всё сильно утрировано и искажено, но смысл ясен.

Но жизнь не состоит из одних лишь крайностей и в этом смысле рационалист получает право на существование и право требовать своего места под солнцем.

... Однако жутко хочется спать – писать далее невозможно, мысль уже более не в состоянии проникать влупоко в суть вещей, выскальзывает на поверхность и фразы получают известную долю легковесности и банальности. Спокойной ночи, рационалисты и все прочие...

37. РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 15 сентября 1969 года

... Я не писал целую неделю – это очень плохо. Видимо, всё-таки лучше писать каждый день или хотя бы через день пусть небольшими порциями, чем раз в неделю по восьми страниц. Надо заставлять себя писать и писать...

В субботу и воскресенье ездили на дачу: Толик, Ирина, Оля, Валера, обе Наташи, я и Катя. До этого, в среду, у нас с Катей был один разговор. Это был тяжёлый разговор... как будто на плечи тебе кладут кирпичи – один за другим – и вот уже целая стена сгибает тебя к земле... разговор возник из мелочи, из повода – появилась тонкая струйка дыма... лёгкое облачко... вот уже трудно дышать, тяжёлая туча покрыла землю... дым гудит как стекло... вязнет воля и энергия... цепи сковывают уверенность... и тоска и безысходность завладевают мозгом и топят его в себе...

Оборвалось сразу – Катя сказала несколько добрых слов... и во рту появилось ощущение теплоты, ресницы тихо хлопнули раз, другой – и я посветлел, стена свалилась с плеч... Ещё не решаясь выпрямить спину, согнутую усталостью и болью, я повернулся к Кате лицом.

С этого вечера Катя изменилась ко мне, и это заметно прежде всего ей самой. Надолго ли? и что дальше? – вот два вопроса, которые я задаю себе теперь. Сейчас у меня странное состояние – сумерки и первые лучи света....

Продолжаться держаться от Кати на «расстоянии» я более не могу. Это ложный путь – он может привести к определённым успехам, но в конечном счёте он ведёт в тупик. Я рад, что понял это достаточно скоро. Что сейчас нужно Кате – увидеть мою силу и независимость? Да, но не путём равнодушия к ней, именно равнодушие было неизбежным следствием политики «на расстоянии» или иначе говоря «дружбы». Я сразу почувствовал, как оно появилось и вызвало боль в сердце. Ведь я люблю Катю – кажется, несмотря на все разглагольствования, сомнения, несмотря на подчас возникавшее раздражение на Катю, несмотря на голос рассудка и прочее, прочее, кажется на самом то деле всё просто. Просто как свежеевымытый пол деревенской избы, когда скрипят половицы под босыми ногами и ступни ощущают тёплую влажность дерева...

Просто я люблю Катю, надо произносить это слово медленно, вслушиваясь в движение воздуха: ЛЮБЛЮ, ЛЮ-Б-ЛЮ... А можно быстро, выталкивая воздух: губы трубочкой, как поцелуй, легко, радостно... люблю, люблю, люблю... Как трудно понять, что это очень просто: я люблю Катю. Именно эта простота даётся труднее, всего, но именно в ней – приют поискам... Непритязательная, уютная фраза: я люблю Катю. Как трудно ухватить её простой смысл. Когда это удаётся – волны нежности поднимаются кверху и луч солнца тонкой стрелой радости пролетит в воздухе...

Нужно, наконец, понять это, бережно сохранять. Нужна тонкая работа по соединению этой любви с моим «рационалистичным» «я». Всё должно получиться хорошо. Главное – это, действительно, любить Катю; поддерживать её, никогда не допускать положения «я и ты», всегда только «мы вместе». Кате нужна сердечность, душевная теплота, нужно «ласкать душу». Да что тут объяснять – надо просто любить Катю, любить так, как я её действительно люблю.

В отношениях с Катей надо забыть, наконец, своё эгоистичное «я» Это же чёрт знает что такое: эгоизм в отношении к любимой девушке. Кого я в конце концов люблю: себя или Катю?!... Ну вот и полегчало. Наверное, я приближаюсь к истине – ещё несколько осторожных шагов, только бы не оступиться в пропасть, уже светлеет горизонт...

Не надо бы писать здесь это – это особый разговор, но я всё-таки напишу: было в моём отношении к Кате что-то такое, что пожалуй можно выразить словами – «как бы сделать так, чтобы Катя полюбила меня и поверила в меня и мне – тогда я и сам по-настоящему сильно полюблю её». Осознание этого ощущения длилось долго – теперь оно кажется закончилось. По-существу, это было признанием того, что я не люблю Катю, но что мне хотелось бы, чтобы она полюбила меня. Это, конечно, эгоизм чистой воды, но не в этом дело.

Осознание этого признания шло, как это ни парадоксально! параллельно с зарождением и усилением действительной любви к Кате. Чем более я действительно любил Катю, тем более осознавал я всё ещё живую во мне тенденцию заставить Катю полюбить меня, не любя её. Это приносило разлад в мою душу. Теперь этому приходит конец.

Но я опять спрашиваю себя: буду ли я любить Катю, если нам вдруг придётся расстаться, если она отвергнет меня? Способен ли я на самоотверженную любовь? Боюсь, что Катя не сотрётся из моей души ещё долго, может быть до конца моих дней – тогда воспоминания о ней будут причинять мне боль и сердце будет наполнять тоска по несбывшемуся...

Но сейчас мне кажется, что Катя уже готова полюбить меня: всё дело за мной – я, наконец, должен сообразить и понять, что я люблю Катю – люблю вне зависимости от её отношения ко мне. То есть просто люблю и относиться к Кате должен именно как к любимому мной человеку – с нежностью, пониманием, сердечностью и любовью. Всё очень просто...

38. РАЗМЫШЛЕНИЯ... вечером 17 сентября 1969 года

... Рационализм бывает двух сортов: спокойный и беспокойный. Первый характеризуется как правило спокойным отношением к действительности, уверенностью в себе, самоудовлетворением, философским отчасти взглядом на жизнь. Человек просто живёт, он не ставит себе цели, стремление к которой составляет смысл его жизни. Ему просто нравится жить, нравится наблюдать окружающую действительность, анализировать, приходить к каким-то выводам и т.д. Это человек очень приятный во всех отношениях, у него не бывает систематических состояний депрессии также, как впрочем не бывает и особо буйных радостей в силу его рационализма.

Неспокойный рационалист постоянно в поиске смысла жизни, он мучается от жизненных неудач. Он ставит перед собой разнообразные цели, старается достичь их; когда это не получается он впадает в состояние депрессии или меланхолии или раздражения, снова что-то ищет, что-то находит и движется дальше. Он постоянно неудовлетворён собой и окружающим миром, иногда теряет уверенность в собственных силах.

Вот между двумя этими крайностями рационализма и располагается всё многообразие видов рационалистически настроенных личностей. И я всё ещё никак не могу выбрать между этими крайностями. Останавливаться на чём-либо среднем в данном случае не в моей натуре: я буду мучиться из-за противоречивости своего положения. С одной стороны очень привлекает философский взгляд на жизнь, спокойная уверенность в себе и благожелательное отношение к людям. А с другой стороны есть и во мне зуд деятельности, борьбы. Хочется многого достичь. А на этом пути неизбежно неудач, разочарований и падений будет намного больше, чем побед и взлётов.

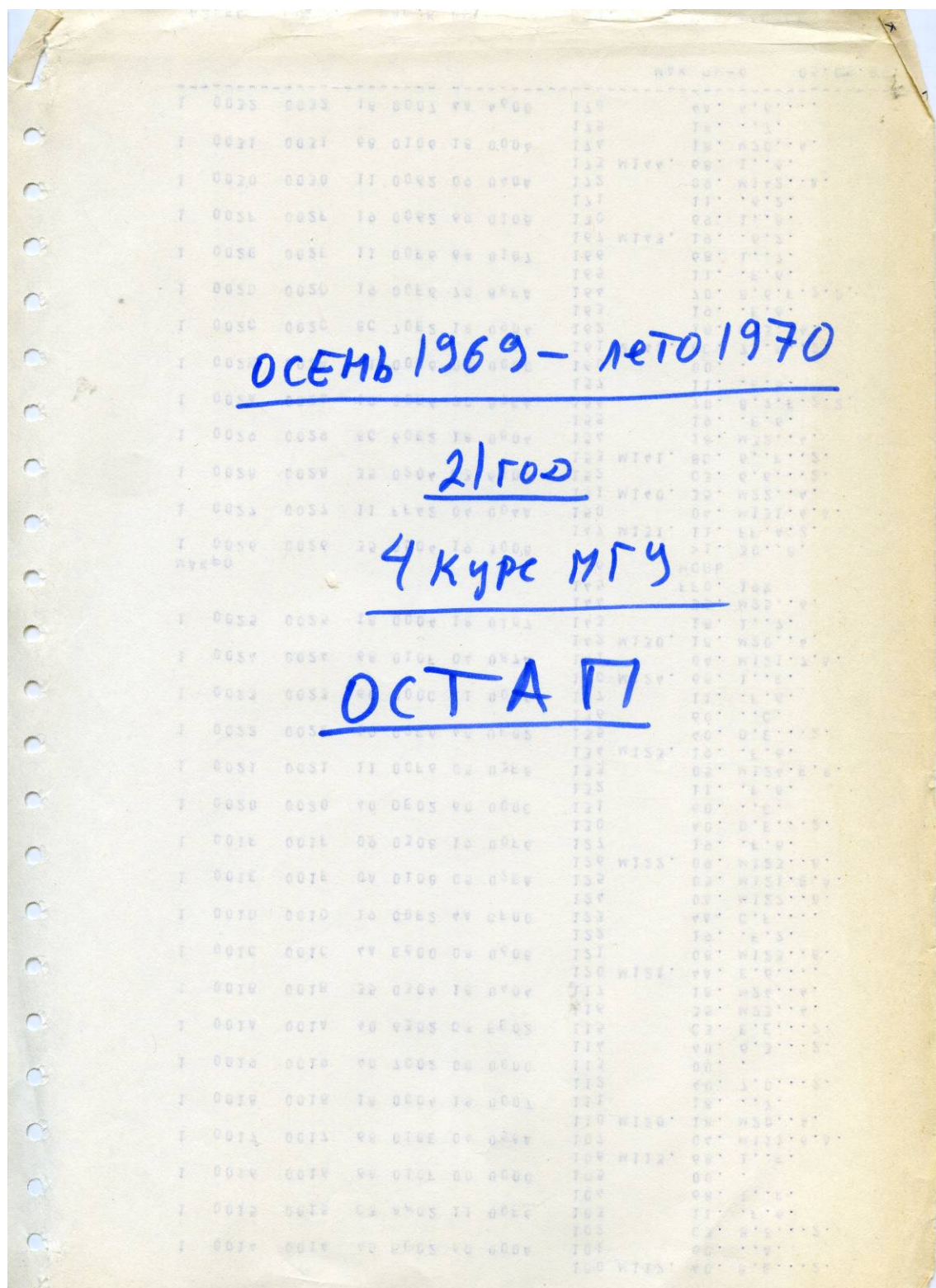
Что же лучше: Философ или Борец? Спокойное осмысление окружающей жизни или борьба за лучшую жизнь или за лучшее место в жизни? Если я выбираю спокойный рационализм, то мне необходимо: 1. отказаться от своих честолюбивых замыслов и в значительной степени от высокого уровня материального благосостояния, 2. выработать в себе философский взгляд на жизнь.

Пока что я иду по пути борьбы, но колебания мои налицо. Два фактора привлекают меня особенно в беспокойном рационализме: деньги и слава или точнее положение в обществе и в своих собственных глазах. Отказ от высокого уровня материального благосостояния с одной стороны и от честолюбивых замыслов с другой может оказать отрицательное воздействие на мою личность и на продукцию философского осмысления жизни. Конечно, можно надеяться, что удастся прорваться к такой кормушке, которая не требует борьбы и вообще особых затрат энергии и времени. Но ведь это нужно прорваться, а это можно сделать лишь путём борьбы! Какой-то замкнутый круг получается.

Существует один весьма забавный и интригующий путь, позволяющий, на первый взгляд во всяком случае, разрешить всю эту проблему. Идея заключается в том, что разные периоды жизни человеческой не обязаны быть одинаковыми по образу жизни, принципам жизни и т.п. Можно, например, вначале бороться за лучшее место в этом мире, а затем, удовлетворив в достаточной степени свою потребность в деньгах и свои честолюбивые желания, приступить к философскому осмыслению мира. Но ведь можно и наоборот заняться сначала философией, а затем, поразобравшись немного в себе и в жизни, поняв чего ты сам хочешь, уже смело и решительно двигаться к намеченным целям, вступить в жизненную борьбу. Но какой из этих двух путей выбрать?

ОСЕНЬ 1969 – ЛЕТО 1970

(21 год, 4 курс МГУ, ОСТАП)

39. ОН

1). ...Ночью, едва я закрою глаза, он просыпается

0. ОН родился в час, когда весь мир содрогался

1) ...Ночью, едва я закрою глаза, он просыпается

1.12.69

...Ночью, едва я закрою глаза, он просыпается. Встает с моей постели, одетый в чёрное, подходит в зеркалу, поглаживая жёсткую бородку. Он смотрит на свои маленькие рожки, криво усмехается, надевает цилиндр и берёт в руки трость. Каблуки его ботинок выстукивают по лестнице замысловатую дробь. Мой печальный дьявол покидает меня...

...Он стоит на перекрёстке и ловит ночное такси. Он коротко бросает шофёру: «прямо! – и, развалившись на заднем сидении, дымит длинными как карандаши сигаретами. Мой дьявол любит кататься в такси по ночному городу. Он рассеянно следит за строчками окон и читает в них людские судьбы. Он никогда не платит по счётчику – дьяволу это не нужно. Мой дьявол просто растворяется в воздухе, и бедный шофёр нащупывает в своём кармане миниатюрный сувенир – полированное копытце. И вслед такси несётся короткий смешок моего дьявола...

...Он скачет по горящим уличным фонарям и качается на проводах, смеясь на звёздное небо. Он прикуривает у запоздалого прохожего и заглядывает ему в глаза. Он забирается под одеяло к моей женщине и гладит её грудь и смеётся неслышным хохотом... Мой печальный дьявол...

...Он срывает цветок, который мне понравился, и, смеясь, бросает его в грязь. Он

.....

ОН родился в час, когда весь мир содрогался

ОН родился в час, когда весь мир содрогался от хохота. Смеялись люди на улицах, смеялись звёзды в небе, смеялись черви под землёй... С экрана телевизора, с обложек книг и журналов, из окон домов – отовсюду полз неумолимый смех. От всеобщего хохота дрожала почва под ногами, планеты покачнулись на своих орбитах, поезда сошли с рельс, небоскрёбы согнулись в приступе смешливости...

Чёрные, словно потухшие головешки, пальцы кочегаров, виртуозные пальцы скрипачей, отполированные до блеска пальцы красоток, пухленькие пальчики младенцев, – тысячи, сотни тысяч, миллиарды человеческих пальцев слились в один указующий перст. Вселенная вмиг обрела центр. Это был центр всеобщего осмеяния. Это был Я.

Нет... Неправда... ОН родился в час, когда весь мир застыл в изумлении. Смеялся только один человек. О! он покатывался с хохота, едва он открывал глаза, как его начинал душить неудержимый смех. Он смеялся над калекой, выронившим костыль на скользком льду. Он смеялся над изнасилованной девушкой и над парнем, который её изнасиловал. Он смеялся над учёным, расщепившим атом и над японским мальчиком из города Хиросима. Он смеялся в глаза другу, он смеялся вслед своей женщине, он смеялся над слезами матери. Это был Я...

... Всё это выдумки декадентов. Не было никаких трагедий. Никто не смеялся надо мной и ни над кем не смеялся я. Поэзии не было – была проза.

Как-то от скуки я заглянул себе внутрь и усмехнулся. Вот тогда и родился ОН – дьявол моей печали, мой печальный дьявол...

С тех пор он живёт во мне. Он неплохой парень, хоть и не человек. С ним можно поговорить о хоккее, поболтать о Камю или поспорить о плюралистической демократии. С ним можно выпить бокал вина или рюмку водки, выкурить сигарету или просто помолчать. Только есть у него одна дурная привычка: мой печальный дьявол усмехается; он усмехается тому, над чем нельзя усмехаться, и остаётся серьёзным, когда все смеются...

Впрочем, у каждого есть свой маленький недостаток.

40. стишки Песенка о моём боге

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

7.12.69

Я хотел бы поверить в бога
В минуту дождливой скуки.
И не потому, что на бога мода,
Как раньше на мини-юбки.

Я хотел бы поверить в бога,
Но только пусть он не трогает
Меня с моею дорогою
Своей добротою суровою.

Я хотел бы поверить в бога,
Но только без райских яблоков.
И не надо порханья ангелов
В Созвездии Козерога.

Пусть будет мой бог без святости,
Пусть будет безумцем диким,
Пусть нашу планету яростно
Закрутит с весёлым гиком!

Во всяком случае, это весело:
Встречать сумасшедшего бога
Мальчишеским свистом и дерзкой песенкой,
Вместо молитвы строгой.

41. стишки В ритмах дрожащих

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

9.12.69

В ритмах дрожащих
Последних дней
Ловлю уходящего
Лёгкую тень.

Вопросом поспешным
Взглянув на меня,
Упала в прошедшее
Губ синева.

Слежу за паденьем,
Восторг затаив,
Как лётчик на бомбу,
Летающую вниз.

Слежу за падением
С вторгом беспечным.
Кораблекрушение
Мне чудится вечером.

Утро роняет
Испуг на ресницы.
Мозг просыпается
В бреду безразличия.

Слов казуистика...
Шёпот: «Вернись!»
В бомба со свистом
Падает вниз.

И лётчик уверен,
Уходит в вираж.
Не надо мне верить –
Я только мираж.

42. стишки Время и боги...

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

26.12.69

Жизнь не призрачный мир аналогий,
Ты твердишь, что не всё возможно.
А я так думаю, люди – боги.
И я тоже.

Всё, что нужно нам в этом мире –
Стоит руку лишь протянуть.
Но... боги с всевластного скипетра
Даже пыль забывают стряхнуть.

3. Ты согласишься простым вопросом,
я лишь только пожму плечами.
время струйкой горячего воска
упадёт на мою печаль.

Без труда каждый встречный прохожий
На вопросы твоя твоя.
Я ж говорю тебе: все мы – боги,
Раз не делаем то, что хотим.

4. Ах как жалко... разбилось время
Новогодним стеклянным шаром.
Это тихий покой, наверное,
Вместо радости буйной пришёл...

2. Ты права, я грущу сегодня.
И немного жалко прошедшего.
Но на зов столь желанного полдня
Не откликнусь я этим вечером.

1. Только дикие кони в прериях
С горизонта сбивают пыль.
Мы же, безумцы, в пространствах затерянных
Пограничные ставим столбы.

Умный мальчик, наверное, скажет мне,
Будто я в парадоксах погряз.
Ты согласна с ним? Ну и ладушки...
Что мне, богу, до всех до вас?

43. стишки Трезв и скучен, как серая тень

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

7.3.70

... Трезв и скучен, как серая тень,
В глазах твоих – последний день.

Будней суета рождает иллюзии –
Жёлтый огонёк в ночной стужи.

Строкой телеграфной
Дробится мысль.
По струнам арфы
Стекает риск...

44. стишки Времена года

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

17.4.70

Я изгнал из сердца
Чёрную печаль.
Я захлопнул дверцу,
И нажал педаль.

А дорога впереди
Счёт ведёт на горизонты.
Только ветер позади,
И боюсь, не сохранить
Мне прошлого...

Но за дальним поворотом,
На обочине пути
Чьи-то косы ветер носит,
Заплетая в узелки.

Я подъеду ровно в полдень.
Я открою дверцу «волги».
И открою в сердце
Маленький замок.

Буду счастлив долго,
Буду весел много,
И заветный ключик
Выброшу в траву.

А потом приходит осень
И в испуганное непонятое просинь
Льют дожди с ресниц...

Это значит, что пора мне
Покупать замок амбарный
И носить в груди покорно
В продолжении зимы.

45. стишки Тяжёлые звуки

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

21.4.70

Тяжёлые звуки
Бетонными плитами
Падают в глухую землю.

Как будто все человечьи муки
Куют в один невозможный слиток
Три кузнеца угрюмых и медленных...

46. стишки В далёкой северной стране

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

27.4.70

В далёкой северной стране,
Где воздух скручен в тугой канат,
Где чёрные птицы крылом по волне
Отбивают тревожный такт,

Где дикие скалы,
Понутив головы,
Подставили волнам
Высокие лбы,

Где гордые люди
В молчании строгом
Прикованы взором
К закату дня,

В приюте усталых, но сильных духом,
В обители мысли холодной трезвости
Горячее сердце надежду ищет,
Спасенье от счастья – замены честности.

Солёные камни гладят руку.
Покой леденящий греет душу.
И нету другой земли на свете,
Где мелочь будней срывает ветер.

Холодный ветер,
Далёкий ветер
Страны снегов...

47. стишки ГОРЫ

Поэма

Когда я вхожу в молчаливый лес,
Рукоять топора сжимая,
Мне в душу вселяется мрачный бес
И дикая мысль возникает.

Что если покинуть мне мир городов,
Забыв о своей печали?
Что если стать чудищем детских снов,
В зелёных горах одичав?

Звериная шкура - на плечи,
В руке заржавелый топор,
Забыв про людские речи,
С рекою веду разговор.

Забравшись под самую тучу,
В раздумьи плюю под обрыв.
Сомненья того не мучают,
Кто живёт, про часы забыв.

Иль лягу на луг альпийский,
Задравши повыше ноги,
Как будто я бог олимпийский,
А прочие люди / не боги.

И знаю я - за перевалом
Снуют людишки в круговерти.
Но с высоты на всё плевал я,
Уж в этом вы мене поверьте.

И сердце спокойствия полное
Считает минуты безвременья.
И ветер холодными волнами
Щекочет меня по темени.

На небе сияют звёзды,
Бог тьмы шелестит крылом.
Мои волосатые ноздри
Нездешним сопят торжеством.

Сиж у костра одиноко,
Глаза опустив в огонь.
Я ровно дышу и глубоко,
Щеку положив на ладони.

И я размышляю о судьбах
Больших и не очень планет.
И шепчут спокойные губы
На ваши вопросы ответ.

Я здесь в одиночестве строгом
Познал все смыслы бытия.
Я стал здесь почти что богом,
А может быть я сатана.

На высоте трёх километров,
На запад ноги протянув,
Лежу, внимая шуму ветра,
Глаза ладонию прикрыв.

И ледники, как эполеты,
На плечах недвижных гор.
И солнце ультрафиолетом
Щекочет мой косой пробор.

А я в задумчивости странной
Грызу зубами ноготь свой,
И в мистической нирване
Обретаю я покой.

И душа моя впервые
Распростёрлась широко
– Я не ем грибы сырые
(Мне от них нехорошо).

Мне не нужно мыса, рыбы,
Я не пью воды сырой.
Лишь сижу на плоской глыбе,
Шевеля босой ногой.

Я не ем уже три года,
Мне не надо ничего,
Изменилася природа
Бренна тела моего.

И к тому ж при всём при этом
Я ничуть не похудал,
Хотя надобность в клозете
Отправлять не перестал.

Лишь однажды в час заката,
Оседлав верхом хребет,
Захотелось мне салата,
По-домашнему котлет.

Чарочка серебряная с чернью,
Русской водочки со льдом,
Жареной картошечки шипение,
Заливное с судаком.

Малосольный огурец
На двузубой вилке,
И с горчицей холодец,
И четыре кильки.

Над огнём шипит шашлык,
Жир стекает в пламя,
Гриб солёный боровик
Плавает в сметане.

Устриц ровно дюжина,
Маленький бекас
— Кто от такого ужина
Откажется из вас?

Но в том то всё и дело:
Я не такой как все!
И куропатки белой
Не надо мне совсем!

Я этой жизни выше.
Желания глобальны.
Парю я в сферах высших
И мыслю эпохально.

Лежу на возвышении,
И грею свой живот,
Его скользящей тенью
Любуется народ.

И негры чернокожие,
И женщины гурьбой
Сбегаются к подножию
Услышать голос мой.

И старики и дети,
И взрослые мужи
Хотят, чтоб я ответил,
Где истина лежит.

Но я вам повторяю:
Я выше суеты!
Хотя отлично знаю,
Где истина лежит.

И я сижу на брёвнышке,
И глажу свой живот.
И ласковое солнышко
Мне песенки поёт.

Кавказ, август 1970 год.

48. стишки CREDO

*Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.
в которую стишок записан 19.11.70.*

(лето 70)

Когда я сижу в глубоком кресле,
Ноги укутав в тёплый плед,
Я думаю: нету полезнее ремёсел,
Чем делать кресла и тёплый плед.

Когда выхожу на крыльцо
Своей одинокой виллы,
Я к небу пускаю кольцо
Табачного терпкого дыма.

И мысль у меня возникает,
Извечно нова, как пятак:
Незнакомые люди в далёкой Гаване
Делают для меня табак.

Когда в камине огонь горит,
Светом неярким своим освещая
Лишь маленький стол, на котором стоит
Чашка горячего крепкого чая,

Я думаю о тех, кто работает
На далёких чайных плантациях
Где-нибудь во влажных субтропиках,
Чтобы доставить мне приятное.

Я думаю это не просто так,
Я вижу в этом знамение.
Ведь каждому ясно – не каждый дурак
Пьёт кофе с черничным варением.

49. стишки ВЕЧЕР У КАМИНА

*Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.
в которую стишок записан 22.12.70.*

(лето 70)

Если вы хотите знать,
Что такое счастье,
Я могу вам рассказать,
Я могу вам показать –
И не бойтесь потерять
Время понапрасну.

Садитесь ближе к огню, друзья!
Я открою бутылку «Двина».
И не бойтесь ноги кверху задрать,
Положив на решётку камина.

Вот Вам, почтенный старый сэр,
Я могу предложить сигару.
Мы играем в покер: у Вас каре.
Поздравляю – у меня лишь пара!

Молодой и умный джентльмен!
Вас мучают проблемы,
Вы ждёте от жизни больших перемен,
Вам чудится: уходит время.

Я налью Вам бокал вина,
Пустим кверху колечко дыма.
Поверьте: это не Ваша вина,
Что жизнь проходит мимо.

Я хотел бы Вам дать один совет.
Гарантирую: довольны будете.
Он избавит Вас от многих бед:
Скажите своей девушке, что Вы её любите.

Дорогой друг!
Я Вас понимаю,
Вам недосуг –
Вы торопитесь делать дело.

